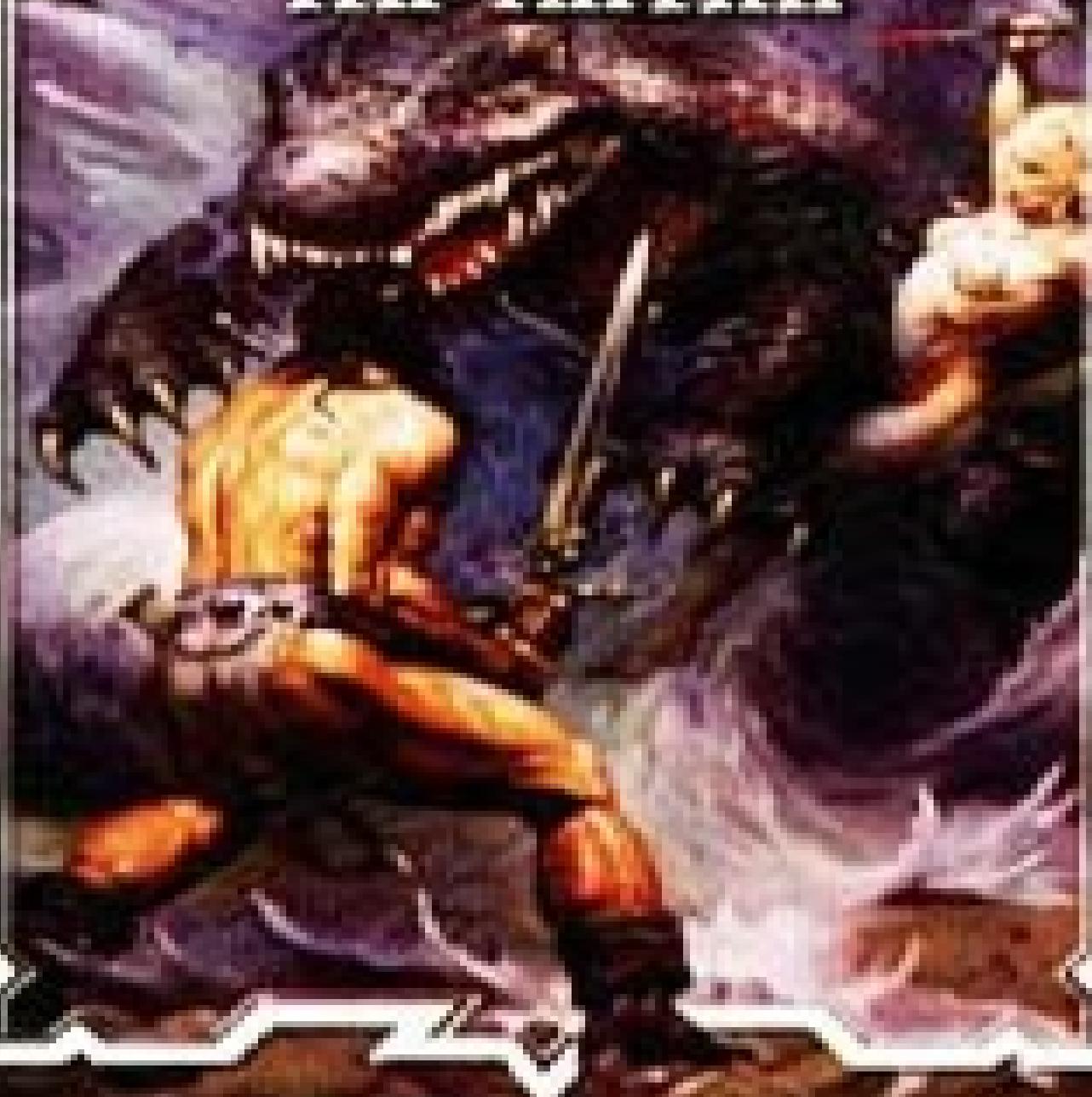

ПЕРСИАНСКИЙ

КОНАН и СОКРОВИЩА ТАРИАНТИЯ

Annotation

Отряд Ночной Стражи, в который вступает Конан, охотится на двух упырей, совершающих нападения на людей во владениях эрла Алаша Ронина.

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 2002, том 77 «Конан и сокровища Тарантии»
Керк Монро. Ночная охота (роман), стр. 213-410

- [Керк Монро](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
-

Керк Монро

Ночная Охота

Глава первая в которой Конан Канах отдыхает, размышляет о дальнейшем пути, празднует летнее Солнцестояние и случайно знакомится с очень хорошими людьми.

*День середины лета 1285 года
по основанию Аквилонии.*

Бритуния, герцогство Райдор.

О да, праздник — это замечательно! Особенno, если данный праздник отмечают в каждом государстве Заката, начиная от далеких пределов побережного Нордхейма и заканчивая прилепившейся к рассекающему материк Кезанкийскому хребту Бритунией — страной, как уверяют опытные путешественники, жутко нецивилизованной, диковатой и даже немножко варварской.

Помнят о торжестве все и каждый: блистательные аквилонские дворяне, бородачи-пираты Асгарда, огирские купцы и золотодобытчики, земледельцы дремучего Пограничья, благородные кнекты и попрошайки, наемники и служанки в тавернах, жрецы Митры и волшебники, короли и простецы. Почему? Потому, что спокон веку праздник Летнего Солнцестояния, когда светило поднимается в высшую точку зенита, а световой день продолжается едва ли не полные сутки, был почитаем еще во времена, когда и человек-то на свете не существовало, а миром правили твари неведомые, таинственные и ныне сгинувшие: альбы, дверги, О'Ши или, к примеру, совсем уж сказочные Кро мара (о последних известно только то, что Кро мара существовали, и ничего более!)

Середина Лета — праздник торжества жизни. День Митры, как еще именуется Солнцестояние, посвящен не только Солнечному божеству, почитаемому неисчислимой ордой последователей самого распространенного на Закате культа, но и вечному бытию, зародившемуся по воле богов, непрестанной преемственности жизни и просто обыкновенному человеческому счастью. Частенько бывало, что на Середину лета останавливались войны, мирились самые заклятые враги, женщины зачинали здоровых и крепких детей, которых отмечало благословение Солнца, клинки возвращались в ножны, а пиво, сваренное в ночь на праздник Митры, не прокисало целый год.

Если в торжественной Аквилонии, живущей под слабовольной дланью короля Нумедидеса из династии Эпимитриев, на Солнцестояние устраиваются парады гвардии, гуляния народа за счет казны и представления лицедеев, а сам праздник отмечен налетом державной торжественности, то в простецкой Бритунии дело происходит куда проще. В столице, многолюдной Пайрогии, громыхают флейты и барабаны, вывешиваются знамена, престарелый государь Эльдаран принимает подарки от дворянства и сам одаривает поданных мелким серебром из тощей казны, а вот в забытой провинции веселье обставлено несколько по-другому.

...Конан из клана Канах, милостью всех богов и демонов вольный человек, до прошлой весны полагавшийся государственной управой Зингарской монархии «королевским корсаром с патентом его величества», отмечал Солнцестояние за тысячи лиг от Золотого Побережья, в немыслимой глухомани, гордо именовавшейся герцогством Райдор.

Однако, Конану в Райдоре нравилось. Было в здешней простоте нечто, напоминавшее тридцатишестилетнему, много повидавшему бродяге, его раннюю юность, шум ветра в пушистых кронах киммерийских сосен, запах козлиного молока и теплые, сильные руки отца.

Если вы полагаете, что в «варварской» Киммерии не отмечают Середину лета, то весьма глубоко заблуждаетесь. Во-первых, Киммерия не более варварская страна, чем Нордхейм или та же самая Британия. Никто не спорит, народ в Киммерии обитает странноватый, необщительный, а мужчины одеваются непривычно на «цивилизованный» взгляд — взять хотя бы фейл-брекены, излюбленное облачение киммерийских горцев в виде намотанного на чресла длиннущего клетчатого пледа. Впрочем, у каждого народа свои причуды. Во-вторых, если в Киммерии нет короля, и существует всего одна дорога — торговый путь на Аквилонию — это еще не признак дикости и варварства. В-третьих, среди потомков многочисленных горских кланов вы встретите не только ярых почитателей Крома, но и митрианцев, и иштарицев и даже людей, кладущих требы Белу-Обманщику: Киммерия отнюдь не является страной, напрочь отрезанной от большого мира, а проповедники известных культов частенько наведываются за горы, дабы обрести новых последователей из числа простодушных варваров.

За двадцать с лишним лет путешествий по Хайбории, Конан Канах научился чтить всех богов, не исключая даже Сета Змеенога. Сета можно не любить, но уважать его — обязательно! Бог — это мощь, с которой смертному не совладать. Нет, разумеется, совладать (при очень большом желании) можно и со Змееногом, однако не мечом, не копьем и не кинжалом, а силой собственного разума: известно, что люди частенько бывают хитрее и пронырливее своих незримых покровителей, растерявших за долгие тысячелетия жизни за Гранью Мира часть изначальных способностей.

Бел-Обманщик, единственный, кроме Иштар, бог, живущий среди людей в телесном воплощении, однажды говорил Конану, будто у прочих его сородичей из божественной братии «мозги жиром заплыли» и во многом оказался прав.

Не надо удивляться: Конан, лет двадцать тому, действительно раззнакомился с Белом (точнее, с его аватарой-воплощением), каковой Бел отнесся к совсем юному тогда варвару с редкой снисходительностью и дружелюбием, будто почувствовал в молодом киммерийце верного почитателя и последователя. Конан вообще со многими интересными людьми и не-людьми знаком. Начиная от помянутого Бела и заканчивая принцессой Зингары Чабелой (королевская дочка, вообразите, даже умудрилась в варвара влюбиться!) или, например, знаменитой государыней Хаурана Тарамис, у которой Конан служил в дворцовой гвардии. Как сплетничали при дворе, киммериец не только ограждал госпожу от многоразличных опасностей, но и был своего рода «ночным королем». Наверняка это бесстыдные враки, а истину знают только сами Конан и королева Тарамис.

Но вот сейчас, сегодня, в вечер перед праздником Солнца, Конан Канах сидел совершенно один в большой зале таверны «У трех мечей», пил замечательное темное пиво, скучал и ничуть не радовался грядущему торжеству. Предполагалось, что на Солнцестояние надо кутить всю ночь, радоваться жизни с друзьями и подругами, и вообще быть счастливым.

Поскольку ни друзей, ни подруг у Конана в Райдорском герцогстве не имелось, варвар глушил себе бархатный ячменный напиток, и вяло размышлял, как бы развлечься. Ничего путного на ум пока не приходило.

Райдор — не столько город, сколько огромная деревня, расположившаяся у подножия крутого холма, венчаемого герцогским замком. Сразу за деревянным тыном течет-бурлит река, носящая простенькое имя «Быстротечная» и поднимает кроны густой хвойный лес, тянувшийся далеко на Полдень и Полночь.

Поселение, оберегаемое скромной крепостью необычной пятиугольной формы, населено от силы двумя тысячами людей, занимающихся ремеслами, торговлей и охотой — зверя в округе водится великое и непуганое множество, продажа мехов приносит казне герцогов исправный доход, а райдорские охотники славятся на всю Британию меткостью и выносливостью: попробуй-ка несколько дней гоняться по чащобам за редкостным серым медведем, чья шкура ценится почти как горностаевая, а затем умудрись прикончить огромную зверюгу с одного арбалетного выстрела, попав точнехонько в глазницу!

Заодно можно припомнить, что герцоги Райдора держат несколько серебряных рудников на склонах Кезанкии и Граскааля, успешно торгуют отличным лесом, вывозят на Полдень редкие минералы, добываемые в горах, и вообще ведут жизнь непринужденную, а по дворянским меркам — весьма простецкую.

Говорят, будто не существует глухомани страшней Пограничного королевства, расположенного вроде бы как рядом с великолепной Немедией, но, одновременно, ужасно далеко. Неправда, есть такая глухомань! Называется она герцогством Райдор.

Чтобы добраться до сих чащобных пределов, путнику, направляющемуся с Полуденного Побережья в Британию, следует миновать Аргос, обойти Карпашские горы через Офир и Коринфию, проехать мимо восходных графств Немедии, затем выехать в коренную Британию, а далее через Пайрогию и Чарнину выйти на немощеный тракт. Двести лиг на Полночь от столицы, и вот, вашим ясным очам являет себя герцогов замок и россыпь деревянных бревенчатых домов, обнесенных высоким тыном.

Словом, Райдор находится на стыке Рубежей Пограничья, Гипербореи (впрочем, чтобы добраться до Халоги, вам следует пересечь абсолютно непроходимый в этих местах Граскаальский кряж) и Британии. Герцогство как бы заперто в углу двух сходящихся горных хребтов, а от главных областей королевства отделено густейшим лесом и пространствами торфяных болот, начинающихся в полусотне лигах полуденное. Дыра дырой. Но люди в Райдоре живут хорошие, основательные и честные, как всегда и бывает в патриархальной провинции. Между прочим, в маленькой столице герцогства нет тюрьмы, а это о многом говорит.

Конан очутился в Райдоре не столько по собственной доброй воле, сколько по договоренности с начальником охраны купеческого каравана, шедшего сюда из Немедии — везли драгоценные ткани и золотые изделия к герцогскому двору. Известно, что за меру золота, редкого в Британии, райдорцы отдадут семь мер серебра — выгодный обмен.

Киммериец, с тяжким вздохом, принял предложение купцов: явное понижение в звании! Опуститься с высокой ступеньки королевского корсара Зингары, капитана военного карака, до презренного охранника при караване — мыслимое ли дело?! Однако, варвару пришлось уносить ноги с Полуденного побережья весьма спешно: ситуация не оставила выбора.

Скверно, когда на тебя охотятся как бывшие дружки-приятели по пиратскому ремеслу (а

некоторые из них имеют оч-чень длинные руки!) так и зингарская управа тайной стражи (у этих месьюров руки ничуть не короче). В общем, принцесса Чабела была права, советуя киммерийцу вести себя потише и не портить отношения с королем. Сейчас грозный папочка зингарской прелестницы, старый, но цепкий Фердруго, настолько разгневался выходками своего буйного корсара, что и заступничество наследницы трона не помогло.

Конан смылся из Кордавы именно тогда, когда верные слуги монарха уже собирались взять киммерийца под стражу и водворить куда следует — за оскорбление величества, неприкрытый грабеж и вообще за то, что Конан Канах является самим собой: несговорчивость и прямолинейность киммерийца даже перед лицом монархов, давно стали легендой Побережья.

Таким образом, названный Конан Канах решил переждать бурю в укромном уголке подальше от Зингары, а путь-дорога как-то сама собой вывела варвара в Нумалию, где и подвернулся упомянутый караван. Решив, что уж где-где, а в Райдоре можно запросто скрыться от любого неприятеля, Конан получил авансом двадцать золотых ауреев и с тем благополучно прибыл в самую глухую провинцию Закатного материка.

Немедленно встал вопрос: что делать дальше? Варвар никогда не терпел бездействия и безденежья — двух самых страшных проклятий его жизни. Что такое двадцать золотых немедийских ауреев? По большому счету — сущие гроши! Конечно, в отдельном кошельке остались несколько о菲尔ских монет, прихваченных во время спешного бегства (сам Конан называл это «отступлением») из Кордавы, но и они однажды закончатся. Снова идти в охрану? Скукотища! Плюнуть на расстояние и рвануть в Аквилонию, где король Нумедидес и пуантенский герцог Троцеро собирали наемников со всего света ради противостояния пиктам на Черной реке? Неплохая идея, да вот ехать через всю Британию, Пограничье, Немедийские горы и Гандерланд в Боссонию долго: добраться получится не раньше, чем к середине осени. А по дороге надо кормиться самому, кормить коня и где-то иногда ночевать. По всем расчетам денег не хватит, если, само собой, не выйдет заработать в пути.

Да, именно заработать. Конан давно понял, что он уже не мальчик из славного города Шадизара и промышлять вульгарным воровством в его возрасте просто неприлично — самого себя не уважать! Взрослый, сильный мужчина может и обязан честно заработать на себя и на путешествие собственным клинком или своей головой, благо Конан отлично умел обращаться с этими двумя, вроде бы несовместимыми, инструментами. Только как найти подходящую работу в Райдоре? Провинция настолько глухая и сонная, что даже у райдорских мух, как кажется, отросли бороды!

Придется возвращаться в Пайрогию или в Нумалию Немедийскую и искать подходящий караван, направляющийся к Аквилонским рубежам: купцы возьмут на себя заботы об охраннике и попутчике.

Только бы не попался на дороге скупец или жулик — частенько бывало, что торговцы забывали о своих обязательствах и заверениях. Не каждый купец — обманщик, но с торговой братией киммериец предпочитал держать ухо востро. Всякое может случиться.

Это может прозвучать несколько странно, но Конан всегда полагал себя честным человеком. Если киммериец нанимался на работу — будь то вполне достойное занятие телохранителя при знатном господине (а лучше — при госпоже...) или презренная обязанность «грабителя на жаловании», он всегда выполнял свои обязанности с завидным рвением и тщательностью. Если хозяин точно выполнял условия сделки и не пытался сам обмануть варвара, Конан отвечал взаимным доверием и холодной преданностью: ты платишь

мне хорошие деньги, а я взамен хорошо работаю. Не разочаруешься. Попробуешь надуть — что ж, тогда разговор будет другим.

Еще во времена бурного юношества, проведенных в славном Шадизаре — городе, отмеченном особым благословением Бела-Обманщика — Конан сам для себя определил непреложный закон: никогда не обманывать людей просто ради удовольствия или мимолетной выгоды.

Другие правила звучали таким образом: когда к тебе относятся хорошо, отвечай человеку тем же, и ты сохранишь со всеми добрые отношения. Если хочешь выйти из дела — скажи сразу, а не темни и не пытайся тайком сбежать, прихватив и свою, и чужую долю. Не обижай людей, не сделавших тебе ничего дурного. Однако, если на твоей дороге стоит законченный мерзавец — почитай за честь использовать свои сомнительные дарования хитроумного мошенника, к собственной выгоде и полному разорению противника. Не нападай первым без нужды. Защищай друзей, пусть даже временных.

Словом, этот неписаный кодекс являлся весьма оригинальным сплавом заученных с детства нехитрых уложений киммерийского горного клана и полученного в Шадизаре и других интересных городах материка обширного опыта. Пока кодекс вполне себя оправдывал: старательно придерживаясь установленных правил, Конан жил в полном согласии с совестью и в частичном — с законами.

...Демоны зеленые, сегодня же праздник! Не какое-нибудь дурацкое «большое коронное торжество», а самый настоящий, природный праздник! Можно хоть ненадолго отвлечься от забот и трудностей? Конечно можно. Только каким образом?

Конан уныло отодвинул кружку с недопитым пивом. Оглядел прочих посетителей «Трех мечей». В основном люди пожилые, уважаемые, добротно одетые — многие ради грядущего дня Солнцестояния облачились в самые лучшие наряды. Грустный кабатчик за стойкой. Любопытно, куда подевалась вся Райдорская молодежь? Сейчас, ближе к вечеру, когда начинают собираться сумерки, самое время промочить горло не только седым бородачам.

— Хозяин! — киммериец щелкнул пальцами, подзывая владельца таверны. — Налей черного эля. Держи серебро!

Кабатчик ловко поймал монетку, нацедил из бочки черного, остро пахнущего ячменем напитка и принес кружку. Озадаченно посмотрел на Конана.

— Парень, ты чего тут сидишь? — осведомился хозяин. Конан аж поперхнулся от неожиданности.

— Чего сижу? Пиво пью... Надеюсь, в Райдоре это не запрещено? Странный вопрос.

— Я не о том, — отмахнулся кабатчик, вытирая мокрые руки фартуком. — Вроде молодой еще, а штаны в доме просиживаешь, когда остальные давно на реку ушли.

То, что его назвали «молодым», киммерийца ничуть не удивило. Для своего возраста варвар неплохо сохранился — выглядел от силы лет на двадцать восемь, а про морщины или первые седые пряди в волосах думать пока рановато.

— Какие такие «остальные»? — осторожно спросил Конан.

— Вот видно, что ты чужеземец, — наставительно сказал хозяин. — В Райдоре на праздничную ночь все, кто помоложе, идут на Быстротечную, к лесу. Народу-у! Костры, покупаться можно, светлейший герцог каждого элем угощает. Песни поют. Чего тебе в духоте сидеть? Выйдешь из главных ворот, сворачивай направо, к речке. Через пол-лиги будет излучина с большой поляной. Не заблудишься. Там празднество и устраивают, милостью Солнцезарного и нашего доброго герцога. Иди, погуляй. Мешок свой можешь под стойкой

положить, не пропадет, мы люди честные. И клинок оставь — с оружием приходить нельзя!

— Светлая мысль, — заключил Конан, почесав в затылке. — Спасибо, что объяснил. И как же, на целую ночь гуляния?

— И на завтрашний день, — согласно кивнул хозяин. — Ведь самый светлый праздник в году, не Самхайн какой-нибудь... Давай, топай, тебе понравится. И девицы там будут. Таких красавиц, как в Райдоре, нигде не увидишь!

С тем кабатчик хитровато подмигнул и Конан его отлично понял. В эту ночь древними законами дозволялось многое, что в другое время было запретным. Прекрасный оборот дел — способ развеять скуку явился сам собой, без всякого приглашения!

* * *

— Все-таки, как тебя зовут? Любопытно, что ни говори...

— Какая разница, киммериец? В эту ночь можно обходиться без имен... Свое, между прочим, ты не назвал.

— Правда? Извини, если обидел. Конан, из Канахов. Так нарекла меня мать, и я не собираюсь с ней спорить. Хорошие знакомые зовут просто Конаном.

— А прозвище есть?

— Ты, милая, только что его произнесла — «Киммериец». Вообще много разных прозвищ было. Когда-то давно, к примеру, меня кликали «Малышом».

— Смешно... Верно поговаривают, будто прозвища даются от противоположного.

— Еще называли Корсаром, Варваром, а то и вовсе Разрушителем.

— Это почему, интересно?

— А, ерунда! Вышла лет несколько назад дурацкая история в Хаурене, пришлось поломать флигель королевского дворца.

— Зачем?!

— Про воплощенных демонов слыхала? В замке принцессы Ясмели нежданно-негаданно появилось такое чудо — зеленое, чешуйчатое и зубастое. Под обломками я его и похоронил.

— Ты охотник за чудовищами?

— Нет. Однако, за последние годы много всякой мерзости на дороге встречал. Приходилось разбираться... Имя, однако, назовешь?

— Много ли тебе пользы в моем имени? Ладно, не дуйся. Асгерд, дочь Олейва Широкого, херсира из Нордхейма.

— Так я и думал. Ты очень похожа на женщину с Полуночи.

— Разочарован?

— Почему же? Если некоторые киммерийцы не любят нордлингов, то это вовсе не означает, что я плохо отношусь к выходцам с Полуночного побережья. Привык видеть в людях прежде всего людей, и не обращать внимания на происхождение. Поверь, и среди киммерийцев, и среди асиров, попадаются отпетые мерзавцы.

— Надеюсь, ты к ним не относишься?

— Асгерд, честное слово, я никогда вредил людям по своей доброй воле. Либо

зашелся, либо упреждал нападение.

- Оправдываешься? Тот, кто чист перед собой и богами, никогда не оправдывается.
- Ничего подобного. Просто рассказываю о себе. Тебе не интересно?
- Интересно. Ты вообще интересный человек.
- Каков есть...

Сей непринужденный разговор происходил перед нарождающимся рассветом, когда самая короткая ночь года даровала людям знаменитый Час Быка, наиболее таинственную часть суток — на восходе небо оранжевое, а на закате черное. В Час Быка происходит смешение миров тьмы и света, приходит время волшебников, придерживающихся Равновесия, обитаемая Сфера погружается в загадочную, но не зловещую тишину и открываются врата меж мирами, соединенными в общую Вселенную без слияния и разделения.

Конан и его неожиданная подружка, носившая нордхеймское имя Асгерд, устроились под темными облаками сосновых ветвей, в гуще зарослей мягкого папоротника.

Непритязательное ложе создали широкие листья волшебного растения, пахло хвойей, лесными цветами и медом, высоко-высоко пылали холодным огнем созвездия Меченосца и Серпа, в отдалении слышался чей-то смех и плеск воды на реке — райдорцы вовсю купались в обширной заводи с песчаным берегом. Скоро надо было идти к Быстротечной, встречать солнце, являющееся миру в своей полной славе и великой мощи...

Киммериец, лежавший на спине, положив под голову кулак левой руки, а правой обняв соломенноволосую Асгерд, был почти счастлив. Праздник удался.

Райдорцы приняли чужака в свою обширную компанию безоговорочно и с неподдельной радостью. Кроме того, разве можно называть «чужаком» гостя славного Райдора?

Чужеземец решил отметить Солнцестояние вместе с хозяевами? Чудесно! Иди в круг, заезжий, тебе любой будет рад!

Владелец «Трех мечей» не обманул. Пять или шесть сотен самых молодых и ретивых обитателей Райдора собрались к закату у широкого изгиба реки в полуколоколе пешего хода от поселка. Место удивительно красивое — широкий серп Быстротечной, несшей воды с ледников Граскаала, обрамляется светлым, золотистым сосняком, множество огромных костров на опушке леса, поляна плавно опускается к речной заводи с прозрачной, прохладной водой.

Возле главного костра — настоящего жерла вулкана! — бочонки с элем и угощение от герцога, доставленное из замка. Наследник светлейшего Варта Райдора, шестнадцатилетний принц Хольм, тоже здесь, веселится вместе с будущими подданными.

В отдаленном герцогстве почти не существует разницы меж благородными и простецами, ибо и те, и другие — всего лишь райдорцы, жители маленькой страны, где большинство людей связаны близкими и дальними родственными узами, а герцог является собой не повелителя, не великого и грозного государя, но рачительного хозяина фамильных земель. Один владеет хутором, другой маленьким танством, третий — герцогством. Велика ли разница? Только в размерах владения, да в титуле.

Сам Варт Райдор не явился — нечего смущать молодежь своим присутствием. Герцог отправил на реку сына, а сам устроил в замке пир для более старших родственников, митрианских жрецов и съехавшихся в гости вассалов — эрлов и танов, повелевавших различными областями Райдора. Известно, что герцогство, пускай и крайне отдаленное от столицы королевства, занимает не меньше одной пятой территории Бритунии. А это

огромные пространства, включающие в себя как человеческие поселения и небольшие дворянские замки, так и безбрежные леса, бездонные болота и непроходимые горные кряжи.

Конан развлекался, как мог. Везде было интересно. Здесь танцы в кругу, с прыжками через костер, там младшие наследники и наследницы райдорских дворян устроили песенное состязание и можно послушать старинные героические баллады или чувственные девичьи лэ; немного в стороне местные силачи начали хвалиться молодецкой удалью — можно состязаться в кидании бревна или валунов. Киммериец, вспомнив забавы своей загорной родины, отличился — его бревно улетело аж на двадцать семь шагов, и Конан получил в подарок венок, преподнесенный невероятно смущающейся перед заезжим богатырем райдорской девушкой. Парни торжественно вручили Конану охотничий кинжал прекрасной ковки, с резным узором по рукояти и деревянным ножнам. Понимающий толк в кузнецном деле варвар остался доволен подарком и тотчас позвал остальных к бочкам — отметить свою победу.

Потом — купаться. Как и принято в праздничную ночь, совсем без одежд. Потом — снова веселиться. А когда окончательно стемнеет, можно идти искать цветы папоротника: кто найдет, обретет счастье в любви.

Когда Конан снова вышел к танцующим, его внезапно подхватили под руку и повлекли ближе к костру. Варвар в оранжевой полутиме разглядел, что стал избранником весьма решительной златоволосой особы с большущими серыми глазами и роскошными косами до бедра. Особа, облаченная в белоснежное льяное платье незамужней девицы, как чувствовала, кого избрать для одного из самых трудных танцев — джайги. Все разбиваются на пары, флейтисты, барабанщики и игроки на волынках исполняют очень быструю ритмичную мелодию.

Ноги сами начинают отбивать немыслимую дробь, надо сойтись с партнершей, слегка коснуться ее плеча своим, разворот, отойти назад, снова слизиться...

Девица, походившая как на бритунийку, так и на дочь снежной Полуночи, оказалась невероятно выносливой — Конан, и то слегка запыхался, а девушке было хоть бы что. Когда мелодия закончилась внезапным, резким аккордом, варвар решил, что не худо бы прогуляться к бочкам и слегка освежиться элем или брусничной настойкой, но...

— Гляди, приезжий, огоньки в лесу помаргивают, — девица запросто взяла киммерийца за руку, кивком указав на молчаливую чащобу, черной стеной поднимавшуюся за пределами круга света от костров. — Папоротник цветет. Пойдем, глянем, может счастье свое отыщем?

Так... Ясно и без дополнительных намеков.

Уговоров не потребовалось — Конан решил взять от праздничной ночи все, чем одарит его грядущее Солнцестояние. В конце концов, он не напрашивался.

Точно, лес мерцает сотнями зеленоватых огоньков, вспыхивающих среди травяной гущи. Светлячки. Киммериец твердо знал, что цветы у папоротника действительно иногда встречаются, однако отыскать настоящий папоротниковый цветок — удача редкостная и почти невозможная. Любой волшебник отдаст за одно-единственное высушенное соцветие целое состояние...

Тьфу, разве можно сейчас думать о презренном злате?!

— Почему именно я? — невинно поинтересовался Конан у златоволосой, когда девушка уверенно вела варвара по ей одной известным тропинкам.

— Просто понравился, — незнакомка пожала плечами. — Не думай, я не сопливая девчонка, двадцать вторую зиму отметила недавно. А с мальчишками мне неинтересно. И

ничего не умеют, и кичатся тем, что вроде бы уже мужчины... Ты откуда будешь, гость?

— Приехал из Немедийского королевства, с купеческим обозом, — честно ответил Конан. Подумал, и добавил: — А родом я из Киммерии. Знаешь такую страну?

— Знаю, как не знать. Однако, на киммерийца не больно-то похож. Штаны носишь, а не фейлбрекен.

— Отвык... Я давно из дома уехал.

Маленькая лошинка под соснами оказалась невероятно уютной, словно не дикий лес, а дом родной.

Не успел Конан удивиться, откуда в Райдоре девицы могут знать о Киммерии и любимой одежде горцев, как незнакомка вдруг остановилась, повернулась, и, лишних слов не говоря, обняла варвара за шею, впившись мягкими, но настойчивыми губами в губы Конана. Киммериец ответил столь же уверенно.

... А затем были звезды в черном небе, две или три яростных и нежных схватки на папоротниковом ложе, блаженная усталость и тихий разговор. Конан только дивился, насколько сильная и умелая подруга ему досталась — как и предупреждал трактирщик, таких потрясающих красавиц нигде, кроме как в Райдоре, не встретишь.

— Асгерд, ты сказала, будто тебе двадцать две зимы, — варвар отлично знал устоявшуюся полуночную традицию измерять возраст не летами, а пережитыми зимами. Кроме того, на Полуночи взрослеют гораздо раньше, срок замужества для девочки наступает лет в тринадцать, для мальчишек женитьба — на годик-полтора позже. — Прости за любопытство, но почему ты не замужем? Эдак в девицах навсегда останешься.

— Почему? — Асгерд на мгновение задумалась. — Времени нет.

— Времени? — поразился Конан. — Ты ремеслом занимаешься?

— И это тоже. Я охотница. Знаешь, вообще-то мое замужество тебя не касается. Замнем?

— Замнем, — немедленно согласился варвар, не желая обидеть Асгерд расспросами. — Мне, кстати, тридцать шесть минувшей весной исполнилось.

— Неужели? — настала очередь Асгерд подивиться. Даже на локте приподнялась, всматриваясь в лицо нового знакомого. — Впрочем, отчасти это видно. Но все равно, ведешь себя как семнадцатилетний. Только опыта неизмеримо больше. Ой, Конан, гляди!

— Что такое? — вскинулся варвар, почувствовав тревогу в голосе подруги. — Ничего себе! С ума сойти! Боги незримые, Кром Суровый, Митра Солнечный! Да это же...

— Не шуми, спугнешь чудо, — ладонь Асгерд легла на губы Конана. Варвар послушно заткнулся.

Буквально в трех шагах от Конана и девушки из Нордхайма, в узкой чашечке, образованной сросшимися треугольными листьями папоротника, зажегся яркий зеленый огонек. Не светляк, не упавшая гнилушка. Цветок. Сияющий ярким прохладным пламенем цветок, похожий на колокольчик.

— Кто сорвет — тому счастье и удача, — шепнул Конан, отстранивая пальцы Асгерд. — Мне этого добра в жизни хватает, так что... Пойди, возьми его. Вдобавок, ты первая увидела.

— Спасибо, не откажусь, — Асгерд не стала пререкаться. Кивнула, очень осторожно поднялась, приблизилась к чудесному цветку, коснулась лепестков. Маленьким вихрем закрутилась светящаяся пыльца. Девушка внезапно повернулась к варвару:

— Слушай, киммериец, а может...

— Никаких «может»! — прошипел Конан, резко махнув рукой. — Мое настоящее

счастье меня пока не нашло. Если получится, когда —нибудь расскажу об одном любопытном предсказании... — Срывай, не возись! Рассветет — и все пропало!

И Асгерд легко отделила цветок папоротника от стебля.

Яркий колокольчик сверкнул, затем сияние начало угасать, а спустя несколько мгновений лепестки рассыпались в пыль. Невесомые пушины не соскользнули с пальцев Асгерд, но будто бы впитались в кожу, растворившись на ладони.

— М-да, здорово, — серьезно сказала облаченная только в свои золотые косы наследница нордхеймского херсира, осматривая руку. — Действительно, чудеса. Как погляжу, ты приносишь удачу, киммериец.

— Не каждому, — осторожно заметил Конан. — Давай одеваться? Надо солнце встретить. Не след забывать обычай.

— Мы отлично встретим солнце и здесь, — улыбнулась Асгерд. — В эту лощину падают самые первые лучи, как только светило покажет край из-за гор Кезанкии. Я все здешние леса вдоль и поперек исходила, поэтому знаю...

Она подошла к варвару, опустилась рядом и тонкие, но сильные, пальцы Асгерд коснулись живота Конана.

— Надеюсь, мне не придется жалеть, что в округе не нашлось второго цветка?

— Не придется. Ты просто великолепна!

— Все вы, мужики, так говорите. А как доходит до дела...

— Дела? — яростно-шутливо рыкнул Конан, настойчиво и легко одновременно притягивая девушку к себе. — Это, какого такого дела?

В новом поединке победила Асгерд. И первый луч новорожденного солнца упал на ее блаженное лицо.

* * *

«Итак, надо принимать решение. Время не ждет, лето перевалило за середину, если ты собираешься отправиться в тысячелиговый переход через всю Полночь материка до границы Аквилонии и Пущи Пиктов, следует отправляться немедленно. Первая остановка в дороге — бритунийская столица, Пайрогия. Там придется искать караван или попутчиков, а заодно можно сунуться в наемничью контору — вдруг повезет и хозяин предложит именно то, что нужно? Путь в Аквилонию неблизкий и небезопасный, следовательно, торговцам или просто богатым путешественникам требуется надежная охрана преданных и знающих свое ремесло людей, способных честно отработать уплаченные деньги.

Если и в Пайрогии работы не окажется, придется ехать в Немедию — между пределами Трона Дракона и Трона Льва ведется оживленная торговля, в конце теплого времени года караваны пойдут чаще, чтобы успеть до осенней распутицы. Главное — не очутиться полуденнее границ Офира, где могут рыскать ищечки зингарского короля или подкупленные бывшими соратниками по корсарским забавам наемные душегубы: минувшей весной некий киммериец так насолил большим людям из Берегового Братства, что показываться неподалеку от Золотого Побережья было бы не просто рискованно, а самоубийственно...»

Такие вот мысли одолевали Конана, усевшегося на ставшее почти привычным местечко

возле мутного окна таверны «Три меча».

Конан не спал всю праздничную ночь, однако ничуть не ощущал себя усталым. В городке доселе царило веселье — в день Солнца никто не работал, если не считать полуспящей и невнимательной стражи, да содержателей таверн.

Удивительно, сколько пива, вина и можжевеловки могут потребить райдорцы во время самого главного праздника года!

Счет пошел уже на десятки бочек, но в Райдоре не замечалось пьяных драк или просто валяющихся под заборами личностей, переусердствовавших с хмельными напитками — обитатели герцогства вновь подтвердили легенду о своей прирожденной основательности и благочинности.

С Асгерд киммериец расстался утром, причем весьма неожиданно. Она просто исчезла из виду, когда варвар привел Асгерд на большую поляну: там вовсю распевали моления жрецы Митры, а поутихшие райдорцы с пietетом внимали старинным псалмам. Асгерд затерялась в толпе, и как Конан не пытался ее обнаружить, сгинула бесследно, будто по волшебству.

Киммериец, впрочем, не особо расстроился — ночь перед Солнцестоянием на то и дается, чтобы заводить такие мимолетные знакомства, целиком отдаваться радостям бытия, а потом снова возвращаться к привычной и размеренной жизни. Если, конечно, жизнь Конана хоть отчасти можно было назвать размеренной.

Он недолго послушал хор жрецов, по древнему обычаю бросил в костер жертву Митре — серебряную монетку немедийской чеканки — и зашагал к поселку. Невыспавшийся хозяин «Трех мечей» сразу вернул почтенному гостю мешок с невеликими пожитками и перевязь с мечом, вежливо поинтересовался, как прошел праздник, а затем снова начал подремывать на табурете, возле своих ненаглядных бочек.

Конан прогулялся к торговой управе (вдруг приезжие купцы собираются обратно, в Пайрогию или Нумалию и снова желают нанять охрану?), получил внятный ответ, что месьоры торговцы будут возвращаться только спустя тридцать дней, когда закупят у окрестных охотников звериные шкуры и бочки с горным медом, засим прошелся по Райдору, наблюдая за обитателями деревянного городишки, и вернулся в таверну. Вдруг подберется хорошая компания? Хоть в кости поиграть...

А завтра придется седлать коня и ехать в столицу. Хватит бездельничать.

— Конан?

Киммериец, скучливо водивший пальцем в пивной лужице на темной дубовой столешнице, поднял взгляд на обладательницу знакомого голоса и только брови вздернул.

Асгерд! Вот уж, действительно, приятная встреча!..

Теперь случайная приятельница выглядела несколько по —другому. Конан аж рот раскрыл от неожиданности. Исчезло длинное девичье платье с плетеным поясом, пропал венок из ромашек и колокольчиков.

Две тугие косы хитроумно уложены в крепкий узел на затылке и скреплены (сам бы не увидел, не поверил!) тонкими метательными иглами. Темно —зеленый с коричневым мужской костюм, за спиной — два клинка, причем разных: первый обыкновенный, нордхеймский; второй напоминает гардой и рукоятью знаменитые мечи Скелоса, которые Конан однажды видел в Туране. Ножны богато отделаны серебром. Слева на широком ремне — кинжал. Охотничий нож припрятан в особый кармашек, пришитый к голенищу сапога. На груди, на широкой цепочке, охранный знак — оберег в виде солнечного колеса.

Да, ничего не скажешь, вылитая амазонка. Внушительно и со вкусом. Если в Райдоре все охотницы такие, то Конан уже был готов остаться в предгорной глухомани навсегда.

— П-привет, — слегка заикнулся варвар. — Чего стоишь, садись. Хозяин, быстро самого лучшего вина для моей гостьи!

— Не бравируй, — поморщилась Асгерд, запросто усаживаясь напротив. — Перебьюсь пивом. Мы к вину непривычные. Знакомься, это Гвайнард.

— Если коротко и для друзей — просто Гвай. — отозвался спутник Асгерд, на которого несколько растерявшийся киммериец поначалу не обратил внимания. А стоило бы.

Гвайнард — имя аквилонское и старинное, причем благородное. Троном Льва, между прочим, владели целых три короля с таким именем! Внешностью смахивает на при рожденного гандера или темрийца — глаза карие, широкая и доброжелательная физиономия с квадратной челюстью и широкими скулами покрыта веснушками, волосы обрезаны очень коротко и цветом напоминают бурую медвежью шкуру с редкими проблесками медной рыжины. Бороду и усы не носит, но, судя по пробивающейся на подбородке и щеках густой щетинке, за седмицу, проведенную в диком лесу, превратится в совершеннейшего лешака.

Ростом не очень высок, не более трех с половиной локтей, однако изрядно широкоплеч. Под вышитой по вороту рубахой перекатываются шары мощных круглых мышц — сразу видать, в силе редко кому уступит.

Такие коренастые парни без лишней натуги поднимают за передок груженую телегу и сумеют ударом кулака завалить лошадь. Сколько лет — не определить. Можно запросто дать и двадцать пять, и тридцать пять, все зависит от настроения. Одевается скромно, в нордхеймских традициях — рубаха, меховая безрукавка, полосатые широкие штаны заправлены в короткие мягкие сапоги. Вооружение поскромнее, чем у Асгерд: только клинок (аквилонский, кстати) и кинжал. Однако, это еще ничего не значит. Судя по уверенному взгляду, Гвайнард здесь имеет вес и репутацию...

— Конан Канах, из Киммерии, — процедил варвар, не понимая, зачем Асгерд привела с собой дружка. Вполне можно было бы обойтись и без этого дюжего красавчика. Не полезет же приятель златовласки выяснить отношения с Конаном из —за событий минувшей ночи? Традиции есть традиции, и никому их нарушать не дозволено!

— Гвай, к делу, — серьезно буркнула Асгерд, принимая из рук кабатчика две новые кружки с пивом. — Нечего рассусоливать.

— Точно, — согласился коренастый и уставился на Конана. Взгляд явно оценивающий. — Асгерд рассказала мне, будто познакомилась с тобой ночью...

— И что? — набычился киммериец, окончательно уяснив, в каком русле пойдет разговор.

(Эх, женщины, женщины! Замечательный подарочек на День Солнца — сразу побежала жаловаться друзьям-приятелям! Ее, кстати, никто насилино в кусты не тащил, все обстояло прямо наоборот!)

— А то, что Асгерд решила, будто ты отлично нам подойдешь, — с терпеливой интонацией сказал Гвай. — Понимаешь, объяснять получится долго...

— Хватит тянуть лося за яйца! — обрубила Асгерд, шлепнув ладонью по столу. — Короче, Гвайнард командует нашим отрядом. Мы — охотники. Не простые, а охотники за монстрами. И хотим предложить тебе работу. Сам ночью плакался, будто остался без стоящего для мужчины дела.

Конан присвистнул. Новая встреча с Асгерд обернулась стороной весьма для киммерийца неожиданной. Ничего себе, нарвался на ватагу искателей приключений на свои задницы и прочие части тела!

... Охотники за монстрами или же Дербники (название пошло от небольшого хищного ястреба) были самыми отчаянными сорвиголовами на материке, оставляя далеко позади и корсаров Побережья, и разбойников Кезанкии, и особые военные отряды тайных служб Немедии или Аквилонии. И вообще всех! Даже среди волшебников эти пострелы считались умалишенными — работы опаснее и труднее не выдумать.

Дербники занимались тем, что за деньги избавляли мирных обитателей Закатных государств как от чудовищ, сохранившихся со времен Кхарии, так и от тварей демонических. Нечистая сила, монстры, по недосмотру или злой воле колдунов, вылезшие из Черной Бездны, воплощенные в живые (или мертвые) тела древние проклятия, упыри, злые духи и прочая нежить как раз и являлась предметом охоты. Самый опытный Дербник, какого прежде встречал Конан, мог похвастаться только семью годами удачных походов, на восьмой его покалечили так, что теперь бывший доблестный «Ночной страж» (еще одно название охотников) небезуспешно собирал милостыню в центре Бельверуса, вызывая у прохожих искреннее сострадание изуродованным до полной неузнаваемости телом. Ему еще повезло — остальные погибают гораздо раньше.

По расчетам Конана, на Закате и Полуночи континента трудилось не более десятка отрядов Ночных стражей, и услуги охотников были весьма ценны и в прямом, и в переносном смысле этих слов. Платили им много, зачастую очень много, но и работка оплате целиком соответствовала: попробуй, погоняйся за гулем или болотным ящером, а затем умретви оных!

Дербников не хватало, они шли буквально нарасхват — то у немедийского графа в фамильной усыпальнице вурдалаки завелись, то в Боссонии из закрытого прежде портала (какие во множестве образовались после падения Небесной Горы, сейчас покоящейся в глубинах Граскааля) полезла настолько жуткая нечисть, что о ней не то, что рассказывать, даже думать страшно... А в Заморе обнаружилось гнездо вампиров. А в Коринфии мирным обывателям досаждает гигантский мантикор, ворующий скот и не брезгующий иногда закусить его владельцами. А неподалеку от пуантенского Гайарда видели настоящего дракона — виверна...

Словом, темная жуть.

Конан считал себя благоразумным человеком и с Ночными стражами предпочитал никогда не связываться. На то имелись очень веские причины.

Во-первых, все они, как один, помешанные. Нормальный человек никогда не пойдет по собственной воле в отряд охотников — себе дороже.

Во-вторых, никакие деньги не искупят невообразимых тягот этого сомнительного ремесла. И не вернут потерянного здоровья.

В-третьих, однажды можно не просто искалечиться или погибнуть: будет хуже, если Силы Черной Бездны завладеют твоей душой. Огребешь какое-нибудь замысловатое проклятие, сам станешь демоном и, как следствие, предметом охоты бывших соратников — удовольствие не из лучших.

В-четвертых... В-четвертых, это и впрямь достойное для мужчины (а посмотреть на Асгерд, то и для женщины!) занятие. Не возразишь и не споришь. Кроме того, опасность этой работы преувеличена — как говорят сами господа охотники, «даже если тебя съели, все

равно отыщется два выхода»!

— Поговорим? — озабоченно спросил Гвайнард, увидев, как изменилось лицо Конана.

— Или сразу откажешься? Все, кому предлагали, отказывают. Ничего, мы не обидчивые.

— Отказать? — киммериец наморщил лоб и пожевал губами. — Какое дело предстоит? И ты уверен, что я... пригожусь?

— С гулями дело, имел? — нахмутившись, спросила Асгерд.

— Бывало. С одним даже очень хорошо знаком. Точнее, не с одним, а с одной — девица-гуль, служит немедийскому королю. Рингой зовут. Между прочим, настоящая графиня, без шуток...

— А с воплощенными демонами? — наклонил голову Гвай.

— Тоже случалось. Не люблю я их, правда.

— А кто любит?.. С опасными хищниками встречался?

— Начиная от песчаных червей-гигантов из султанапурской пустыни, и заканчивая обычными медведями.

— Значит, если доселе жив, ты либо хорошо дерешься, либо быстро бегаешь, — усмехнулся охотник. — И то, и другое в нашем деле полезно.

— Сколько? — напрямую ударил Конан.

— При удачном завершении — пять райдорских слитков серебра каждому, — ничуть не смущившись, ответил Гвай. — Если считать в немедийском золоте, выходит пятьсот ауреев.

— Боги всеблагие... — Конан откинулся на спинку скамьи. Подобный куш стоит рискованной игры со своей жизнью! На пятьсот ауреев можно безбедно существовать год или полтора. И на пиво всегда останется.

Однако, у киммерийца было еще несколько вопросов к предводителю бесшабашного отряда Ночных стражей:

— Кто заказчики?

— Герцог Райдор и эрл Ронин, — проворчала Асгерд в глубины пивной кружки. — Подумать только, в праздничный день в замок позвали, не могли до завтра переждать.

— Не ворчи, — отмахнулся Гвай. — Видишь ли, Конан, у нас потери — недавно сгиб хороший человек, долго с нами ходил... Одного верного клинка недостает. Асгерд посоветовала взять тебя. Сказала, будто приносишь удачу.

Девушка откровенно фыркнула.

— А сколько вас всего? — поинтересовался варвар, не обращая внимания на ухмыляющуюся Асгерд. — Волшебник в отряде есть?

— Лучше. Не волшебник, броллайхэн.

Умопомрачительные новости. Конан попросту онемел.

Броллайхэн, воплощенные в человеческое тело духи природы, по его мнению, отчетливо проходили по ведомству абсолютной небывальщины. То есть, сколько лет путешествовал, ни единого не встречал!..

— Сейчас в отряде трое охотников, — размеренно продолжал Гвай. — Я сам, Асгерд, и Эйнар — тот самый броллайхэн. Пойдешь четвертым? Экспедиция короткая, не дольше луны. Потом можешь забирать награду и идти на все восемь сторон света.

— Трое? Всего трое? — Конана слегка подбросило на скамье. Нет, они точно спятили! Самый маленький отряд Дербников, какой видел киммериец, состоял из шестнадцати мордоворотов, рядом с которыми здоровенный варвар выглядел худеньким мальчишкой! — Интересно, сколько лет вы работаете?

— Не расстраивайся, — Гвай дружески потрепал Конана по плечу. — Я хожу в Ночных стражах девять лет, причем ранен был только в самой первой стычке — охотились на гарпию в горах Эйглофиата. Асгерд промышляет изведением монстров три года и ни разу даже не поцарапалась. Эйнар —броллайхэн занимается нашим окаянным ремеслом незнамо сколько столетий — духи природы бессмертны, как альбы. Сам отлично знаешь, берут врага не числом и силой, берут опытом и умением. Вдобавок, мы удачливые. Согласен? Ответь искренне. Тебя никто не принуждает и не держит нож у горла.

Киммериец, как и всегда в подобных случаях, подчинился не голосу холодного рассудка, а никогда не подводившей интуиции. Кроме того, спокойный, немного застенчивый и одновременно уверенный в своей силе и правоте, Гвайнард, а тем более красавица Асгерд, варвару очень понравились. Остается взглянуть на третьего представителя лихой компании — сказочного броллайхэн.

— По рукам!

Глава вторая

в которой Ночные стражи встречаются с райдорским герцогом, эрл Ронин повествует о необычайных событиях в своих владениях, а затем Конан сотоварищи отправляются в поход за головой вампира.

Если выйти из таверны «Три меча» на главный проезд Райдора и сразу повернуть налево, утоптанная немощеная дорога выведет вас к холму, верхушку которого оседлал приземистый, темный от времени и непогод замок его светлости герцога Варта.

Архитектура простая, общая для большинства дворянских крепостишек Полуночи — прямоугольник с башенками по углам, два внутренних двора, надвратный барбикен и высокая главная башня-донжон, построенная у восходной стены. Скромненько.

Конана, видавшего и аквилонский замок короны, и гигантский дворец-укрепление туранского императора Илдиза, обиталище Райдорских повелителей не впечатлило: маленькое и сырватое, очень старое и неудобное. Гвай, по пути рассказывавший варвару об истории древнего герцогства, сообщил, будто первый камень в основание крепости заложили около девятисот лет назад, когда хайборийцы начали обживать ранее пустовавшие земли. Завершилось строительство в 720 году, и с тех пор замок только подновлялся — в прежние времена умели строить добротно. На века. Следует припомнить, что Райдор штурмовали не менее восьми раз, враги прорывались за периметр стен, но взять главную башню доселе не сумел никто.

Киммериец вполуха слушал, кивал, однако не переставал коситься на нового знакомого — Эйнара. Конана поражало, что рядом существует самый настоящий, живой броллайхэн, выглядящий не менее настоящим и живым человеком.

... Легенды и сказки, повествующие о духах природы сообщали немногое: народ броллайхэн заселял земли этого мира от самого Момента Творения и многому научился за прошедшие десятки тысяч лет. Они очень редко меняют свое обличье — столетиями носят личину человека, лишь изредка (двенадцать раз в год, на очень короткое время определенных дней) возвращая себе истинную сущность.

Они давно стали думать как люди, поступать в соответствии с человеческими законами и представлениями о поведении и морали. Им нравятся люди, и не только потому, что последние обладают бессмертной душой и великим даром — свободой воли, недоступным броллайхэн. Они владеют телесным бессмертием, наподобие давно сгинувших альбов, однако броллайхэн все — таки можно истребить (как — неизвестно), и тогда дух развоплощается, а сила уходит в мир природы, некогда породивший этот удивительный народ.

Следует здесь же отметить, что обычный человек не в состоянии уничтожить броллайхэн. Стрела, холодное железо, огонь, вода, яд и прочие носители смерти слишком просты для того, чтобы убить духа природы. Магия, куда более опасная, тоже почти не дает возможности вышвырнуть броллайхэн из зрячего мира. Однако у чудесных существ крайне

опасные враги, пускай их насчитывается немного — воплощенные и невоплощенные духи: демоны, боги и такие же броллайхэн, частенько враждующие между собой. А заодно и редкостные твари, коих, умеющий выражаться просто и доходчиво Эйнар, называл «чужаками».

Когда Небесная гора поразила земную твердь, в мире произошло много странного. Открылись Ворота, наподобие таких, что украшают Руазельский лес в Аквилонии или возвышаются посреди Гирканской Степи.

Далеко не всегда магические Ворота, которые разбросаны по всем землям Хайбории, ведут в миры, где царит спокойствие, обычно называемое людьми «добром». К счастью, большинство Врат недоступны что людям, что существам волшебным, но из некоторых порой лезет невообразимая гадость...

Лет двести пятьдесят назад из Ворот, что стоят у истоков реки Нумалии, выползло невоплощенное в тело существо, за которым Эйнар и несколько его сородичей охотились сорок два года. Тварь постоянно меняла облик, учиняла в немедийских и коринфских землях редкостные безобразия, ибо питалась живой человеческой кровью. Лишь после длительных усилий удалось изгнать чудище обратно, в мир, из которого оно явилось. Тварь обладала природной магией, способной развоплотить любого броллайхэн, и хотя, по мнению Эйнара, охота была очень веселой и захватывающей, четверым его сородичам пришлось заплатить за успех своим существованием. С тех пор броллайхэн крайне настороженно относился к существам «не от мира сего» и навсегда избрал ремесло Ночного стража — охотника за монстрами.

Все это рассказал Конану сам Эйнар, оказавшийся весьма говорливым и общительным существом. От простых людей броллайхэн ничем не отличался — выглядит молодо, почти юношески, одевается точь-в-точь как Гвай, только полоски на штанах не красно-белые, а сине-зеленые. Волосы длинные, ниже плеч, стянуты на затылке в хвост, а с висков свисают две косички — тоже нордхеймский обычай. Оружия вообще не носит, по крайней мере, сейчас.

Конан сначала не поверил, что этот парень может быть не-человеком, однако его довольно быстро убедили. Когда варвар, Гвай и Асгерд явились за своим компаньоном на ближайший постоянный двор, где остановилась шайка Ночных стражей, Конан стал свидетелем и невольным участником небольшого представления.

— Ого! — заорал Эйнар, едва Асгерд успела представить киммерийца. — Этот верзила будет ходить с нами вместо Торгейра, пусть упокоится его душа? На годность проверяли? Нет, вы только посмотрите, какой здоровый, а? Конан Канах, значит? Познакомимся! Среди людей меня обычно называют Эйнаром. Еще рассказывают, будто моим отцом был Диармайд из Темры, что на полуночи Аквилонии, за Гандерландом, но я в этом сильно сомневаюсь. Еще я недавно слышал, будто моя мать называла себя девицей Этайн, но это и вовсе неправда. Легенды говорят о многих моих родичах, и не все предания лживы. Правда, половину историй я придумал сам — чтобы звучало красивее.

Конан недоуменно посмотрел на Гвая. Тот усмехнулся и сморщил нос:

— Не обращай внимания. Таких трепачей, как броллайхэн, следует поискать...

— Называй меня Эйнар, — весело фыркнул дух природы. — Я не обижусь. Достань клинок.

— Это еще зачем? — Конан отступил на шаг назад. Русоволосый Эйнар сразу показался варвару ненормальным. Гвай это предположение нехотя подтвердил — чуток покраснел и

сказал со вздохом:

— Опять дурь в голову ударила... Не обращай внимания, Конан. Просто возьми меч и попробуй зарубить этого болтуна.

Киммериец вопросительно глянул на Астерд, но девушка только пожала плечами.

Что ж, если просят — всегда пожалуйста. Однако, предупредить следует непременно:

— Последствия за свой счет, — буркнул Конан. — Если потом будете жаловаться страже, расскажу все, как было и поклянусь в том на алтаре Митры.

Когда требовалось, киммериец умел действовать молниеносно. Ножны с мечом Конан носил не на левом боку, а за спиной — достаточно одного движения, чтобы рукоять клинка оказалась в ладони, способной тотчас нанести рубящий удар справа сверху. Варвар предпочитал не нордхеймские мечи, со скругленным оконечьем, а аквилонские, которыми можно не только рубить, но и колоть.

Ф-фах! Атака практически неотразима — лезвие обязано ударить нахального Эйнара повыше левой ключицы и рассечь почти до пояса.

Конан никогда не жаловался на точность и силу своих мечных ударов. С возрастом пришел опыт, превратившийся в навсегда заученные движения.

Ничего подобного! Широко улыбавшийся во все тридцать два белоснежных зуба броллайхэн увернулся. Как — непонятно. Просто превратился в смазанную тень, ушедшую из-под низвергнувшейся стальной молнии. А потом начались чудеса.

Конан попробовал снова ударить, но обнаружилось, что клинок невозможно поднять. Киммериец не сразу сообразил, что броллайхэн попросту держит отточенный меч за лезвие. Голой ладонью. По металлу ползут темные струйки крови — руку он все-таки поранил, и немудрено: попробуй-ка, перехвати кистью меч, выкованный лучшими аквилонскими кузнецами! Такое просто невозможно — останешься без пальцев!

— Ох, прости, — Эйнар отпустил клинок и примирительно поднял ладони. На правой красовался глубокий порез. — Я слегка погорячился. Что стоишь, продолжай.

Конан долго не раздумывал, благо находился в выгодной позиции: немногим левее Эйнара, меч направлен вперед и чуть вверх...

Выпад, в который вкладывается вся быстрота и мощь тела, стальная полоса беззвучно входит в грудь броллайхэн почти посередине, пробивая сердце, легкое и главную жилу.

Окровавленное лезвие показывается из спины броллайхэн. На серой рубахе начинает расплыватьсь багровое пятно.

«Что я наделал! — мысль вспыхнула ярким метеором. — Убить, ради забавы? Благодарю покорнейше, мне такое не подходит! Доигрались, охотнички!»

Астерд вывела остолбеневшего Конана из мгновенного ступора очень простым и необычным способом: похлопала в ладоши. Сказала, обращаясь к Гваю:

— Я же говорила! Уважения достойно! Со второго удара проколол нашего трепача! Киммериец быстр и точен...

На варвара взирали безмятежные зеленоватые глаза броллайхэн, насаженного на меч, будто жук на иглу.

— Будь добр, убери клинок, — хрипловато процедил Эйнар. — Мне неудобно.

Ошарашенный Конан потянул лезвие назад. Металл из серебристого стал темно-красным. Кровь. Горячая человеческая кровь. Эйнар поморщился, сплюнул на дощатый пол, покачал головой и непринужденно изрек:

— Надо же, не успел... Как у тебя получилось? Тьфу, рубаху теперь выбросить придется,

испачкали. Гвай, купиши новую или отдать свою!

Броллайхэн содрал через голову грубоватую холщовую рубашку, скомкал и бросил в угол. По загорелой груди и квадратикам мышц живота текли густые багровые струйки. Слева от грудины зияла длинная, с пальцем, пузырящаяся рана.

Опустив меч, Конан стоял и зачарованно, будто мальчишка перед уличным фокусником, смотрел, как рана затягивается. На глазах. Сначала перестала течь кровь, потом образовался ярко-розовый шрам, который моментально побелел, а затем попросту исчез.

Перед потерявшим дар речи киммерийцем, Гваэм и Асгерд стоял совершенно здоровый парень лет восемнадцати-двадцати. Никаких признаков недавно нанесенных ран — ладонь и грудь зарубцевались меньше, чем за одну десятую долю квадранса.

— Конан нам подходит, — Эйнар только губы поджал, словно обиделся. — Берем в долю, со всеми правами и обязанностями Ночных стражей. Асгерд, намочи тряпочку, надо вытереться. В таком виде я к герцогу идти не собираюсь. Неприлично.

Броллайхэн задумчиво погладил себя по лбу и воззрился на Конана.

— Теперь поверил, что я не-человек?

Киммериец скривил рот в невеселой усмешке и протянул руку:

— Поверил. Будем друзьями?

— Будем!

* * *

Светлейший герцог Варт Райдорский был немолод, пышно бородат и одноглаз — вышибли государю ясное око в злые времена большой войны с Немедией, случившейся двадцать четыре года назад.

Расширявшие пределы державы короли Трона Дракона пытались сделать из небольшой, но независимой Бритунии новый немедийский протекторат, однако нарвались на стойкое сопротивление и «лесную войну», когда и простецы и дворяне ушли в дебри и пущи Полуночи. Внезапные вылазки, сожженные замки, перебитые гарнизоны, удавленные на воротах немедийские мытари, пытавшиеся обирать местных жителей...

Королева Рэлея, достойная матушка нынешнего повелителя Нимеда, справедливо рассудив, что из абсурдной затеи предыдущего короля ничего не выйдет, приказала немедленно вывести легионы из Бритунии, а сама заключила со строптивыми обитателями полуночного государства вечный мир. И еще приплатила золотом. С Бритунией всегда так: за вход аурей, за выход — два...

Благородных персон в рабочем кабинете герцога собралось немного. Сам государь Варт, да его отдаленный родич, вельможный эрл Алаш Ронин из Ронина, владетель небольшого, подвассального Райдору княжества, занимавшего склоны Граскаальных гор и часть равнинных лесов. Герцог принял Ночных стражей не в тронной зале, а именно в кабинете, дабы подчеркнуть важность встречи и выказать уважение людям, занимающимся столь трудным ремеслом.

Обстановка скромная. Неохватный стол государя Варта с резным креслом, вдоль стен тянутся застеленные медвежьими шкурами лавки, стойка для книг и медных тубусов, где

хранятся пергаменты.

В камине ревет-полыхает оранжевое пламя — даже летом в каменном замке прохладно. Девки из прислуги принесли гостям светлейшего вино и мигом скрылись за толстой дверью мореного дуба.

— Рад видеть тебя, месьор Гвайнард, — на челе герцога, перечеркнутом темной полосой повязки, закрывающей выбитый глаз, отражалось недовольство. — Я очень сожалею, что отвлек тебя и твоих доблестных соратников от празднования дня Митры, однако обстоятельства вынуждают...

— Оставь, светлейший, — вежливо сказал Гвай, расположившийся вместе с прочими тремя охотниками на лавке, сбоку от стола. — Не первый год знакомы, к чему ненужные церемонии? Случилось что?

— Случилось, — нагнулся голову герцог Варт. — Во владениях месьора Ронина беда.

— Полагаю, опять фамильное проклятие безобразничает? — без разрешения влез в разговор броллайхэн. — Пррапрадушке вельможного эрла следовало быть разборчивее и не портить всех девиц в округе. Тем более, если одна из девиц являлась родной сестрой гипербoreйского колдуна.

— Заткнись, — шикнул Гвайнард и поддал Эйнару локтем по ребрам. Стоявший возле узкого окна эрл запунцовел, однако, промолчал.

— Нет, не проклятие, — ответил герцог. — Похуже. Упыри. И вообще, довольно темная история вышла. Алаш, расскажи им.

Эрл Ронинский, бледный и худощавый молодой человек с бесцветными волосами и несчастным выражением лица, прошелся по комнате, явно не зная с чего именно начать. Наконец, раздался высокий, немного срывающийся голос.

— Я рад, что почтенные Ночные стражи осведомлены о деяниях моих пращуров, за которые доселе приходится расплачиваться нашей семье, но... Вам, месьоры и милая дама, известно понятие «каттакан»?

— Известно, — коротко сказал Гвай. — Продолжай, вельможный.

— Эти твари живут в предгорьях спокон веку, народишко к ним привык, благо каттаканы в основном кусают лесное зверье... Однако, начиная с последних дней весны, в Ронине поселился безумный каттакан.

— Безумный? А именно? — подалась вперед Асгерд. — Объяснись!

— Тварь полностью вырезала два хутора. Около двух десятков человек. Спаслись всего пятеро. Потом начались нападения на деревни и снова были жертвы. Всего погибло сорок шесть моих подданных. На прошлой седмице упырь залез в мой замок и убил дружинного — высосал кровь и разодрал на куски. Округа в полном смятении. Именно поэтому светлейший герцог Райдор и... И еще кое-кто посоветовали обратиться к вам.

— Упырь нападает постоянно? — быстро спросил Гвай.

— Каждую ночь. Следы нападений отмечены в трех деревнях неподалеку от замка. Признаться, я охотно променял бы одного такого упыря на десяток фамильных проклятий... Кметы выражают недовольство бездействием власти. Ронин на грани бунта.

— Крайне нетипично для каттакана, — Эйнар задумчиво поглядел в потолок. — Их время — полнолуние, они просто обязаны атаковать лишь двенадцать раз в год! Это может быть все, что угодно, только не каттаканы из Рудны! Гуль, брукса, кяур, демон-кровосос... Или, например, муля, кальконикс, бальберит. Но не каттакан.

Киммериец слушал и восхищался. И впрямь, истинные знатоки своего дела! Конан

раньше даже предположить не мог, что существует такое огромное количество разнообразных вампиров!

— Его несколько раз видели, — проронил вельможный эрл. — Описание достоверно, как в легендах. Гигантская бесшерстная летучая мышь с человеческой головой и очень широкими крыльями. Тварь способна мгновенно перемещаться с места на место. Приходит только по ночам, когда некоторые другие упыри способны действовать и среди бела дня.

— Ничего не понимаю, — Гвай потер пальцами старый шрам на виске. — А в чем прочие странности? Достойный герцог упомянул, будто вышла чересчур темная история?..

— Тринадцать дней назад, около полуночи, к замку приехал странный визитер, — казалось, эрл был готов разрыдаться, так затравленно звучал голос вельможного. — Постучал в ворота, потребовал встречи со мной. У меня в страже люди простые: гости приняли, проводили наверх. Вдруг на самом деле что-то важное? Человек представился волшебником.

— Откуда в нашей глухомани волшебники завелись? — озадачил сам себя Гвай. — Приезжий, гипербoreец?

— Ничего подобного, месьор Гвайнард. Он отлично знал всю географию и обычай Полуночного Райдора, по разговору видно. Гость был из местных — никакой чужак никогда не научится говорить с нашим акцентом, и не будет знать маленькие секреты Ронина, танства Кернода или других земель округи.

— Как одевался маг? — Конан решил вступить в беседу. — Большинство волшебников носят гильдейские облачения или знаки магических конclaveов, которым служат. Гвай посмотрел на варвара с одобрением.

— Черная хламида, черный плащ, — ответил эрл Ронин. — На голове капюшон, так что лица я не рассмотрел. Цепочка с изображением свернувшегося в кольцо дракона, кусающего свой хвост. Дракончик серебряный или платиновый.

Асгерд, Гвайнард и Эйнар вопросительно глянули на варвара. Тот лишь плечами пожал.

— Темные одежды носят и колдуны Черного Круга Стигии, и гипербoreйцы из Белой Руки или Звездного Братства. Дракон на цепочке? Символ вечности, ничего особенного. Мне это ни о чем подозрительном не говорит. Имя назвал?

— Сказал называть его месьором Рэлем.

— Рэль? Необычное имя. И что дальше?

— Объяснил, будто знает об упыре. И хочет помочь. Причем совершенно бесплатно.

— Колдун, и не потребовал денег? — поразился Конан. — Чудеса, не иначе!

— Месьор Рэль сказал, что золото ему не требуется. Ему просто интересно поймать и убить настоящего каттакана. Он допросил стражу замка, видевшую тварь, затем потребовал у меня рескрипт, дающий право бесплатно ночевать в каждой деревне или на любом хуторе владения и требующий любой помощи со стороны кметов и старост поселков. Бумагу я сразу выправил. Потом волшебник исчез на несколько дней и нападения упыря временно прекратились. А через седмицу каттакан уничтожил Зеленый хутор. Целиком. Семью владельца, поденных работников, даже домашнюю скотину. Кровь не пил, просто убивал. Я туда ездил, посмотреть — зрелище жуткое. Некоторые тела разорваны на части. У двоих откусена голова.

— Откушена? — Асгерд даже поперхнулась вином.

— Именно. Ясно были видны следы острых зубов. Тем же вечером явился волшебник и потребовал нанять Дербников ему в помощь. Не представляю, откуда месьор Рэль мог знать, что вы находитесь именно в Райдоре, однако он посоветовал немедля седлать

коня и ехать в столицу герцогства. Я бы отправился прямиком ночью, но...

Эрл Ронин смущенно замолчал.

— Но ты боишься семейного проклятия и по ночам из замка не выходишь, — дополнил Эйнар. — Посему выехал с рассветом.

— Так и случилось, — согласился вельможный владетель Ронина.

— Припомни любые странности, особенности, все, что показалось необычным в этой истории, — потребовал Гвай. — Кроме неестественного поведения каттакана, разумеется.

— Волшебник, — немедленно отозвался эрл. — Приходил всегда после заката. Днем его никто не видел, хотя ночами только самые отчаянные ронинцы покидают дома — боятся и упыря, и моего фамильного монстра. Лошадь у колдуна просто чудовище, а не лошадь! Черная, громадная, по шкуре искорки голубые скользят, глазища огнем пылают!

— Цену себе набивает, — презрительно сказал Конан. — Обычная иллюзия, морок. Сто раз видал.

— Погоди, киммериец, не спеши, — Гвай нахмурился. — Что еще?

— Однажды месьор Рэль снял перчатки. Лицо у него, как помянуто, постоянно закрыто капюшоном, но руки я хорошо рассмотрел. Пальцы длинные, почти нечеловеческие. Ногти острые. Очень белая кожа, как самый дорогой пергамент! Я предлагал ему редкостное в Райдоре вино, настоящую «Золотую лозу» из Пуантина — отказался.

— М-да, последнее наблюдение особенно поразительно, — фыркнул Гвай. — Кажется, я уже начинаю догадываться, кто именно скрывается под личиной месьора Рэля, но пока не стану говорить — вдруг ошибаюсь? Хорошо, мы беремся за это дело. Аванс?

— Мы платим половину немедленно, — вместо эрла заговорил герцог. — Серебряными слитками или золотом?

— Лучше золотом, — Гвай принял решение за всех.

— Немедийским, аквилонским, бритунийскими шеллинами, денариями Офира?

— Золотыми ауреями Трона Дракона. Если половина выплачивается сразу, получается ровно тысяча монет.

— Я распоряжусь, чтобы казначей доставил деньги на постоянный двор, — светлейший внимательно посмотрел на Гвайнарда единственным светло-карим глазом. — Остается верить, что вам будет сопутствовать удача. Когда собираетесь выехать?

— Завтра утром. Через два дня окажемся в Ронине и немедля приступим к работе.

— В таком случае — искренне желаю удачи. Ты, Гвайнард, никогда меня не подводил.

— Благодарю, светлейший.

Когда четверка Ночных стражей миновала ворота герцогского замка, Гвай проворчал, ни к кому не обращаясь:

— Влипли мы. Прикончить настоящего каттакана невероятно сложно, а выследить — еще сложней. Впрочем, у нас будет великолепный помощник. Если, конечно, мои предположения оправданы. Хороший праздник выдался — заработали по двести пятьдесят ауреев... Идем домой, перекусим. Конан, ты в кости играешь?

— А то!

После долгих расспросов, Конан выяснил, что возглавляемая Гваем команда охотников промышляет только в Бритунии. Чудовищ здесь хватает, а посему Гвай и его соратники редко остаются без работы. Состав компании частенько меняется — одни погибают, другие просто уходят, неплохо заработав своим мечом и разумом. Верными ремеслу до конца остаются только Гвай и Эйнар, составляющие костяк отряда. Последний их товарищ, именем Торгейр, оказался недостаточно быстр и по весне попал в клешню мантикора. Таким образом, осталось лишь трое охотников.

Асгерд ничуть не соврала и не приукрасила, сказав Конану, будто является дочерью самого настоящего нордхеймского херсира — военного вождя, командовавшего несколькими морскими дружинами. Когда херсир Олейв погиб в походе, папашино наследство разделили между братьями Асгерд. Ей самой предстояло только одно — скучное замужество и прозябанье в глухом поселке на берегу Полуночного моря.

Асгерд, с ранней юности привычная к мечу и арбалету, решив, что подобное будущее ее не устраивает, попросту ушла из рода и однажды наткнулась на ватагу Гвайнарда, тогда состоявшую из восьми человек. Неизвестно, чем именно приглянулась Гваю решительная нордхеймская девица, однако Асгерд была принята в отряд и со временем превратилась в верного сподвижника и прекрасного следопыта.

Киммериец, решив выяснить о новых друзьях все, что можно, осмотрел оружие Асгерд и остался доволен — охотница пользовалась двумя клинками, каждый из которых заслуживал внимания.

Первый, с виду нордхеймский, оказывается был выкован гномами Граскааля по асирским образцам. Гномьему оружию цены нет: не затупляется, лезвие никогда не переломится, никакой ржавчины... Одно неудобство — подобный клинок может только рубить.

Второй, отдаленно напоминающий меч Скелоса, таковым, конечно не являлся, но был в своем роде произведением как кузничного, так и магического искусства. Основу лезвия составляла редкая голубая сталь, покрытая тонким слоем чистейшего серебра с нанесенными на металл охранными рунами — лучшее оружие против нечистой силы. Вдобавок, Асгерд сообщила, будто заглянула в Пайрогии к магу из конклава Золотого Лотоса, и за огромные деньги тот наложил на меч несколько весьма действенных заклинаний, способных отогнать или уничтожить воплощенных демонов.

Большую часть заработанного золота Ночные стражи тратили на снаряжение и оружие. Конан, переселившийся из «Трех мечей» на постоянный двор со знаменательным наименованием «Приют охотника» лишь руками развел, увидев, какое количество разнообразного барахла таскают с собой Ночные стражи. Не всякая лошадь поднимет. Здесь тебе и сети из серебряных нитей, и особые капканы, которые ставятся на необычных хищников вроде болотного ящера или дрохо, фляжки с ядовитыми составами, обереги против полусотни разновидностей нечистой силы, и так далее почти до бесконечности.

Эйнар, хихикая, заметил, что ради нескольких мешков с необходимыми для охоты на монстров вещами, пришлось покупать боссонского тяжеловоза, каковой теперь и возит на спине всю эту необозимую уйму полезного хлама. Причем большинство вещей могут вообще никогда не понадобиться. Но если в нужный момент требуемого предмета не окажется под рукой, за жизнь Ночного стража никто не даст и стертого медяка, а Гвай потом собственноручно начистит рыло ответственному за снаряжение броллайхэн.

— Вот любопытно, если Гвайнард командует, Асгерд выслеживает чудищ, а ты помогаешь им магией, то каково мое место в отряде? — поинтересовался Конан у Эйнара. — Что мне надлежит делать?

— Выполнять приказы, — хмыкнул броллайхэн. — А главное — сначала думать головой, и лишь затем махать мечом. Наша работа только на десятую долю состоит из драки. Все прочее время мы тратим на поиски добычи. Иногда это бывает очень трудно. Требуются соображение и трезвый рассудок. И знания. Скажи, где может прятаться каттакан днем, когда спит?

— В пещере, — уверенно ответил Конан. — Легенды говорят, будто каттакану обязательно требуется темнота, он боится солнечных лучей... Еще можно укрыться погребе, в подвале дома. В глубоком дупле старого дерева.

— Согласен. Но не всякое дерево подходит. Упыри не выносят запаха дубовой и ясеневой коры, так что дубы и ясени можно смело обходить стороной. Понял тонкость?

— Здорово, — согласился Конан. — Целая наука.

— Именно, ты очень верно сказал: наука! — поддакнула Асгерд. — Я три года учусь, и все равно, даже половины не постигла.

— А я — девять лет, — невесело дополнил Гвай. — И знаю о ремесле всего лишь немногим больше упомянутой «половины». Хотя целого не знает никто, кроме богов, сотворивших этот мир и его обитателей... Вот что я вам скажу, други. Вечереет, мы прошлую ночь не спали, а перед дорогой надо бы хорошенъко отдохнуть. Тем более, через два дня нас ожидают веселенькие приключения. Топайте по своим комнатам, подниму на рассвете.

Конан допил остававшееся на дне кружки пиво, встал и вышел в полутемный коридор вслед за Асгерд. Тронул девушку за плечо.

— Может, лучше у меня устроимся? Теплее будет...

— Убери лапы, — фыркнула Асгерд. — У меня принцип: с парнями из отряда не спать. Работе мешает. Уж извини.

— Ладно, — огорчился варвар. — Но если вдруг что случится — заглядывай, всегда буду рад видеть.

— Ничего не случится, — уверенно ответила Асгерд и закрыла дверь перед носом Конана. Из комнаты донеслось: — Приятных сновидений, киммериец.

Конан только тяжело вздохнул и отправился к себе.

* * *

Спустя два дня...

— Гвай, ответь, почему ты подался в Ночные стражи? Найдется много других интересных и опасных занятий...

— Сложилось так. Случайно. Кстати, ты угадал — я действительно аквилонец. Точнее, гандер. По молодости лет трудился в тайной службе Трона Льва, еще при государе Вилере. Когда короновался Нумедидес, пришлось уйти — начались аресты неблагонадежных, а я со своей головой расставаться никак не желал. Вдобавок, мы знали о Нумедидесе то, что знать было не положено.

— А именно?

— Вилер, дядюшка нынешнего монарха, умер не совсем естественной смертью. Его отравили. А тайная служба, которая трудится не столько во благо короля, сколько ради высокой идеи государственности, перехватила несколько писем с доказательствами того, что Нумедидес и его клевреты направляли руку отравителя. Доказательства налицо — стоит их предъявить высшему дворянству, Нумедидес сразу полетит с трона. Так полетит, что расшибется насмерть. Нас опередили. Новый король оказался изрядным пронырой и успел захватить всех, причастных к делу, людей. Моих бывших сослуживцев убили в тюрьме или запытали до смерти. Я успел вовремя сбежать.

— А те самые письма куда пропали?

— Успел спрятать в тайнике, в Тарантии. Рано или поздно я до них доберусь и попробую воздать старому ублюдку по заслугам. Допустим, переправлю послания в Пуантен, великому герцогу Троцеро, который сам имеет виды на корону... Впрочем, это лишь мечты. Меня вполне устраивает жизнь Ночного стража. Во-первых, никогда не соскучишься, во-вторых, не останешься нищим.

— Все-таки, как тебя угораздило попасть в Дербники?

— Сказал же: случайно. После спешного исчезновения из Тарантии, отправился на Восход, в Пограничье. В Вольфгарде наткнулся на отряд Стражей. Перессорился с одним охотником за игрой в кости — он жульничал, а я поймал за руку. Решили, пусть боги рассудят, сам знаешь, есть традиция: спорщики выходят на поединок, а там, как судьба даст...

— И ты победил?

— Победил. Поединок был не мечный. Кулачный бой. В тайной службе нас неплохо обучали. Опытного охотника я завалил, причем довольно быстро. Знаешь, какое у меня прозвище? Гвайнард Один Удар. Не подумай, я не хвастаюсь, просто рассказываю... Ночные стражи повосхищались и сразу предложили идти к ним в ватагу. Я согласился. Там познакомился с Эйнаром. За два года наших парней либо перебили, либо покалечили. Уцелевшие сами ушли. Остались мы вдвоем. Эйнар предложил набрать собственный отряд — я командую, он занимается деньгами, добывает все необходимое и магичит по мере сил. Точно тебе говорю, мы удачливые. Сколько лиг вместе отходили!

— Почему в твоем отряде так мало людей?

— А зачем много? Для того, чтобы убить самую кошмарную чуду, частенько хватает и двоих человек. Один работает, второй на подхвате. И потом, в Ночные стражи редко идут от хорошей жизни. Слишком опасно. Жизнь Дербника коротка.

— По тебе не скажешь. Девять лет гонять монстров и пораниться всего однажды!

— Спасибо Эйнару. Мне повезло — повстречать броллайхэн удается не каждому. Несколько раз Эйнар меня вытаскивал пряником из драконьей пасти... В переносном, конечно, смысле. Неплохо быть приятелем полубога.

— Полностью согласен...

Небольшой караван, составлявшийся из четырех всадников, двух заводных лошадей и громко пыхтящего боссонского тяжеловоза, двигался по лесному тракту на Полуночный Закат. Если заводных лошадок вели на чембурах, то огромный, мохнатый боссонец каурой масти шествовал сам по себе — эта порода прославлена не только силой, но и своеобразной разумностью. Тяжеловоз никогда не отстанет от хозяев, не будет отвлекаться по дороге на еду или водопой, а при серьезной опасности может спасти и груз, и владельца — стоит

уцепиться за поклажу, дать команду, и мощный конь резво (боссонцы на галопе могут обогнать даже лошадей знаменитой пуантенской породы!) вынесет тебя в безопасное место. У всякой лошади есть чутье на нечистую силу, но у тяжеловозов оно особенно острое. Словом, боссонский гигант является незаменимым для Ночного стража попутчиком и верным бессловесным другом.

Леса Полуночи всегда зачаровывали Конана. И пышным летом, и суровой зимой здесь ощущаешь себя так, словно попал в эпоху Сотворения Мира. Тысячи лесных звуков, запахов, цветов и красок. Мир неподвластный, однако, не чуждый человеку, маленькая Вселенная, обжитая самыми разными удивительными тварями...

Будто и не существует шумных каменных городов, цивилизации людей, расселившихся от беспредельно далекого Пагана до Пущи Пиктов, нет войн, интриг, храмов, кораблей, кузниц, домов терпимости и прочих непременных атрибутов человеческого бытия. И человека тоже нет. Лишь сине —зеленые ели и сосны поднимают к безоблачному небу могучие тысячелетние стволы, раскидывают широкие листья папоротники, светятся всеми красками радуги дикие соцветия да переговариваются о своих, очень важных делах, звонкоголосые птицы.

Спокойствие — вот главный закон полуночного леса. Конечно, человек здесь бывал, даже умудрился проложить просеку, по которой вьется дорога, затем расчистил делянки под рожь и пшеницу, выстроил редкие дома. Но с тем человек не превратился в победителя и господина Великих Лесов — Лес вобрал людей в свое гостеприимное чрево и сделал своими подданными. Лес щедро дарует пищу — от ягод и меда, до самой экзотической дичи, позволяет рубить деревья для создания жилищ, с усмешкой наделяет человека столь необходимыми двуногим приключениями... Лес вечен, как и бесконечное Мироздание. И добр к тем, кто отвечает Лесу добром.

— Гвай, ты только глянь! — Асгерд натянула поводья своей белоснежной кобылы, указывая направо и немного вперед. — Откуда он здесь появился?

Киммериец быстро отследил направление и остановил коня.

Среди толстенных, в три или четыре охвата, елей безмятежно шествовала Тварь. Большая, с породистого быка размерами.

Отряд замер на месте. Тяжеловоз задумчиво пробежал вперед несколько шагов, остановился, без хозяйской команды развернулся и снова занял свое законное место в арьергарде.

— Заметно, что мы приближаемся к Ронину, — усмехнулся Гвайнард. — Конан, знаешь, что это такое?

Варвар подозрительно оглядел бредущее по лесу чудище.

Отдаленно смахивает на дарфарского крокодила-переростка, однако ноги подлиннее, хвост покороче, чешуя кирпично-красная, морда не заостренная, а тупая. Вышагивает с таким ленивым достоинством, что любой король позавидует.

За Конана ответил Эйнар:

— Болотный ящер. Крайне опасный хищник. Конан, не хватайся за оружие — животное недавно пообедало, по походке видно. Когда ящеры сыты, они не нападают. Зверюге до нас нет никакого дела. Пройдет мимо и не заметит.

— Займемся? — деловито спросила Асгерд, но Гвай отмахнулся:

— Вблизи нет человеческих поселений, а заказа нам никто не давал. Пускай живет. Один вопрос, откуда в чистом лесу появилась тварь, предпочитающая болота?

— Мы на вершине холма, — быстро подсказал Эйнар. — Под возвышенностью — трясины. Ящер наверняка прогулялся через холм за добычей, а теперь возвращается домой, в логово.

— Логично, — согласился Гвай, наблюдая, как красноватый зверь медленно уходит в глубины леса. — Поехали, чего стоять! К закату надо быть в Ронине. Ужасно не хочется встречаться с фамильным проклятием нашего несчастного эрла. С этим чудом природы мы не справимся.

Лошади перешли на мелкую рысь, предводитель ватаги вместе с Конаном ехали впереди, Асгерд и Эйнар немного отстали, толкуя о чем-то своем.

Тяжеловоз (как выяснилось, боссонца звали Малышом, чему варвар, двадцать лет назад, еще в Шадизаре, носивший аналогичную кличу, едва не обиделся) тяжко топотал позади.

— Гвай, я уже третий день слышу о проклятии Ронинов, но доселе никто не удосужился объяснить, что это такое, — окликнул предводителя Конан. — Демон?

— Никто не знает, — Гвайнард рассмеялся. — Демон, живое существо, нечистая сила?.. Последнее всего вероятнее. Ты первый раз оказался в Райдорском герцогстве?

— Второй. Лет семь-восемь назад проходил мимо. Не задерживаясь. Тогда здесь было хорошо. Пиво вкусное и люди замечательные. Добрые.

— Тогда слушай. Если ты по своей воле записался в нашу бравую ватагу, придется открыть некоторые маленькие тайны Райдора...

* * *

Вот, что рассказал Гвай.

Полуночная область Бритунийского королевства не зря славилась обилием многоликой нечисти и нежити.

Начать хотя бы с Рудненского замка, что расположен в танстве Кернодо. По клятвенным заверениям местных жителей, разрушенный замок, многие сотни лет назад построенный исчезнувшими альбами, теперь населяли каттаканы. Упыри. Но не простые упыри, а хорошие.

Обитатели Кернодо (танство располагалось в сорока лигах к Восходу от Ронина, куда направлялся отряд) платили невеликую дань упырям, а те, в свою очередь, защищали кметов и дворян от различных напастей, наподобие банальных медведей-шатунов, разбойников, пришедших с набегом дружин Вольных баронств Пограничья, а заодно и самой натуральной нечисти: болотные хохотунцы, гигантские поющие жабы или, допустим, лесные призраки, питающиеся человеческой плотью, рудненскими упырями уничтожались беспощадно — стоило доставить к воротам замка подарки и вежливо попросить. Каттаканы Рудны никогда не кусали людей, пробавляясь дикими животными.

Упырей одновременно и боялись, и уважали.

Однако, существовали и другие каттаканы. Плохие. Вроде того существа, на которого сейчас ехали охотиться Гвай, Конан и компания. Дикие упыри селились в предгорьях, без всякого разбора жрали и людей и животных, а единственными способами борьбы с этими тварюгами было слабенькое колдовство деревенских шаманов или верные клинки

дерников...

В почти бесконечном списке райдорской нечисти особняком стояло фамильное проклятие эрлов Ронина.

Отдаленный предок вельможного Алаша Ронина по пьяной глупости обесчестил родную сестру волшебника, входившего в конclave Белой Руки Гипербореи. Маг не остался в долгу — он проклял сие семейство эрлов до сорокового колена, вызвав неизвестно откуда леденящую кровь чудовище, поселившееся в болотах, прилегающих к замку.

Трехглавый огнедышащий пес уже больше столетия наводил панику на всю округу, изредка появляясь из трясин и непринужденно гуляя по окрестностям замка эрлов. Если подходить к вопросу научным образом, то выходило, что многоголовая собачка, серебряной с черными полосами масти, являлась именно нечистой силой: ее видели исключительно по ночам и только за пределами крепости Ронин, псина опасалась даже факельного света и некоторых заклинаний деревенских колдунов. Митрианских берегов и арбалетных болтов с серебряными наконечниками тварь боялась как огня, и мигом убегала обратно, в болота. Но не всегда.

Проклятие было весьма действенным. Никто из потомков беспутного эрла не дожил до пятидесяти лет. Каждый наследник мужского и женского пола рано или поздно умирал при весьма таинственных обстоятельствах, а на теле убиенных всегда обнаруживались следы чудовищных клыков. Ронины отчаянно сопротивлялись: семья была богатой, ибо владела почти неисчерпаемыми серебряными рудниками в Граскаале, а посему за немыслимые деньги нанимались маги, Дербники или просто отчаянные бойцы, вызывавшиеся прикончить демоническую собаку. И все охотники (среди них был даже колдун из Черного Круга!) погибали. Все, до единого!

Третьего года, нынешний эрл Алаш, выложив не менее одной пятой впечатляющего семейного состояния, пригласил знаменитейшего мага Тот —Амона, из Птейона, однако стигийский колдун, осмотрев местность и проведя тщательные исследования, вернул деньги и отказался работать. Сказал, будто избавить Ронинов от проклятия ему не по силам. Надо обращаться не к людям, а к богам.

С тем Тот-Амон холодно раскланялся и отбыл в неизвестность, построив магический портал, ведущий незнамо куда.

Знакомых богов у молодого Алаша Ронина не было, а потому...

Потому, Гвай и его небольшой отряд некогда получили заказ от ронинского эрла на изведение твари, приняли его, но, издалека посмотрев на чудовище, тоже возвратили Алашу аванс и отказались от дела. Уничтожить одного из самых страшных демонов Черной Бездны (или откуда он там вылезает?) человеку не по силам. А как только серебристо-полосатый Триголов чувствует, что на него охотятся, он сам начинает охоту. И никогда не проигрывает.

Гвай привел еще один, почти несокрушимый довод, оправдывающий его отказ заниматься проклятием Ронинов. Огнедышащий пес стал легендой. Волшебной, пусть и жуткой, сказкой. Настоящей достопримечательностью герцогства. Даже самый известный на Закате сочинитель страшных баек, Стефан Король Историй, чьими рассказами зачитываются и дворяне, и простецы, описал Триголова в одной из повестей! А сказку разрушать нельзя.

Кроме того, чудище охотится только на потомков Ронина и не трогает обычных людей. По расчетам Гвайнарда многоголовая псина совершают одно убийство раз в двадцать пять лет, если не считать незадачливых охотников, которые сами напрашиваются...

Четыре человека за столетие — это несерьезно. Гораздо серьезнее «бешеный каттакан»,

вырезающий целые деревни. Ночные стражи трудятся ради спокойной жизни обычных людей. И только во вторую очередь — ради денег. В том —то закон и правда.

Такие дела, киммериец... Вот он, Ронинский замок!

* * *

Предки эрла Алаша выбрали для строительства родового гнезда весьма оригинальное местечко, но традиции соблюли. Квадратная каменная коробка без единой башенки воздвигалась на вершине скального выхода, поднимающегося возле пологих холмов. Скала очень высокая, около четверти лиги. И невозможно крутая.

Оригинальность состояла в окружающем пейзаже: с Заката и Полуденного заката маленькое укрепление окружали болота, поросшие мелким сосняком и худосочными березками, едва достигавшими трех локтей в высоту. Со стороны болот простиралась равнинная часть владений Ронин, а прочие части света украшались лесистыми возвышенностями, плавно перераставшими в непреодолимую стену Граскаальского хребта, украшенную по верхней кромке серебристыми шапками ледников.

Замок стоял точно на границе неосвоенных чащоб и жутковатых в своей вековой молчаливости топей.

Со стороны леса к скале прилепилась деревня. Совсем небольшая, раз в пять меньше Райдора. Ничего особенного: частокол из заостренных кверху бревен, над соломенными и дранковыми скатами выются почти невидимые голубоватые дымки. Солнце постепенно уползает в глубины болот, отдавая миру последние красноватые лучи.

Кажется, будто замок Ронин облит кровью...

Полнейшая тишина, нарушаемая только перестуком копыт.

Ворота деревни оказались запертыми.

— Открывай! — привычно заорал Конан, едва отряд приблизился к тыну. — Не бойтесь, мы не упыри, а всего лишь вурдалаки!

— Кто таков? — угрюмо осведомились со стены. Над частоколом показалась заросшая по самые глаза физиономия ронинского стражника в древнем шлеме-шишаке. — Откуда, зачем?

— Вельможный эрл не предупреждал, что Ночные стражи приедут? — осведомился Гвай. — Сам-то господин прибыл?

— Как же, сиятельный еще днем приехать изволили... — задумчиво ответил медведеподобный блюститель. — Вас обогнали. Сейчас открою, почтенные. Только давайте пошустрей, ночь близко. А ночи у нас беспокойные.

Левая створка ворот, со страшным скрипом заржавленных петель, отошла в сторону. Дербников окружил десяток стражников и обычных кметов, назначенных старейшинами в дозор. Потребовали слезть с лошадей. Гвай невозмутимо подчинился, его примеру последовали остальные.

Дальше началась сущая комедия. Ронинцы приложили ко лбу каждого гостя серебряный амулет с солнечным коловоротом, приказали открыть рот — вдруг обнаружатся упыриные клыки? — и только потом отпустили с миром, указав, где находится единственный в Ронине

постоялый двор с лирическим наименованием «Свинья и котел».

— Да, запуганы они основательно, — ворчал Гвай по пути через деревню. — Если уж не верят людям, приехавшим на лошадях, от которых нечисть шарахается, будто от живого пламени, значит эрл не зря поднял панику и нанял Ночных стражей. А, вот и таверна. Асгерд, Эйнар, займитесь лошадьми и поклажей, а мы с Конаном прогуляемся в замок. Надо повидаться с вельможным Алашем. Если он еще со страху не помер.

— Темнеет, — напомнил киммериец. — Может, переждем до утра?

— Конан, от упыря не спасет самая высокая и крепкая стена, — укоризненно заметил Гвай. — Каттаканы способны преодолевать любые преграды. Их не отпугивают серебро, заклинания или обереги. Таким образом, получается, что если упырь задумает напасть именно на тебя или меня, неважно, где именно это произойдет. В замке, на улице или в нужнике. Асгерд, присматривай за Эйнаром!

Подошли двое конюхов, заинтересовавшихся поздними визитерами, с радостью узнали, что приехали Ночные стражи и сразу принялись помогать нордхеймской девушке и разговорчивому броллайхэн. Конан вместе с Гваем быстро зашагали к подножию скалы.

* * *

— ...Ф-фу! — варвар утер пот с лица. — Теперь я понимаю смысл выражения «неприступная крепость! Как они сюда коняг заводят?

— Да никак. Лошадки вельможного эрла стоят в конюшне, внизу. Сюда кроме человека, кошки и упыря никто забраться не может.

Доблестные охотники стояли на единственной ровной площадке скального выхода, прямиком перед воротами крепостишики Ронинов. Гвай заметил, что неудобная тропа недаром именуется «Пыхгелкой», а Конан с ним немедленно согласился — тропка, ведущая к замку, больше подходила горным козлам, а не людям. Крутая, осыпающаяся, извивающаяся между гранитных зубьев, будто пьяная змея, идти можно только по одному, цепочкой... Неужели Ронины настолько боятся семейного чудища, что не удосужились проложить наверх более удобную дорожку? Ночью будешь спускаться — ноги переломаешь. Или просто сорвешься и загремишь вниз. Результат вполне предсказуемый: свернутая шея.

— Красиво, — сказал киммериец, рассматривая окрестности с огромной высоты. — Никогда ничего подобного не видел.

В сумерках княжество Ронин казалось разделенным на две равные половинки. По левую руку тянутся более светлые поля болот, справа — черно-зеленые пушистые дебри. Шутка богов. Незримые словно ударили мечом по неизмеримым пространствам полуночной Бритунии, разрубив страну надвое. Граница топей и чащоб проходила по совершенно прямой линии, теряясь за горизонтом.

— Век бы этой красоты не видать. Конан, ты неисправимый романтик. Наверное, поэтому и согласился с нашим предложением? — Гвай сплюнул и еще несколько раз саданул кулаком по окованным вратам замка. — Куда люди подевались? Упырь всех перекусал? Так рано еще для упыря, чересчур светло...

Открыли калитку. В проеме образовались трое дружинных — по уши в драных

кольчугах. Оголовья, кольчужные чулки и рукавицы, усиленные железными накладками нагрудники. Гвай вздохнул. От каттакана никакой доспех не спасет.

— Ночные стражи, к вельможному эрлу, — проворчал Гайнард. — Нас ждут... Точнее, должны ждать.

— Как же, судари, имеем извещение от славного нашего господина. Идемте. Проводим тотчас.

Кольчужные провели охотников через маленький дворик, впустили на узкую лестницу и благополучно доставили на второй этаж. Пахло мышами и жареной свининой.

— Вот сюда проходите, — гудел старший, наверное, десятник. — На эти лавки располагайтесь. Только осторожнее, месьоры Ночные стражники, у того сидения ножка поломана, вместо нее кирпичики лежат. Я — Хольм, начальствую над караулами. Это вот Ларе. Главное, не поворачивайтесь к нему той стороной, где кошелек — ручонки у него независимо от рассудка работают. А к Бренду никогда не поворачивайтесь, я дико извиняюсь, задницей. Счас вельможного позовем. Ихняя светлость книжки смотреть изволят в зале, по-умному именуемой читательной...

Конан был готов от души посмеяться, Гайнард тоже прыскал в кулак. Вот она, дремучая ронинская патриархальность, во всей пленительной красе!

— Добро пожаловать, господа! — со стороны двери небольшой и очень неуютной комнаты раздался высокий голос молодого эрла. — Я обогнал вас всего на несколько колоколов, благо выехал из коренного Райдора в тот же вечер, сразу после нашей беседы. Как вам нравится в Ронине?

— Просто-таки дивно, — Гвай решил не вдаваться в подробности. — Особенно здешняя стража умиляет.

— А других где взять? — тяжко вздохнул Алаш Ронин. — Сожалею, но вам тотчас придется вернуться в деревню. Мой каштелян сообщил, будто прошлой ночью явился волшебник, месьор Рэль, и сказал, что будет ждать Дербников в «Свинье и Котле» после полуночи.

«Каштелян — управитель, ведающий хозяйством, конюшнями и казной, — перевел Конан с местного наречия, на ставший привычным аквилонский язык. — Отлично, поглядим, какие у вас тут волшебники разгуливают...»

— Вина? — нетерпеливо спросил Ронин. — У меня есть и «Либнум» и «Золотая Лоза».

— Благодарим, лучше завтра, — отрезал Гвай. — Пока вельможный отсутствовал, упырь не появлялся?

— Тварь похитила еще трех человек, двоих убила, — эрл горестно покачал головой. — Я распоряжусь, чтобы вас проводили до подножия скалы. С факелами. Тропинка немного запущена. И... И будьте осторожнее. Фамильное привидение в последние дни расшалилось — его видели позапрошлой ночью на главной улице деревни. Совсем обнаглел, мерзавец, уже в поселок забирается. Не к добру это... Переговорим с утра. Прощайте.

Эрл Ронин коротко поклонился и вышел. Взамен показалась озабоченная физиономия десятника Хольма.

— Соизвольте, вельможные, проследовать до низу. Факелы сами понесете, а то нам неудобно — копья в руках. Вдруг пригодятся супротив упырей?

Гвай громко фыркнул и доверительно спросил у Конана:

— Ты запомнил, к кому из них нельзя поворачиваться фундаментальной частью задней половины туловища?

Варвар, не сдерживаясь, расхохотался в голос.

* * *

Постоялый двор «Свинья и котел» несколько отличался от тысяч собратьев, украшающих собой города и поселки Заката. Одноэтажность отлично компенсировалась длинной дома — шагов двести, не меньше. Крыша соломенная. Половина строения отдана под громадный обеденный зал, другая разделена на темные маленькие каморки — комнаты для гостей. Гостей же, кроме Ночных стражей, в «Свинье» не наблюдалось. Зато явилось великое множество местных — посмотреть на Дербников. Ночью, в темноте пришли, не убоялись! Верили, что знаменитые охотники на чудовищ защитят в случае любых неприятностей.

— Боги незримые, наконец-то вы явились, — с жалобной интонацией сказала Асгерд, когда Гвай и Конан протолкались к столу. — У Эйнара язык как помело, но я-то не двужильная! Совсем замучили — расскажи то, расскажи это. Теперь сами отдувайтесь. Кстати, у меня две плохих новости.

— А именно? — насторожился Гвай.

— В так называемых «комнатах» ночевать нельзя. Клопов больше, чем звезд на небе. Зажрут насмерть, никакой упырь не понадобится. Засим: тебя, как предводителя ватаги, намереваются испытать туготные задиры. Им, понимаешь, не верится в нашу силу.

Гвайнард почесал в затылке и ответил:

— Ночуем на сеновале, никакой страшный кусачий зверь не доберется. А насчет забияк... Я не буду возражать.

Он повернулся к притихшей толпе ронинцев, сгрудившихся вокруг стола Ночных стражей и с самым невинным видом осведомился:

— Кто здесь меня проверять захотел?

— Ты, что-ль, начальствуешь? — хмуро спросил безбородый парень из ронинской деревенской молодежи. — Тю! Я-то думал ватагой длинный командует...

Все посмотрели на невозмутимого Конана, потягивавшего наикрепчайший черный эль. Киммериец на взгляды не ответил, сосредоточившись на содержимом кружки. Посмотрим-посмотрим, как Гвайнард выкрутится!

Из толпы вытолкнули местного богатыря. Засмотришься — эдакий человечище! Ростом на полголовы превосходит отнюдь не маленького Конана, плечи мечевыми, руки в тугом сплетении мышц и синеватых жил, шея бычья. Однако, посматривает смущенно.

И молод совсем — не больше двадцати зим на свете прожил. Невысокий Гвай рядом с ним кажется малым ребенком.

— Во! — загалдели ронинцы. — Арта на кулаках поборешь, поверим!

— Давайте, — скривился Гвайнард. — Столы отодвиньте, чтоб место было. Здесь поборемся. На улице темно...

— Может, лучше длинного выставишь, за ради потешного поединка? — сконфуженно проговорил могучий Арт и еще больше покраснел. — Ведь зашибу...

Конан непроизвольно сжал кулаки.

Побороться можно, но только не с живой осадной башней! Нет, киммериец не боялся,

просто сразу начал прикидывать, как можно завалить такого исполнина. Потребуется хитрость, а не грубый мордой...

Гвай на Конана и не посмотрел. Ждал, пока тяжелые столы уберут к бревенчатым стенам. Вышел на середину. Руки висят расслабленно, на лице философическая задумчивость. Асгерд была спокойна, как скала. Броллайхэн откровенно ухмылялся.

Громила Арт атаковал первым — попытался нанести прямой удар в челюсть. Если бы попал, Гвай недосчитался бы половины зубов.

Дальнейшего никто, включая внимательного Конана, не увидел. Слишком быстро произошло. Гвай непонятно как ушел от сокрушительного тарана, нырнув вниз и правее. Смазанной полоской мелькнула его правая рука.

И сразу все кончилось. Арт тяжело повалился на золотистую солому, устилавшую пол. Ронинский боец пребывал в состоянии бессознательном.

Конан закашлялся. Местные изумленно загудели.

— Гвайнард Один Удар, — удовлетворенно хмыкнула Асгерд. — Предпочитаю быть его другом, а не врагом. Киммериец, не удивляйся. Таким манером нас в каждой деревне испытывают. И мы всегда доказывали... Эй, вы чего делаете?!

Восторженная толпа ронинцев схватила Ночных стражей, силой подтащила к столу, усадила. И началось...

Пиво и эль — бочонками. Дичь и свинина — горой. Нашли даже кувшин кислого вина — редкость! Все для почтенных гостей! Ай да предводитель охотников! Арта поверг, не кого-нибудь!

Самого Арта мигом унесли шестеро крепких бородачей — пускай отлежится!

— Истинно бритуйское гостеприимство, — посмеивался Гвай, — Точнее, ронинское. Ты кушай, варвар. Теперь нам все бесплатно. В любом доме Ронина.

— Как у тебя получилось? — не переставал изумляться Конан. — Как? Этот верзила и меня уложил бы с такого удара! Шею бы запросто переломал!

— Быстрота, точность, спокойствие. И лишь самую малость грубой силы. Это еще один непреложный закон Ночных стражей. Ничего сложного, Конан. Рано или поздно научишься.

Ночной праздник так бы и продолжался, не появясь на пороге «Свиньи и котла» примечательная личность.

Черные одежды, глубокий капюшон, серебряное украшение на груди — маленький тощий дракончик, вцепившийся зубами в собственный острый хвостик. Ладони гостя затянуты в кожаные перчатки.

Люди внезапно замолчали. Расступились, пропуская мрачного визитера. Отошли подальше.

— Месьор Гвайнард, если не ошибаюсь? — проговорил незнакомец, подойдя к столу. — Меня зовут Рэль. Побеседуем?

— Побеседуем, — Гвай медленно встал, внимательно глядя на черноплащного. — Не здесь, разумеется. Ребята, Асгерд, пьянку заканчиваем. Быстро топайте к сеновалу. Там удобнее всего. И клопов нет.

Конан, подчиняясь приказу, шагнул к выходу. И успел расслышать тихий вопрос предводителя отряда:

— Если я правильно понял, вы прибыли из Рудны?

— Именно. Пойдемте, сударь. Не будем смущать бестолковых кметов. Не по их уму разговор.

Глава третья

в которой Конан с изумлением слушает объяснения удивительного «волшебника», встречается с проклятием эрлов Ронинов, а затем оказывается в дальней деревне, возле которой видели каттакана.

А строились с удобствами – взбрались на огромную копну душистого летнего сена, расстелили мягкие войлочные плащи, хозяйственный Конан, утащивший со стола жбанчик с полюбившимся черным элем, хлеб и резное блюдо с нежнейшей кабаньей грудинкой, вынул из дорожного мешка деревянные стаканчики, которые всегда возил с собой, а волшебник по имени Рэль организовал освещение: под потолок сеновала взмыл светящийся теплым золотом огненный шарик. И красиво, и безопасно — не вспыхнет сухая трава.

Странный колдун доселе не решился отбросить капюшон. Ждал, пока достопочтенные охотники расположатся и будут полностью готовы к долгой беседе. Если Конан косился на месьора Рэля с подозрением, то Гвай и Асгерд были абсолютно хладнокровны, а неугомонный Эйнар даже поглядывал на ночного гостя с оттенком уважения.

«Они его знают, — догадался киммериец. — Неважно, лично или понаслышке. Если бы Гвайнард хоть немного опасался мага, не выглядел бы так спокойно. Интересно, кто такой этот Рэль? Колдун-отшельник, какие обычно поселяются в горах, пустынях или чащах, чтобы никто не мешал постижению тайн сотворенного мира?»

Варвар очень жестоко просчитался. Месьор Рэль не являлся отшельником, не был знаменитым деревенским шаманом, да и настоящим волшебником, по большому счету, тоже считаться никак не мог.

Магические способности месьора Рэля были не приобретенными в результате долгих лет обучения, а врожденными.

— Предпочитаю обращение на «вы», пускай это и не принято в Бритунии, — без лишних предисловий начал Рэль, усевшийся на широкую потолочную балку, проходившую в двух локтях над импровизированным ложем Ночных стражей. — Уважаемый Гвайнард, в вашем отряде пополнение? Представьте меня, пожалуйста. Я не хочу возникновения... нежелательных трудностей.

Гвай задумчиво кашлянул, потом проникновенно взглянул на киммерийца и осторожно, будто подыскивая нужные слова, вопросил:

— Конан, как ты относишься к не-людям? К представителям других разумных рас?

— Спокойно, — развел руками варвар. — У меня отыщутся хорошие друзья и среди гномов, и воплощенных духов, и рабирийских гулей. Даже один знакомый дракон имеется, причем не простой дракон, а настоящий герольм. Не —люди, конечно, отличаются от человека, но это все же не значит, что все они плохие или опасные.

— Очень хорошо, — согласился Гвай. — Месьор Рэль тоже не является человеческим существом. Он каттакан.

— Повтори? — Конан решил, что ослышался. — Каттакан? В смысле, упырь?

— Нет. Не вампир, не упырь и не демонический монстр. Наш гость — живое существо. И, видимо, нам придется друг другу помогать. Такое уже случалось раньше, несколько лет тому...

— Позвольте, я объясню, — перебил месьор Рэль. Поднял руку, стянул черный капюшон и слегка улыбнулся, не разжимая губ. — Никто не расскажет обо мне, лучше меня самого.

Конан едва подавил желание шарахнуться в сторону и схватиться за меч. На киммерийца визирало существо, имеющее лишь самое отдаленное сходство с человеком.

Очень бледная, с нездоровой сероватостью и голубыми тенями, кожа. Лицо вытянуто, нижняя челюсть широкая и острая, нос длинный, крючковатый, с подвывернутыми ноздрями. Тонкая, искривленная усмешкой, полосочка темно-синих губ. Голый череп без единого волоска украшают плоские, заостренные кверху, огромные уши.

Глаза месьора Рэля, вообще, описать сложно: золотисто желтые, без зрачков и белка, размеренно пульсирующие и отражающие свет так, что создается полное впечатление, будто на тебя смотрят два круглых кхитайских фонарика. И в то же время вполне человеческое сложение туловища: руки — ноги, грудь-живот, голова. Пальцы, скрытые черной кожей перчаток, по — паучьи длины.

Неприятное впечатление. Настоящий вампир из сказок. Легендарных кровопийц всегда точно так и описывают, не отключишь предание от реальности...

— Итак, меня зовут месьор Рэль, — наклонив уродливую голову, сказал не-человек. — Если полностью — Рэльгонн. Я владею крепостью Рудна и постоянно живу там уже несколько тысячелетий, со времен падения Небесной Горы. Вместе с несколькими близкими родственниками. Среди людей я могу считаться вампиrom, но в действительности таковым не являюсь. Я — Хранитель. Земли Полуночной Бритунии находятся под моим покровительством, и я предпочитаю помогать людям в случае появления опасности, с которой человек не может справиться. В минувшие дни наступил весьма опасный кризис, который нам всем придется разрешать. По мере сил и возможностей. Рад встрече, уважаемый Конан Канах. Я имя не перепутал?

— Не перепутал, — буркнул киммериец. — Я и есть Конан Канах.

Варвар был озадачен. Если это странное человекоподобное существо называет себя каттаканом, то на кого в таком случае охотится ватага Гвайнарда? Правильно, тоже на каттакана. Только...

Что Гвай рассказывал о Рудне? Верно: это замок в соседнем танстве Кернодо, в котором обитают «хорошие упыри». Однако, само значение слова «упырь» ничего приятного не сулит. Ночной кровопийца, тварь, похищающая людей (чаще всего — невинных младенцев или целомудренных девиц...), а если немного пофантазировать, используя в качестве основы древние сказания, то на ум сразу приходят кровавые оргии с залихватскими плясками на гробах, мрачные склепы, черепа невинно убиенных, оскверненные могилы и прочие скромные радости вампирьей жизни.

Стоп. Отбросим досужие выдумки и рассудим трезво. Гвай месьора Рэльгонна не боится и относится к каттакану со сдержанным почтением. Дух природы, броллайхэн, говорливый Эйнар, который по заповеди незримых богов обязан хранить обитаемую Сферу от иномировых вторжений, в присутствии упыря насквозь невозмутим. Асгерд тоже не видит в Рэльгонне ничего особенного — перед ней будто бы восседает старый приятель.

Вывод прост: сначала надо разобраться, а потом делать соответствующие обстановке умозаключения. Не может быть, чтобы профессиональные охотники за монстрами

снюхались с нечистой силой и заключили с оной братский союз. Достаточно вспомнить, что достойная госпожа Ринга, графиня Эрде, старинная подруга Конана, тоже не человек, а урожденный вампир-гуль из Рабиров. И Ринга сумела завоевать доверие не кого-нибудь, а великого короля Трона Дракона, государя Нимеда Первого!

Значит, не каждые вампиры опасны. Логика безукоризненна!

— Конан, я тебе говорил, что моя ватага работает исключительно в Бритунии, — пустился в объяснения Гвай. — Пограничье, различные графства Немедии или, допустим, Аквилонию, охраняют другие отряды Ночной стражи. По кодексу Дербников, приходить без разрешения на чужую территорию и там работать — не разрешается. Только если тебя попросят о помощи Стражи близлежащих земель, можно пересечь границу. Каждый Дербник, за много лет трудов, досконально изучает выбранную страну. Мы обязаны знать самые опасные области, где водятся чудовища, все положительные и отрицательные стороны местности, надо обязательно завести дружбу со всеми обитателями государства, начиная от верховной власти и заканчивая распоследним кметом с забытого хутора. И следует помнить, что у Ночного стража всегда отыщутся если не верные союзники, то надежные помощники. А кто эти помощники — неважно. Когда-то мне пришли на выручку граскаальские гномы. В другом случае я был готов договориться с альбами... При посредничестве Эйнара, конечно.

— Альбами? — вытаращился Конан. — Сказки! Альбы давным-давно вымерли!

— Абсолютно ничего подобного, — проскрипел со своей балки желтоглазый каттакан. — Несколько сотен Бессмертных и поныне находятся в кругах обитаемого мира. Если угодно, Эйнар тебе все расскажет. Броллайхэн родственны альбийскому народу.

— Это истинная правда, — ответил Эйнар на недоуменный взгляд варвара. — Некоторые Бессмертные не успели уйти за Грань Мира и навсегда остались в Хайбории. Человек не найдет дорогу к их тайному городу, но я умею ходить по тайным альбийским тронам и всегда буду желанным гостем в скрытом от человека Аэльтунне. Так именуется альбово поселение. От Ронина до Аэльтунна около шестидесяти лиг по прямой.

— Беда на мою седую голову... — Конан набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул. — Я всегда предполагал, что мир устроен довольно сложно, однако и догадаться не мог обо всех тайнах обитаемой Сфера! Сколько нового можно узнать! Альбы, каттаканы... Невероятно!

— Более чем вероятно, — веско заметил упырь. — Я почти бессмертен. Если выражаться совсем точно, отдаленно смертен — мне отмеряй срок жизни во многие десятки раз больший, чем у людей. Так вот, я живу в Хайбории около восьмидесяти столетий. Я очутился здесь сразу после великой катастрофы, низвержения Небесной горы, рухнувшей примерно в семистах лигах к Полуночному закату от Райдора. Наблюдал большинство самых важных исторических событий, воздвижение гор и затопление океаном Закатных земель, непрестанную чехарду жизни и смерти... И доселе я не могу разобраться во всех секретах этого удивительного мира, ставшего теперь моим пристанищем и домом. Не надо расстраиваться, уважаемый господин Конан. Все тайны известны лишь Тому, кто осуществил великий акт Творения...

— Может, эля хлебнем? — заикнулся Эйнар, поглаживая доставленный варварам жбанчик по гладкому прохладному боку. — И займемся делом?

— В самую суть попал, — Асгерд отобрала у броллайхэн маленький бочонок и умело выбила пробку. — Киммериец, давай сюда чарочки. Месьор Рэль, отведите человечьего питья?

— Отведаю, — милостиво согласился упырь и взял стаканчик тонкими пальцами. — Я могу питаться вашей пищей и пить ваши напитки. Эйнар безоговорочно прав: мы собирались в Ронине не ради философических бесед. Перед нами враг, которого следует наивозможно быстро уничтожить.

— Тоже каттакан? — язвительно бросил Конан.

— Да, каттакан. Мой неразумный сородич. Вернее будет сказать: не обладающий настоящим разумом. Однако, он владеет всеми преимуществами нашей расы... Достойные месьоры охотники, очаровательная госпожа Асгерд, позвольте выпить за общую удачу и быструю победу!

* * *

Когда до постоянного двора донеслись два раската ночного колокола, бившего в Ронинском замке, киммериец понял, что следует ненадолго покинуть теплую компанию и прогуляться до скромной деревянной будки с покосившейся скрипучей дверью. Так или иначе, рассказ каттакана из Рудны выслушает и запомнит Гвай, которому Конан обязан подчиняться. Остальное просто — выполнять приказ.

Рэльгонн заверил варвара, будто в окрестностях «Свиньи и котла» сейчас безопасно: «дикий» каттакан обязательно ощутит присутствие разумного сородича и ни за какие коврижки не сунется к постоянному двору. Конан на это ответил, что коврижки упыря интересуют меньше всего, ибо тварь предпочитает пищу пожже и погорячее. Стражи посмеялись, даже рудненский каттакан фыркнул.

... Объяснения Рэльгонна звучали крайне неутешительно. Упырь (Конан, хоть убей, не мог называть «волшебника» по-другому! Как упыря ни назови, суть останется неизменной), в течение долгого и весьма обстоятельного рассказа, поведал Ночным стражам, на кого именно объявлена большая охота. Гвай и Эйнар, отчасти знакомые с природой каттаканов, молчали, а Конан и Асгерд непрерывно переспрашивали, желая узнать любые тонкости грядущей погони за кусачим ночным призраком.

Если объединить все полученные от Рэльгонна сведения в несколько коротких и понятных каждому фраз, выходило следующее. «Дикие» или «бешеные» каттаканы приходились владетелю Рудны прямыми родственниками, но почему и как они одичали, Рэльгонн не ответил. Сказал только, будто «отсутствие необходимого воспитания» сделало их существами, которые подчиняются не разуму, а очень развитым инстинктам. Дикие не понимают, что охотиться можно только на животных и не трогать людей. Заодно месьор Рэль подтвердил некоторые известные легенды.

Каттакан, что дикий, что обыкновенный, обязан питаться кровью двенадцать раз в год, на полнолуние. Днем каттакан спит, опасаясь солнечных лучей, которые могут болезненно обжечь его нежную белую кожу, а ночью выбирается на охоту. Упырь обладает уникальными врожденными талантами, которые ставят его на несколько ступенек выше любого человека, даже знающего колдуна: каттаканы способны мгновенно перемещаться с места на место, покрывая за время одного удара сердца целые десятки или сотни лиг! Однако, у каждого упыря есть собственные охотничьи угодья, которые он редко покидает.

Каттакан умеет изменять форму тела, маскируясь под зверей или человека. У него мощные челюсти, украшенные огромным количеством острейших треугольных зубов, сходящихся друг с другом наподобие колесиков шестеренок (когда Рэльгонн продемонстрировал Стражам свои зубы, даже имеющий огромный опыт в охоте на монстров Гвай поморщился). Атакует каттакан как в человекоподобном обличье, так и под другими личинами, но предпочитает принимать вид гигантской летучей мыши — удобнее выслеживать добычу.

Тактика нападения довольно проста: увидев жертву с высоты, упырь бесшумно планирует вниз, сбивает человека с ног и умерщвляет. Если поблизости нет других людей, и каттакану ничего не мешает, он пожирает жертву на месте, а в случае любой опасности мигом исчезает с места преступления, прихватив с собой убиенного.

Случается это довольно часто, поэтому лучше быть человеком без воображения, дабы не представлять себе внутренний вид логова упыря — сразу всплывают в памяти наиболее кошмарные истории про вампиров...

Если добыча скрывается в доме, каттакан вновь употребляет способности к перемещению, и спастись от упыря невозможно даже в самом глубоком каменном каземате с десятком дверей, запоров и засовов. Если он учゅял жертву и на нее нацелился, остается надеяться на чудо. А чудеса происходят редко.

Как убить каттакана? Сложно. Невероятно сложно. Особенно ночью, когда упырь бодрствует и охотится, когда все его инстинкты направлены на выживание и поиски добычи. Он быстр, расчетлив и очень хитер. Если удастся поразить его клинком или стрелой, каттакан моментально вернется в логово и спустя несколько ночей снова будет здоров. Даже если отсечь ему все конечности и голову, забить в сердце легендарный осиновый кол и похоронить, дикий каттакан полностью восстановится примерно через полгода, вылезет из могилы и снова примется убивать. В отношении выживаемости упырям могут позавидовать даже почти неуязвимые броллайхэн.

Однако, как и всякое живое существо, каттаканы боятся огня. Если удастся его оглушить, спеленать и приволочь на костер, упырь погибнет. Сгорит. Как оглушить? Есть несколько ненадежных способов, людям, опять же, недоступных. Самый верный способ — отыскать убежище упыря ясным днем, пока он крепко спит и теряет часть преимуществ над человеком, вытащить тварь под солнечные лучи, и подождать немногим менее полуколокола. Каттакан быстро умрет — в мире, из которого пришли эти существа, солнце очень маленькое, красноватое, холодное и удаленное от обжитой Сфера, а потому жаркое солнце Хайбории для упыря губительно.

Хуже другое: каттаканы умеют великолепно прятаться. Рэльгонн привел в пример самого себя и разумных собратьев, с которыми он жил в древней Рудне. Они выбрали пристанищем полуразрушенную альбийскую крепость, нашли заложенные на большой глубине лабиринты, замуровали любые выходы наверх и теперь никто из людей не сможет отыскать тайное убежище каттаканов. Для верности на пути стоят неодолимые преграды и магические ловушки. Сами упыри, в буквальном смысле этих слов, владеющие искусством «проходить сквозь стены», никаких неудобств не испытывают и ничуть не боятся чужого вторжения.

Каттакан не-разумный, а ведомый инстинктом, вполне способен устроиться в глубочайшей горной пещере, отыскать которую не сможет никто. Или выберет логовом подвалы хуторского дома, забытого и заброшенного людьми сотню лет назад. Или может

запросто поселился в замуроанной комнате замка вельможного эрла, а люди и догадываться не будут, что за каменной кладкой, всего в нескольких локтях от караулки, нужника или тронной залы, укрылся их враг...

И, наконец, самое неприятное. Рэльгонн не знал, почему каттакан-дикарь пренебрег установленными самой природой законами, и начал охотиться постоянно, а не только во время полнолуния.

Для ночной расы упырей такое поведение было исключительно странным и прежде не наблюдалось ни самим Рэльгонном, ни месьорами охотниками. Гвай однажды сталкивался с одичавшим каттаканом, портившим домашний скот в танстве Бергис и убившим двоих человек, но и тогда упырь предпочитал держаться подальше от людских поселений — чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Вдобавок, нападения происходили в надлежащее время, при полной луне. Тогда упырь ретировался сам, заметив, что на него устроена облава — интуиция у каттаканов на высоте. Скорее всего, он перебрался в горы, избрав жертвами не коров и овец, а оленей или лосей.

Здесь же случай прямо противоположный. Тварюга почуяла вкус к убийству. Рэльгонн предположил, что дикий упырь таким образом развлекается — охота превратилась не в необходимость, а в удовольствие. И чем быстрее он будет истреблен, тем лучше. Рэльгонн и его родственники готовы предоставить любую посильную помощь.

Одна беда — месьор Рэль сотоварищи мог действовать лишь по ночам, как и любой каттакан, будь он диким или домашним. Он уже пытался выследить логово ночных убийцы и даже сумел его обнаружить, однако безумный сородич мгновенно сменил убежище. Гвай ужасно огорчился, заметив, что следовало подождать прибытия Дербников, которые сумели бы справиться с чудовищем в светлое время суток, благо лето стоит ясное и солнце заходит лишь на очень краткое время.

— Вы бы до него не добрались, — отрицательно покачал длинным указательным пальцем Рэльгонн. — Упырь засел в скалах, неподалеку от Граскаала. Человеку туда не залезть, очень высоко. А ныне тварь прячется в лесу, я это знаю точно.

— От кого знаете?

— Найдутся... кхм... осведомленные и заинтересованные в благополучном исходе персоны. С ними я буду разговаривать лично, они не желают встречаться с людьми. Приблизительное направление поисков — три-четыре лиги к Восходу и Полуночному восходу от Ронинского замка, область Белых сопок, на любой карте они обозначены. Под ударом безумца находится непосредственно Ронин и шесть окрестных деревень, не считая хуторов. Учтите, он перестал остерегаться человека, поэтому ночью с ним лучше не встречаться...

И так далее. Рэльгонн давал полезные советы, Гвай и остальные с пиететом внимали, а киммериец отправился по своим делам — с элем он сегодня немного перебрал. Если уж рудненский упырь заявляет, будто в окрестностях безопасно, можно ничуть не тревожась покинуть уютный сеновал и подышать свежим воздухом.

Хлопнув дверью нужника, варвар потянулся, оглядел звездное небо, изредка прорезаемое синеватыми черточками метеоров и вдруг обратил внимание на настораживающую странность: в хлеву беспокоилась домашняя скотина. Тонко повизгивали лошади, перетаптывались и вздыхали хозяйские коровы, курятник гудел от сдавленного квохтания. Глухо ворчал цепной пес, предпочитая не показываться из будки.

Очень интересно.

Животные давно обязаны спать, а если они растревожены, значит...

Значит, ощущают близость чужака. И не простого чужака. Рядом — нечистая сила!

Каттакан? Чепуха! Рэльгонна лошади благополучно носят на спине и ничуть не боятся, значит и дикого упыря звери не почуют. Тут что-то другое.

Конан пожалел, что оставил меч на сеновале, но любопытство оказалось сильнее чувства опасности. Вместо того, чтобы немедленно доложиться Гваю, киммериец прогулялся по обширному двору, внимательно осматривая строения и темные закоулки. Никого.

Обнаружив, что ворота на улицу заперты, Конан подпрыгнул, подтянулся и уселся на деревянную ограду. За забором пусто: людей нет, ставни на домах закрыты наглухо, даже кошки не шныряют.

Спрятав на сухую уличную глину, варвар заново осмотрелся, пожал плечами и решил пройтись до ворот деревни, к самому тыну. В конце концов, он теперь Ночной страж, а сие гордое наименование напрямую указывает, что изведение и выслеживание нечисти входит в прямые обязанности киммерийца.

Конан не учел одного: кроме обычного кинжала у него не было никакого оружия, а все магические артефакты ограничивались висящими на шейной цепочке серебряным молоточком Крома и оберегом в виде Диска Митры.

Впереди раздался громкий топот, насторожившийся киммериец уже был готов выхватить кинжал, но в свете ущербной луны рассмотрел, что навстречу со всех ног бежит стражник-бородач, который проверял охотников при въезде в поселок. Куда это, любопытно, так резво направляется доблестный охранитель спокойствия Ронина?

— Стой, дезертир! — рявкнул Конан, но стражник шарахнулся в сторону, мышино пискнул (никогда не подумаешь, что взрослый здоровый мужик может издавать подобные звуки!) и нырнул в темную щель между двумя бревенчатыми домами. — Куда, а ну вернись!

Ответом была романтическая тишина, нарушаемая удаляющимся стуком подошв.

— Это не деревня, а приют для умалишенных, — проворчал Конан. — Отличная ночка: познакомился с натуральнеишим упырем, наслушался страшненьких баек, а теперь пытаюсь своими руками поймать неизвестную мне нечисть... Что у них там, на воротах, стряслось?

На воротах ничего не стряслось, по меньшей мере, на первый взгляд. Кроме того, что въезд в Ронин теперь никем не охранялся — стража, видимо, разбежалась. В привратном домике дверь распахнута настежь, горит одинокая сальная свечка, кувшин с пивом опрокинут, лавка повалена: ронинские воители отступали в панике. Никаких следов пребывания вампира — пятен свежей крови и растерзанных трупов не видать.

— В шею гнать такую стражу, — громко сказал Конан, подбадривая сам себя. — Эх, не я здесь хозяин...

Вышел наружу, увидел лесенку, ведущую на высокую стену, поднялся. Надо бы посмотреть, что творится на границе болот и леса.

Конан перегнулся через острые колья тына, глянул вниз, и...

— Кррром Громовержец!

У самых ворот Ронина невозмутимо восседал фамильный монстр вельможного эрла Алаша.

Впечатляет, ничего не скажешь. Псина была размером с подрастающего теленка, шкура серебристая, в лучах месяца светится голубоватым. Черные тигриные полоски. Три остроухих собачьих головы сверкают изумрудно —зелеными глазами. Правая голова

раскрыла пасть, вывалив длиннющий язык и демонстрируя клыки длиной с человеческий палец.

Остальные головы вдумчиво уставились на Конана и выдохнули по струйке темного багрового пламени. Черногубые плоские морды отдаленно напоминают псов кофийской бойцовой породы. Словом, уродище, каких поискать.

Недаром коровы и овцы в хлеву тревожились — вот она, неподдельная, всамделишная нечистая сила! Ясно, почему стражи покинули вверенные им ворота — тут и самый великий герой, вроде короля Сигиберта, в штаны наложит...

Зверюга встала, отошла подальше, слегка помахивая хвостом, развернулась и вдруг рванула с места в карьер. Конан понял, что сейчас сделает трехглавый: запросто перемахнет через тын и устроит некоему чересчур любознательному киммерийцу веселенькую жизнь.

Так бы оно и случилось, однако Конан не принадлежал к семье эрлов Ронина, не собирался нападать на пса и умел очень быстро бегать. Не успела проклятущая зверюга разбежаться, как варвар кубарем скатился с лестницы и припустил к постоянному двору. Последний раз он бегал с такой быстротой лет двадцать назад, во время облавы на карманников на одном из рынков Шадизара.

И нечего смеяться — своевременное и удачное отступление перед стократно превосходящим по моци противником, считается не позором, а доблестью. Это во всех книгах по мудрой военной науке стратегии написано.

Чудище, мягко приземлившись возле домика стражи, поглядело вслед человеку всеми шестью сверкающими глазами, и угробно гавкнуло средней головой. Знай наших!

— Т-там! — запыхавшийся киммериец с грохотом ворвался на сеновал, заставив Асгерд вздрогнуть, а Гвая потянуться к арбалету. — Оно!

— А-а-а! Наш общий друг, вероятно, познакомился с украшением родового древа милейшего господина Алаша Ронина? — упырь мелко рассмеялся. — Ты догадался покормить его с руки? Погладил? Почесал за ушком? Только за одним, или за всеми сразу?

— Пошел ты, знаешь куда? — заорал Конан. — Это чучело собиралось мною поужинать!

— Отравился бы, — едко вставила Асгерд. — Хватит вопить. Мы псину не интересуем. Ронинский Триголов убивает только владетелей княжества или тех, кто охотится на самого зверя... Поднимайся наверх. Месьор Рэль к восходу солнца должен возвращаться домой, а еще кучу вопросов надо обсудить...

* * *

После раннего подъема, сонный и рассерженный Конан немедленно поименовал кишащие монстрами земли эрла Ронина «заповедником гоблинов» и осведомился у прорицающего глаза броллайхэн, отчего на дворе так шумят. Солнце, вроде бы, светит ярко, упыри отправились по берлогам, а пакостный пес-выродок вернулся в трясины.

— А ну, вставайте! — рявкнул давно пробудившийся Гвай, открывая двери сеновала пинком. — Разлеглись, понимаешь... Идем деньги отрабатывать! Конан, Эйнар, умойтесь — вельможный с челядью пряником сюда приложил. Ночью упырь на хуторах порезвился... Живо!

При острой необходимости Конан умел просыпаться мгновенно, как кошка. Он встряхнул за шиворот лежебоку Эйнара, потащил его наружу, к колодцу, и не обращая внимания на взбешенную ругань броллайхэн, вылил ему на голову ведро ледяной воды. Отлично взбадривает, между прочим. Эйнар немедленно дал обет превратить варвара в крысу.

— Ты и яйцо в птенца не превратишь, — Конан сбросил рубаху и сунул в руки Эйнару новонаполненную бадью. — Лей, не стесняйся. Ух, как здорово!.. Простые радости деревенской жизни, лучше всяких турецких бань!

На дворе царила непринужденная суматоха. Привязывали к коновязи господских лошадей, хозяин «Свиньи и котла» громогласно шпынял немногочисленную прислугу, а на крыльце топтались несколько потрепанных кольчужников из охраны вельможного господина Алаша.

Конан переоделся в чистое, пропыленные дорогой вещи отдал стирать дебелой хозяйской дочке, поставленной отцом прислуживать месьорам охотникам, и, прихватив очень недовольного всем сущим броллайхэн, отправился в гостевую залу постоянного двора.

Все в сборе. Лучший стол, громоздящийся возле раскрытоого окна, предоставили высочайшим гостям — сиятельный эрл (по традициям Аквилонии, сей титул был чем-то средним между баронским и графским достоинством) негромко переговаривался с худощавым, длинным, как жердь, стариканом — выяснилось, что тощий дедушка был каштеляном Ронина, досточтимым месьором Алистером. Возле краешка стола примостились две благородные дамы. Пожилая, полная, очень аккуратно одетая дворянка и...

Конан запнулся на полу шаге.

Сидевшая рядом с толстухой девушка лет восемнадцати в безумно дорогом парчовом платье-блио, смотрелась в прокопченной зале таверны истинным бриллиантом, попавшим в навозную кучу!

— Не глазей, начну ревновать, — киммерийца слегка подтолкнули кулаком в ребра. Сзади тихонько подошла Асгерд. — Невеста вельможного. Будущая полноправная владетельница княжества. Хотя, по —моему, одевается вульгарно. Проще надо быть.

— Угу, так сказать, ближе к народу, — машинально ответил Конан, не отводя, взгляд от сиятельной красотки. Богиня, не иначе! Фигура, изгиб тонких бровей, взгляд, нежные розовые пальчики — все совершенно! Сама королева Тарамис, прежняя госпожа и подруга варвара, рядом с эдаким великолепием выглядела бы невзрачной прачкой!

Где, интересно, эрл Алаш сумел отхватить столь дивное сокровище? — Асгерд, откуда она родом? Здешняя? Не похоже...

— Насколько я поняла, приехала в конце весны с Полуночи Немедии. Дочка какого-то графа. Местные говорят, будто свадьбу устроят через двадцать дней. А пока госпожа приглядывается, обвыкается с новым домом и учит здешнее наречие. Под присмотром воспитательницы и хранительницы целомудрия — видишь жирную клушу?

— С чего вдруг немедийскому графу понадобилось отдавать такую... такую... В общем, такую смазливую девицу за невзрачного, захолустного и почти безродного эрла?

— Ронин богат, — сказала Асгерд. — Причем, богат до неприличия. Серебряные рудники приносят огромный доход семье на протяжении нескольких столетий. Не гляди, что здесь грязненько и неустроено — таковы традиции. В Пайрогии я слышала, будто состояние молодого Алаша оценивается в двадцать два огирских Сфинкса. Понимаешь, сколько это денег?

Конан понимал. И сразу был готов возмутиться — у человека в кармане состояние, на которое можно купить целое королевство, а он пожаловал Ночной страже жалкие две тысячи ауреев! За такую каторжную работенку! Пускай сам идет и убивает своего каттакана!

Один Сфинкс — сто тысяч огирских золотых денариев. Возьмем двадцать два раза по сто тысяч и получим... Нет, о таких деньгах лучше не думать! Голова закружится. И вообще, завидовать нехорошо. Предки Ронина копили деньги долгими веками, подобные суммы за один день не зарабатываются. Никем, даже самыми удачливыми игроками и мошенниками. Все равно, от жуткого Триголова вельможный эрл никаким золотом не откупится!

... Однако, вскоре достойный господин Алаш умудрился развеять сложившийся в голове киммерийца образ скупца и жадины. Подбежал деловитый Гвай и позвал всю ватагу за стол, на который уже взгромоздили трапезу и пиво.

Старшая хозяйка и пышнотелая наследница «Свиньи и котла» постелили на грубые доски почти новую, видимо свадебную, скатерть — самолично вельможный эрл пожаловать изволили! Когда такое бывало? Да никогда!

— Дозвольте, уважаемые, представить вам моих близких, — сказал молодой владыка, едва охотники расселись напротив. В центре расположился Гвайнард, по правую руку от него — Асгерд и Эйнар, по левую сел широкоплечий Конан. Смотрятся весьма представительно. — Мой двоюродный дядюшка, каштелян Ронина, месьор Алистер из Бохова.

Старикан привстал и церемонно поклонился. Да, Ночных стражей уважают. Никакой дворянин не стал бы кланяться простецам, коими Дерники в абсолютном большинстве и являлись. Из всей компании только Гвай может претендовать на благородное происхождение. И то, слова «благородный гандер» звучат довольно смешно. В Аквилонии выходцев из Гандерланда полагали едва ли не варварами, немногим лучше киммерийцев.

— Моя благороднейшая невеста, наследная графиня Лара Ольборг из Ольборга, что в Немедийском королевстве. Ее уважаемая наставница, госпожа Реллина.

Конан едва заметно поморщился. Благороднейшая невеста и уважаемая наставница удостоили Стражей лишь кивком. Слишком мимолетным, а значит — презрительным. Не привыкли к обычаям Бритунии. Конечно, для немедийских дворянок странно, что вельможный эрл, владетельный господин, сам идет на поклон к небритым плебеям в варварских одеждах! Придется привыкать, дорогуши...

— Я удаваиваю аванс, — сказал вдруг Алаш и положил на стол пергаментный лист. — Примите вексель еще на одну тысячу ауреев. Получить по нему деньги вы сможете в любом торговом доме Бритунского королевства. Спасибо немалому папенькиному наследству — купцы мне доверяют. В любом случае, что бы ни произошло, можете оставить аванс себе. Если вы убьете вампира — получите в три раза больше. Денег я не пожалею. А если... Если мерзостная тварь окажется неуловимой, что ж... Буду считать ее новым семейным проклятием.

— Спасибо, — отозвался Гвайнард и ожег взглядом Эйнара. Броллайхэн немедленно запрятал вексель в сумочку на поясе. — Не следует беспокоится, вельможный. Каттакан будет убит. Рано или поздно. Мы договорились с волшебником, месьором Рэлем, о взаимной поддержке в поисках чудовища.

— Месьор Рэль... — Ронин побарабанил пальцами по столу. Нахмурился. — Вы узнали, кто он такой?

— Райдорский дворянин, некогда покинувший семью ради обучения магическому искусству в Гиперборее, — не моргнув глазом, соврал Гвай. Попробуй, скажи перепуганному

эрлу, что Дербникам помогает рудненский упырь! — Ныне месьор Рэль избрал ремесло странствующего волшебника. Я удостоверился — Рэль знающий и образованный маг.

— Я понял, — кивнул вельможный. — К моему величайшему сожалению, минувшая ночь принесла очередные потери. На рассвете прискакал мальчишка с Журавлиногого хутора, это в пяти лигах к Полночному восходу, около Белых сопок. Перебудил весь замок... Алистер, будь любезен, достань карту Ронина!

Белые холмы? Конану показалось, будто он слышал это название. Правильно, Рэльгонн говорил ночью о Белых сопках: именно там засел безумный каттакан-дикарь! Итак, охота началась!

* * *

Холмы оказались вовсе не белыми, а исключительно зелеными. Грязда заросших деревьями-титанами крутых сопок выстроилась неровной цепочкой в виде полумесяца. Конан решил, что возвышенности напоминают брошенную на землю челюсть какого-то древнего великана — со временем белоснежную кость покрыл лес, и только острые зубы остались видны. Смотрится угремо и негостеприимно.

— Очаровательное местечко, — беззаботный Эйнар разливался соловьем в то время, как остальные хранили настороженное молчание. — На первый взгляд обычный лес, но если приглядеться, уяснишь, что мы перенеслись на несколько тысячелетий в прошлое.

— Почему? — отозвался киммериец.

— Ронин малонаселен, человек пока не успел разобраться в этой сокровищнице живых древностей. Некоторые здешние деревья помнят времена владычества альбов! Глянь влево, как тебе понравится этот кройхан?

— Понравится — кто? — не понял Конан, рассматривая бронзовый, с бурыми пятнами, ствол чудовищно огромного дерева: в диаметре оно было не менее полусотни шагов, верхушка терялась в небесах, а широкие листья имели замысловато вырезанную форму. К тому же верхняя часть листа являлась зеленою с золотыми прожилками, а нижняя светилась нежной белизной. — Это название дерева?

— Ты у нас догадливый, как погляжу, — сказал Эйнар. — Кройханы, знаменитые альбийские деревья! Я еще помню времена, когда Полночь континента светилась белым и золотым... Этот кройхан очень стар, наверное, отметил пятитысячелетний день рождения. С возрастом все живые существа теряют красоту, даже деревья. Будь кройхан помоложе, мы насладились бы редким зрелищем — ствол червонного золота с медным отливом, снежно-серебристая крона...

— А на ветках сидят альбы в лазурных одеждах, играют на лирах и поют песенки, — голосом завзятого скальда продолжила Асгерд. — Красивые сказочки седой древности. Ты лучше скажи, в дупле твоего кройхана может спрятаться упырь?

— Опять все испортили, — уныло вздохнул Эйнар. — Нельзя быть настолько приземленными! Может быть, перед вами самое древнее живое существо континента! Насчет альбов замечу, что человеческие легенды их слишком идеализировали. Бессмертную расу покрыли лаком, подкрасили дешевыми красками и поставили на полочку — тешить

любопытных прямоходящих обезьян, назвавших себя людьми... Поймите, дурни, альбийский народ обладал множеством недостатков, присущих любым разумным сообществам! Среди альбов попадались и пьяницы, и злодеи, а про развратность Бессмертных невероятные легенды ходили еще в эпоху Роты-Всадника! Вы же представляете себе альбов в виде благородных возвышенных существ без единого изъяна. Люди превратили их в недостижимый идеал Золотого века, которого, кстати, никогда и не было! Песни под звездами, арфы-лиры-лютни, светлое волшебство и все такое прочее... Это при условии, что сами люди беспощадно истребляли Древних на протяжении столетий! Вы непостижимый народ...

— Какие уродились, — хмыкнул Гвай. — Но я бы не отказался однажды съездить с тобой в Аэльтунн и поглядеть на уцелевших альбов.

— Тебя мигом повесят на первой попавшейся ветке, — порадовал командира Эйнар. — Не за шею, причем. И я тебя уже не спасу, не позволят. Если такая перспектива тебя устраивает, поехали. В Аэльтунне особенно красиво ранней осенью. Альбов увидишь, обещаю. Только вверх ногами. Пока они будут прикручивать веревку к твоему причинному месту, а другой ее конец забрасывать на самую верхушку кройхана. Идет?

— Трепло, — беззлобно ответил Гвайнард. — О, гляньте, просвет! Тропа кончается! Наверное, приехали. Если хозяева дозволят, выберем хутор в качестве отправной точки наших поисков.

— А коли не пустят? — поинтересовался Конан.

— Пустят, куда денутся... Кметам, небось, со страху, каждое утро портки стирать приходится. В противном случае устроим лагерь в лесу — шатер с собой, попоны с котелками тоже, дичи здесь хватает. Не пропадем.

— В лесу? — киммериец почесал в затылке. — А упырь как же?

— Упырь привык искать легкую добычу в обжитых местах, а не в дебрях. Лес, как ни удивительно прозвучит, сейчас безопаснее любого хутора. Надо разводить большой костер перед закатом и тогда каттакан испугается огня, плюнет на нас из-под облаков и полетит к соседней деревне. Не захочет крылья об ветки ломать — он обленился, предпочитает действовать наверняка.

Надо заметить, что Гвайнард распорядился оставить большую часть добра и заводных лошадей в Ронине. На тяжеловоза погрузили самое необходимое — запас продуктов, оружие, несколько сетей (вдруг Рэльгонну все-таки удастся временно обездвижить дикого упыря?) и обычные вещи, которые всегда берут в поход.

Отправились незадолго до полудня, сразу после разговора с вельможным, разыскали требуемую дорогу, и когда солнце миновало зенит, а тени стали длиннее, вышли прямиком к усадьбе. Заблудиться невозможно — очень уж приметные сопки.

Журавлинный хутор, если верить картам Ронинских земель, располагался исключительно удобно — точно в середине предполагаемых охотничьих угодий каттакана. Отсюда, до всех населенных людьми деревень, ехать не больше двух-трех лиг.

Вельможный эрл пообещал, что немедленно известит подданных о месте пребывания Ночных стражей, дабы кметы сразу могли бы известить Дербников о нападении. Привычный к лесам человек доберется до Журавлинской усадьбы меньше, чем за колокол.

Было понятно, что тем самым Алаш Ронин снимал с себя ответственность за происходящее, возлагая оную на плечи охотников. Гвайнард, однако, не сердился — эрлу вполне хватает других забот. Одна трехглавая собачка чего стоит! А еще надо успокоить

взбудороженных крестьян и внести «господскую виру» за убитых — кметы платят налоги в казну для того, чтобы владетель Ронина и дружины эрла защищали подданных. Не уберегли от напасти — готовьте серебро, таков обычай.

Вот и Журавлинский хутор. Большой хозяйствский дом, полдесятка других строений, от хлева до сарая, в котором хранится зерно, выращенное на отвоеванных у леса делянках. Большой огород, колодец, пчелиные ульи. Именно отсюда утром прискакал в Ронин малолетний правнук хозяина с сообщением, будто упырь задрал двоих поденщиков и корову.

— Благополучно ли добрались, господа Дербники? — владелец хутора, издали заметив, что приближаются всадники, встретил отряд при въезде на широкий, пустой двор. — Милости прошу пожаловать. Лошадок к коновязи прикрутите, чтоб порядок был.

Седой как лунь, мощный бородатый дед саженного роста, приглядел за гостями, и сразу позвал в дом.

Конан отметил необычное — не видно скотины, да и остальных людей тоже нет. Куда пропали многочисленные родичи хозяина? Дом —то здоровенный, в два этажа, с флигелями. Наверняка вместе со стариканом живут несколько женатых сыновей. В углу большой комнаты стоит деревянная детская лошадка.

— Всех отправил в деревню, к брату. Он там старостой, — заметив недоумение Стражей, разъяснил дед. — И сам сейчас уеду. Оставайтесь, хозяйствуйте. Жаль хутор бросать, своими руками все построил, но жизнь —то дороже. Не моя жизнь, не подумайте — девяностую зиму разменял, давно в могилу пора. Семейство жалко. Упырь не разбирает, младенец перед ним, или слабая девка...

— Значит, твое семейство покинуло дом? — сдвинула брови Асгерд.

— Истинно, красавица. И скотину по заре угнали. Окорока, сало, рыбу копченую вам оставили. Напеченного хлеба денька на три хватит, репку свежую с огорода таскайте, в обиде не буду. Дров полная поленница. Бочонки с настойками в кладовой стоят, только глядите, не увлекайтесь. Вам упыря завалить надо. Баня, опять же...

— Ты, почтенный, немедля отправишься?

— К закату поспеть хочу. Одна беда — скверную работу для вас уготовил.

— Это какую работу? — нахмурился Конан.

— Мертвяков в земле упокоить. Нарочно зарывать не стали, чтоб глянули, как упырище их разделал. Вы не беспокойтесь, месьоры, сыновья две ямы выкопали — одна под людей, другая под корову. Негоже человека с бессловесной скотиной хоронить. Землей забросаете, вот и весь труд.

— Предусмотрительный дедок, — шепнул Эйнар варвару.

Конан согласился. Жертв каттакана непременно следовало тщательно осмотреть. Станет понятно, каким образом тварь атакует добычу. И под какой личиной.

Хозяин указал, где выкопаны могилы, распрошался, вывел из конюшни единственного оставшегося на хуторе низенького мерина, и с тем отбыл. Асгерд не преминула заметить:

— Если нас перережут грядущей ночью, могилы копать будет некому. А через пару лет кто-нибудь обнаружит на заброшенном хуторе четыре белых скелета. С откусенными головами.

— Люблю тебя за детскую жизнерадостность, — покивал Эйнар, а Гвай отмахнулся:

— Брось, вечером заявится Рэльгонн, а охраны надежнее и представить нельзя. Идем, займемся похоронами. Асгерд, отведи лошадей в конюшню.

— Боишься, что хлопнусь в обморок, завидев мертвые тела? Случаем не припомнить,

кто именно прошлой зимой, от рассвета до вечера, копался в вонючих кишках самки мантикора, чтобы отыскать живых зародышей? Ты почему-то побрезговал.

— Женщины в таких делаах разбираются лучше мужиков... Эй, только не дерись!

Гвай, отхватив увесистый подзатыльник, рассмеялся.

— Ладно, двинулись. Эйнар — захочется блевать, отойди подальше!

Дедушка не солгал — в сотне шагов за оградой, у самого леса, в тенечке, были вырыты две ямины. Первая яма откопана чуть в стороне. На дне валялась туша большой черно-белой коровы, уже облюбованная неисчислимым сонмищем разноцветных мух.

Вторая могила располагалась около нескольких старых захоронений — по обычаям полуночной Бритунии, они были отмечены высокими шестами, украшенными серебряными колокольчиками, что призваны отгонять злых духов.

— На семейном кладбище поденщиков хоронить решили, — не без доли уважения к хозяевам усадьбы сказал Конан, критически оглядев могилу. Дальновидные обитатели Журавлинного хутора остались рядом три лопаты. Тела людей были надежно прикрыты холстиной: чтоб мухи не досаждали. — Глянем?

— Глянем, — согласился Гвай. Присел на карточки, отбросил грубую ткань и заковыристо присвистнул. — Ого! Эйнар, посмотри! Только, умоляю, не блюй мне на штаны!

— Отвяжись! — рявкнул броллайхэн. — Боги милостивые... Страсть какая, однако. Чистая работа!

Шея у трупов разорвана. На груди первого красуются отметины четырех острейших когтей, у другого — одного когтя, разъявшего живот. Под челюстью видны почерневшие следы упыриных клыков.

— Странно, — проворчал Гвай. — Очень странно. А ну, пошли к корове!

Воняло так несносно, что и хладнокровного Конана слегка замутило. Мухи кружились над животным подобно черному вихрю, а их жужжение превратилось в навязчивый слитный вой.

Гвайнард, спустившийся прямиком в яму, казалось, ничего кроме ранений на шее коровы не замечал. Эйнар стал бледен, Асгерд морщилась, но терпела.

Наконец, бравый предводитель ватаги поднялся, отряхнул штаны и уставился на верных соратников.

— Это работа каттакана, никаких сомнений. Проник в хлев, убил животное и до отвала налакался крови. Видите, отметины зубов расположены полукругом? И зубы ровные, одинаковые... Как у Рэльгонна.

— Давайте уберемся отсюда! — всхлипнул зажимающий нос Эйнар. — Иначе за чистоту твоей одежды я не ручаюсь!

— Никогда бы не подумал, что броллайхэн такие неженки, — фыркнул Конан. — И верно, отойдем.

— Мне надо подумать, — мрачно сообщил Гвай, взяv одну из лопат. — А думается лучше всего за работой. Сначала погребем людей, потом буренку. Асгерд! Отправляйся домой, мы управимся.

«Домой? — мысленно усмехнулся киммериец. — Быстро же чужой хутор стал нашим домом. Ничего удивительного, для Ночного стража вся вселенная — дом родной...»

Двоих поденщиков аккуратно поместили в могилу, укрыли холстом и быстро забросали песком. Гораздо дальше возились с коровой — мешали мухи и запах. Гвай молча швырял песок в яму, работая с непонятным варвару ожесточением. Лицом командир был хмур. Что

конкретно раздосадовало Гвайнарда, киммерийцу осталось непонятно — расстроился, увидев неприглядные следы нападения каттакана? Ночному стражу следует быть менее впечатлительным! Или есть другая причина?

Вернулись на хутор. Лошади уже разместились в просторной конюшне, вещи были перенесены в дом, а над крышей клубился сизоватый дымок: Асгерд вступила в права хозяйки дома и принялась за готовку. Женщина в отряде незаменима — всегда найдется, кому позаботится о голодных мужчинах.

Гвай несколько отрешенно сел на длинную лавку, протянутую вдоль необъятного, начисто выскобленного стола, понаблюдал, как варвар откупоривает найденный в кладовой кувшин с медовой настойкой на корешках, и вдруг громко, раздельно сообщил:

— Можете резать меня на куски, но я убежден: в округе действуют два упыря. Каттакан и... И кто-то другой. Не один — два! Ничего не понимаю!

Глава четвертая

в которой охотники приходят к неутешительным выводам, затем совершают ночную прогулку по лесу, а после восхода солнца наносят визит в берлогу дикого упыря.

Спорили громко, ожесточенно, приводя десятки мнений, догадок и соображений. Конан благоразумно в разговор не в干涉вал, понимая, что с его невеликим опытом в профессиональной охоте на вампиров лучше внимательно слушать, а не говорить лишнего.

— Двое упырей? Как двое? Откуда? — хмурилась Асгерд, позабыв об очаге и котелках. — Ты хочешь сказать, будто на Журавлинный хутор одновременно напали и дикий каттакан, и неизвестный нам упырь?

— Ты внимательно оглядела мертвых? Корову загрыз каттакан, это неоспоримо. Очень уж приметные челюсти у родственничков месьора Рэля. Только каттакан мог очутиться в запертом хлеву.

Я осмотрел постройку — в отдушины под потолком пролезут хорек, кошка или белка, но не крупный хищник. Каттакану, понятно, никакие препядды не страшны. А поденщики были убиты другим вампиrom!

— Каким «другим»? — Асгерд не желала сдавать позиции. — Муля? Не может быть! У этой разновидности упырей отсутствуют когти, а на телаах остались отпечатки сильной когтистой лапы. Муля пьет кровь, усыпив жертву мысленным внушением, предпочтая не раздирать людей на части. Кальконикс? Эти твари не подходят, слишком маленькие. Человека они почти не трогают, хотя изредка могут нападать на детей...

— На хуторе побывали брукса или кяур, — уверенно сказал Гвайнард. — Неувязочка во времени получается: корова погибла в самом начале ночи, после заката. Пролежала долго в тепле, а потому сильно воняла. Люди же умерли ранним утром.

— Это еще почему?

— Не заметила разве? Скажи, какой нормальный человек ляжет спать в рабочей одежде? Поденщики спокойно отдохнули ночью, на рассвете поднялись, оделись и пошли чистить хлев. На них напали во дворе — пятна крови находятся возле сарая, стена забрызгана. Если бы каттакан забрался в дом среди ночи, на трупах было бы одно исподнее. А не промасленные фартуки для черной работы, холщовые штаны и сапоги.

— Соображаешь, — понимающе отозвался Эйнар. — Меня это тоже насторожило. Добавлю несколько своих наблюдений. Если поденщики вышли из дома, значит, на дворе было светло — в темное время суток кметов на улицу никакими сокровищами не выманишь. Боятся упыря. А упырь вот он, тут как тут! Каттакан перед рассветом обязан уйти в логово, иначе не миновать солнечных ожогов. Глаза каттаканов не переносят яркого света — они слепнут, едва начинает разгораться заря.

— Может, упырь приспособился? — осторожно спросил Конан. — Привык к солнцу? Он же бешеный!

— Давай засунем тебя в кузнечный горн и поглядим, как ты приспособишься, — ядовито бросил Эйнар. — Есть некоторые законы природы, которые никакому упырю не обойти. Ни бешеному, ни мирному. Каттаканы не переносят солнца, это неоспоримое правило. Продолжаю. Итак, каждому ясно, что люди погибли при свете и вне дома. Допустим, что поденщиков действительно атаковал каттакан, носивший привычную охотничью личину в виде гигантской летучей мыши. Опять нестыковка: дикие сородичи Рэльгонна предпочитают одиночные жертвы, не любят суматохи. Как мы раньше не заметили! Вельможный эрл Алаш Ронин говорил, будто на других хуторах упырь резал по нескольку человек за ночь! Кроме того, на крыльях каттакана растет всего три когтя, на сочленениях перепонок. Расположены когти минимум в десятке ладоней друг от друга, а поденщика словно тигр лапой ударил... Какой вывод?..

— Простой, — буркнул Гвай. — Каттакана используют как ширму — любое убийство можно свалить на дикого упыря, охотящегося в округе. Кметы не разбираются в тонкостях вампирьей жизни и уверены, что все беды Ронина исходят от одной-единственной зубастой неразумной твари. Кто-то следит за действиями каттакана, и едва тот наносит первый удар, незамедлительно следует второй. Куда более жестокий и страшный. Сами посудите: упырь задрал корову, а неизвестная нам тварь напала на людей. Причем сразу на двоих. Не опасаясь, что ее заметят и опознают. Как я не догадался допросить старика! Уверен, всплыли бы интересные подробности.

— Завтра съезжу в деревню, найду владельца хутора вместе с семейством и припру к стенке, — сказал Эйнар. — Выведаю любые мелочи!

— Напрашивается естественный вопрос: кого будем ловить? — Асгерд задумчиво наморщила лоб и уставилась на соратников. — Каттакана или... Или незнамо кого?

— И того, и другого, — решительно ответил Гвайнард. — Обо всем необходимо рассказать месьору Рэлю. Он пообещал прийти, как только стемнеет. Не может быть, чтобы рудненские упыри не углядели таких очевидных странностей!

— Важно другое, — проворчал Эйнар, опрокинув чарку с медовухой, — Кому удалось выследить скрытного каттакана и подстроить свои действия под его охотничьи повадки? Попахивает магией.

— Причем, не человеческой магией, — поддержал броллайхэн Гвай. — Никогда не слышал о волшебниках-людах, которые убивают себе подобных, прикидываясь вампирами. И заодно отращивают упырьиные клыки.

— Одна моя знакомая, — немного смущенно начал Конан, вспомнив давние приключения, — является урожденным гулем из Рабиром, прижившимся среди людей. Помните, я рассказывал? Так вот, она говорила, будто у гулей иногда случается какое-то «сумеречное безумие» и рабирийцы начинают нападать на первого встречного, без всякой причины. А если в Ронине поселился спятивший гуль? Его не отличить от человека, рабирийцы не боятся солнца и не вызывают у людей никаких подозрений.

— Знакомая история, — кивнул Гвай. — Однако, рабирийцы в убийствах не виноваты. Гуль прокусывает жилу на человеческой шее двумя очень острыми тонкими клыками, растущими из верхней челюсти и отметина выглядит соответственно: две маленьких точки на коже. А некоторые другие вампиры носят по четыре клыка сверху, и по четыре снизу — остается двойной след, от сросшихся зубов... Мне это не нравится!

— Почему?

— Да потому, что в данном случае, мы, почти наверняка, имеем дело с бруксой.

Вампиrom-человеком, на которого при рождении было наложено проклятие. Днем — человек как человек, а ночью... Ночью тело изменяется и начинает действовать проклятие. Человеческое существо превращается в монстра, наделенного магическими умениями и жаждущего убийств. Когда охота закончена, чудовище опять возвращается себе нормальный облик и живет как все обычные люди. Брукса способна нападать и днем, все зависит от силы проклятия и желаний самого вампира.

— Эрл Ронин! — воскликнул варвар. — Точно, он! Бледный какой-то, скуженный, а предка-насильника и весь ронинский род прокляли до сорокового колена...

— Нет-нет, ошибаешься, — возражая, перебил Гвай. — Убийства начались совсем недавно! Будь вельможный Алаш бруксой или кяуром, что почти неразличимо, о проделках упыря стало бы известно давным-давно. Эти твари охотятся с ранней юности, а эрлу исполнилось двадцать четыре года. Или двадцать четыре зимы, кому как больше нравится.

— Выходит, под подозрением оказываются все обитатели Ронина старше десяти-тринадцати лет, — пессимистичным тоном заключила Асгерд. — Упырь подрос до нужного возраста и начал убивать. Прикажете все окрестные поселки перешерстить в поисках бруксы? Благодарю покорно. За год не управимся.

— Управимся, — сказал Гвай. — Рэльгонн поможет. Хозяевам Рудны я доверяю. Асгерд, когда обед приготовишь?

— Я вам в кухарки нанималась? — фыркнула девушка. — Ладно, уговорили. Похлебка с бараниной и овощами вельможных господ охотников устроит?

Господа охотники единым голосом сообщили, что ничего лучше и придумать нельзя.

Солнце постепенно уходило за гряду Белых холмов. Оставалось ждать прибытия месьора Рэля.

* * *

— Занятно, весьма занято... — рудненский упырь, непринужденно расположившийся на хозяйственном месте, сверкал желтыми глазищами и потягивал ягодное вино. — Мне, старому дураку, следовало бы догадаться! Признаюсь, с возрастом я стал невнимательным к мелочам. Вот он, священный эгоизм каттаканов — мы были уверены, что кроме представителей нашей расы, не может быть никого умнее, хитрее и изворотливее... Оказывается, все обстоит куда более сложно! Мне обидно за дикого сородича — какой-то мерзавец использует его в своих неприглядных целях, вызывая у простецов новые приступы ненависти к каттаканам. Но и помянутый сородич тоже хорош: охотится в неподложенное время, перестал быть осторожным и потерял всякий страх перед другими разумными существами. Даже дикому каттакану инстинкт должен говорить, что непрестанно нападать на людей опасно! Или я вновь упустил нечто важное? Чужак мог отыскать способ направлять действия каттакана, а вы, месьоры, сами утверждаете будто эти... это... словом, вампиры-люди, страдающие от наложенного проклятия, владеют неким особым волшебством, недоступным никаким магам?

— Ты прав, почтенный Рэльгонн, — отозвался Гвайнард. — Задачка перед нами не из простых.

— Будем действовать в двух направлениях, — твердо сказал месьор Рэль. — Вы

займитесь каттаканом — так или иначе от дикаря следует избавиться! — а я устрою розыски вашей бруксы. Попытаюсь следить за ночных событиями в окрестностях. Если возникнут самые минимальные подозрения — немедля сообщу. Как должен выглядеть вампир такой разновидности?

— По-разному, — мигом ответил Эйнар. — Иногда брукса сохраняет облик человека, только появляются сдвоенные клыки и когти на пальцах. В другом случае, тварь меняется до полной неузнаваемости: огромная кошка, летучая мышь, ящерица или просто чудище непотребного образа — им доступна почти любая форма. Своего рода оборотень, только гораздо хуже и опаснее. Последняя брукса, какую я видел, превращалась в безобразное существо, смахивавшее на обросшего чешуй человеком с волчьими челюстями. Крайне непривлекательное зрелище, даже пострашнее пьяного Гвая...

— ...Или блюющего Эйнара, — не остался в долгу Гвайнард. — В большинстве случаев брукса предпочитает носить людское обличье. Так удобнее охотиться и не вызовешь лишней паники у окружающих. Но есть и положительные стороны. Человек, попавшийся в ловушку черной магии, боится серебра, а от кола в сердце умирает, как и все другие. Но и умертвлять бруксу следует грамотно, иначе упырь вылезет из могилы и превратится в носферата — кровососущего покойника, промышляющего ночами вокруг жальников... Тьфу, терпеть не могу этих условностей и оговорок, которые преследуют каждого Ночного стражи! Отчего боги так сложно устроили мир?

— Тебя не спросили, — хохотнул броллайхэн. — Оговорок действительно много, но если тщательно выполнять все надлежащие действия, упырь навсегда уйдет из обитаемого мира! Ничего не попишешь, особенности ремесла.

Конану давно объяснили, что убийство любого чудовища, не являющегося живой тварью, далеко не всегда приводит к нужному результату. Магические существа (к коим относятся и вампиры-бруксы, несущие на себе проклятие) имеют дурную привычку возрождаться. Когда из тела уходит настоящая жизнь, ее замещает фальшивое бытие, то есть, в мертвую оболочку поселяется один из бесплотных злых духов. Собственно, проклятие бруксы есть ни что иное, как демоническая одержимость — невидимый демон постепенно отравляет бессмертную человеческую душу, направляя все действия на разрушения и убийства. Когда вампира убивает Ночной страж или умелый волшебник и душа уходит на Серые равнины, демон полностью овладевает погившим телом: с виду человек, а по сущности — чудовище из Черной Бездны, носферат.

Управиться с носфератом куда труднее — демон бережет с таким трудом доставшееся тело, почти не позволяет ему разлагаться (так, самую малость...), прячется в могилах и склепах, а ради получения магической силы пьет кровь у живых.

Гвай, который с буквоедской дотошностью изучил за минувшие годы все доступные сведения о вампирах, сказал, что настоящим «упырем», то есть «не —живым хищным кровососом демонического происхождения» следует называть только носфератов, ибо они полностью подходят под данное определение. Прочие вампиры упырями считаться не могут, ибо являются тварями хоть немножко живыми и теплокровными.

Тонкости, детали, малозначащие мелочи, незаметные частности — все это составляло хитрую науку Ночных стражей.

Лучших знатоков нечистой силы на Закатном материке и не сыщешь — никакой колдун, некромант или чернокнижник не обладает таким немыслимым объемом знаний о существах, частенько нарушающих границу меж зданным и призрачным мирами. Гвайнард, посмеиваясь,

вспомнил, как его несколько раз приглашали очень известные волшебники, включая повелителя Алой Башни Тсота-Ланти и Пелиаса Кофийского — магам требовался совет специалиста. И они его получили. За вознаграждение, разумеется.

(Довольный беседой Пелиас, кстати, так расщедрился, что подарил Гваю редкостный кхарийский амулет, способный несколько раз перенести его владельца в любую точку Хайбории, но пока командир маленькой ватаги охотников им не пользовался — пригодится в совсем уж безвыходной ситуации!)

...Явившийся вскоре после захода солнца Рэльгонн, с некоторым недоумением, а затем и с пониманием, выслушал соображения Гвайнарда и компании, посоветовал быть осторожными вдвойне, и сказал, что подключил к поискам упыря родного дядюшку, брата и двоих сыновей. В данный момент, обратившиеся летучими мышами каттаканы из Рудны тщательно исследуют окружающий хутор лес — с большой высоты им отлично видны передвижения любых живых существ. Кроме того, собратья Рэльгонна могут уловить «запах мысли» дикого каттакана и тем самым выявить его местонахождение. Главная и наиважнейшая задача — устраниТЬ со сцены неразумного родича хозяев Рудны. Из главного объекта охоты он превратился в досадную помеху: основной целью Ночных стражей и Рэльгонна теперь стало неизвестное существо, нападающее на человека. Нового противника договорились именовать бруксой, пока не выяснится, кто именно решил бросить вызов обитателям Ронина и Дербникам, пришедшем на помощь устрашенным нежитью кметам.

— Придется лететь на разведку, — вымолвил Рэльгонн, поднимаясь. — Теперь каждый глаз и каждое ухо на счету. Отправляйтесь в лес. Еще довольно рано — дикарь выйдет из берлоги ближе к полуночи. Вместе с братом, дядей и сыновьями я попытаюсь обездвижить упыря. Остальное входит в вашу задачу — найти и убить... Если увидите меня в другом облике, не пугайтесь. Я дам знать своему приближению. Доброй ночи, господа.

Рэльгонн не стал исчезать, как дым, а прошел к выходу и скрылся за дверью. Было слышно, как упырь топчеться на крыльце, затем вдруг раздался шум — хлопнули огромные крылья.

— Отправляясь в лес? — непонимающе сказал Конан. — Ведь темно! Что мы рассмотрим без факелов?

— Все прекрасно рассмотрим, не дергайся, — Гвай потянулся к своему мешку, растормошил и вытащил небольшую глиняную бутылочку. Бережно разлил содержимое в три чарки. Разбавил водой. — Конан, Асгерд, выпейте.

И сам, одним глотком, осушил деревянный стаканчик.

Киммериец понюхал декокт и остался в недоумении.

Пахнет странно, но с виду — никакого колдовства. Видимо, Гвай решил угостить соратников особым пойлом Ночных стражей; вываркой, обостряющей внимание и чутье.

— Настой на гирканских степных травах, — будто прочтя мысли варвара, пояснил Гвайнард. — Позволяет нам отлично видеть в темноте, не хуже любой кошки. Эйнару экстракт без надобности — он ведь броллайхэн, а охотнику-человеку это зелье необходимо. Конан, не следует опасаться, настой безвреден. Вкус противный, но зато сможешь увидеть, как выглядит ночной мир.

Конан выпил и едва сдержался от яростной ругани. Горько, жгуче и тошнотно. Немного подождал. Полыхавшие на столе свечи, внезапно превратились в яркие до невозможности факела, а огонь очага стал непереносим — будто пустынное солнце спустилось в дом и легло отдыхать на багровые угли.

— Берите оружие. Отправляемся, — шурясь на огонь, приказал Гвай. — Я и Асгерд идем точно на Полночь, Конан и Эйнар — на Полуночный восход. Возьмите сеть, вдруг пригодится... Углубляться в чащу только на две лиги, не больше. Встречаемся здесь. Эйнар, смотреть в оба! Конан пока неопытен в наших развлечениях, отвечаешь и за себя, и за него! Ясно?

— Что я, дите малое? — вяло возмутился киммериец, однако более возражать не стал. Приказ есть приказ. Изволь выполнять, тем более, что наступило время настоящего дела, а не глубокомысленных разговоров. — Гвай, когда иссякнет действие настой?

— До утра хватит, — уверенно ответил предводитель, проверяя, насколько легко выходит из ножен клинок. — Ходить только в паре, не теряться! Желаю всем нам удачи. Двинулись!

* * *

— Мы сейчас работаем наживкой, — с неизменным оптимизмом вешал Эйнар. — Каттакану достаточно заметить неосторожных двуногих, выбравшихся на позднюю прогулку, выбрать жертву и... Тогда я не поручусь за целостность твоей шкуры. Мною упырь побрезгует — слишком костлявый.

— Гвай, кажется, говорил, будто в лесу безопасно, — напомнил Конан. — Упырю незачем проламываться сквозь ветки деревьев, чтобы поужинать вонючим киммерийцем и ядовитым броллайхэн.

— Не забудь, каттакан вполне может переместиться в пространстве за долю мгновения и атаковать неожиданно... Пока я не замечаю никакой опасности. Только справа, шагах в сорока, за нами наблюдает волк-одиночка. Боится подойти к людям поближе. Видишь?

Конан видел. И вправду, волк. Стоит между деревьев, немного приподняв и согнув переднюю лапу. Глаза светятся красными огоньками. Чувствует, что добыча не по его зубам — животные предпочитают не связываться с вооруженным человеком, особенно если человек идет не один.

Удивительный настой, которым Гвайнард опоил варвара, превратил ночной лес в удивительное царство голубоватого света и призрачных серых теней.

Глаза Конана, как и в ясный полдень, могли различить любую травинку в подлеске, светлячки выглядели сверкающими изумрудами, а звезды над головой превратились в холодные белые, розовые и желтоватые пятна. На неполную луну смотреть невозможно — ночное светило теперь поярче солнца!

Одно непривычно: резкая смена цветов. Трава стала не зелено-желтой, стволы деревьев — серебряными или густо-медными. Мелкая живность наподобие хорьков, мышек илиочных птиц почему-то выделяется красноватым свечением — чем крупнее животное, тем ярче алый ореол. Конан, однако, довольно быстро притерпелся к новым краскам и теперь с видимым удовольствием глазел по сторонам.

Киммериец и Эйнар, как и было предписано Гваем, направились точно к Полуночному восходу, в сторону самой круглобокой сопки Белой гряды, выглядевшей в точности похожей на острый и треугольный зуб каттакана. В чащобе не происходило ничего необычного — ночная жизнь текла своим чередом.

Плоскоголовая сова-неясность охотилась на полевок, далеко впереди недовольно ворчал разбуженный чем-то медведь, черная гадюка ползла по своим загадочным гадючим делам, а лисицы пытались разрыть заячью нору. Пейзаж мирный, неопасный, можно даже сказать, благостный. Думать об упыре, затаившемся неподалеку, не хотелось.

— Идем незнамо куда, без ясно определенной цели, — наконец возмутился киммериец.
— Ночные прогулки под луной, суть развлечение для бездельных скучающих дворян, а не для охотников за монстрами! Эйнар, мне надоело!

— Какие мы нетерпеливые, — сплюнул броллайхэн. — Не беспокойся, ночь едва началась, еще потанцуем... Тихо, меня Гвай зовет!

— То есть как — «зовет»? — не понял Конан. Он не слышал ничего, кроме потрескивания веток, шуршания в траве и листьев пофыркивания.

Эйнар, наклонив голову набок, вслушался в одному ему различимые звуки и сразу потянулся Конана за рукав, заставляя повернуть с тропинки налево.

— Читать мысли другого человека я не умею, но услышать мысленный зов вполне в состоянии, — сказал броллайхэн. — Давай-ка бегом! Кажется, Гвай и Асгерд заметили нечто интересное! Лес чистый, ноги не переломаешь! Топай за мной, выведу точно к нашим подельщикам!

Побежали. Ночное зрение не подвело и сейчас — отлично видны все ямы, поваленные деревья или скрытые травой валуны.

И все одно, Конан едва не поскользнулся и не вывихнул стопу.

— Здесь, — выдохнул броллайхэн, когда позади осталась полная лига. — Фу, запыхался и взмок! Гонки по дебрям не входят в число моих любимых забав.

— Если Гвай обязан быть здесь, то куда он пропал? — осведомился Конан, оглядывая обширную поляну. — Не вижу.

— Охотник должен уметь хорошо прятаться, — послышался невозмутимый голос Гванарда, который внезапно появился из густой тени пушистой синей елки. — Если вы меня не видите, значит и упырь не видит. Асгерд, слезай! Конан и Зинар пришли!

Девушка спрыгнула откуда-то сверху, надо полагать — с ветки дерева.

— Почему звали? — броллайхэн не переставал оглядываться. — Упыря нашли? Если нашли, то почему я не вижу его разделанную тушу?

— Сейчас прилетит Рэльгонн, — сказал Гвай. — Каттаканы заметили дикаря. Логово совсем близко. Конан, умоляю, не хватайся за меч, все равно не поможет. Тут надо действовать не напрямик, а применить военную хитрость. То есть — учинить подлянку.

— В нашей работе любые средства хороши, — усмехаясь, дополнила Асгерд. — Благая цель их вполне оправдывает. Конан, ты ведь не собираешься церемониться с вампиrom? Эй, парни, месьор Рэль пожаловал! Смотрите!

Она вытянула руку, указывая на небо. Конан, щурясь от немыслимо яркого света звезд и белого зарева лунного заката, увидел большую птицу, выписывающую долгие круги высоко в воздухе.

Нет. Никакая это не птица. Силует принадлежит некоему неведомому существу, лишь очень отдаленно напоминающему летучую мышь. Пока тварь находится слишком далеко и подробностей не разглядеть.

— Слушайте, а если это не Рэльгонн? — подал голос киммериец, когда парящий в небесах упырь начал быстро и абсолютно бесшумно снижаться. — Гвай, ты уверен?

— Уверен, — процедил Гвайнард. — Как в самом себе. Не следует беспокоиться, я уж

как-нибудь отличу нормального каттакана от одичавшего.

Упырь рассек воздух над поляной, скользнул к большой раскидистой сосне и, умело зацепившись задними лапами за ветку, сложил крылья, повиснув на дереве вниз головой.

— Подойдите, — прошелестел знакомый голос хозяина Рудны. — И не обращайте внимания на мой импровизированный настеск, мне так удобнее разговаривать. Месьор Гвай, мы его нашли! Точнее, выяснили, где находится логово! Я преувеличивал сложность задачи, все оказалось намного примитивнее.

Доблестные охотники окружили сосну и задрали головы. Упырь раскачивался на поскрипывающей ветке в десятке локтей над землей.

Варвар с трудом поверил, что человекоподобный Рэльгонн способен так разительно изменить внешность. Исчезли руки, заместившие крыльями с тонкой, похожей на сухой пергамент, кожистой перепонкой. Ноги, наоборот, стали маленькими и украсились мощными толстыми когтями, которыми каттакан и уцепился за дерево. Голова осталась прежней, то есть редкостно непривлекательной. Приоткрытый рот демонстрирует любому желающему впечатляющий набор острых зубов — сотни две, не меньше, да еще и расположены в три ряда... Непривычный к вампирам человек, увидев эдакого красавчика, помертвей со страха.

— Дикарь отправился за добычей, — сказал Рэльгонн. — Дядюшка заметил его случайно, когда упырь вылез из норы размять крылья. Как и условлено, мы не стали начинать преследование — спугнем, и он опять сменит берлогу. Ищи-свищи потом... У дикаря очень странный запах мысли, словно он действует, подчиняясь не инстинктам, а приказу... Упырь и впрямь безумен. Но это не простое безумие, выгоняющее каттакана из укрытия в неподходящее время. До полнолуния, напомню, осталось целых три седмицы! У людей такая болезнь называется «порчей». Сглаз, порча, наведенное сумасшествие... Мы в недоумении. Каттаканы не подвержены чужому мысленному воздействию.

— Следовательно, ошибались, — сказал в ответ Гвай. — Получается, что дикаря... сглазили?

— Можно сказать и так, но эти слова ничуть не проясняют истинной сути происшедшего, — очень серьезно пробурчал Рэльгонн. — Задета отнюдь не честь нашего рода, а наша общая безопасность. Если кто-то научился манипулировать одичавшим каттаканом, значит, подобная судьба может постигнуть и меня, и мою семью. Я начинаю побаиваться за дальнейшую судьбу разумных каттаканов.

— Оставьте, месьор Рэль, — бесстрастно ответил Гвай. — Помогите нам, и мы поможем вам. Где находится логово?

— Полуночный склон второй сопки Белой гряды. Естественная пещера под корнями гигантского кройхана. Не ошибитесь, дерево приметное, высохшее. Когда собираетесь отправиться на место?

— Явимся к пещере в полдень, если будет солнечно и не пойдет дождь.

— Я попрошу... кое-каких старых друзей, чтобы вас проводили. Не удивляйтесь, если это будет непривычное человеку существо. Когда окажетесь рядом, пускай месьор Эйнар пошлет мне мысленный призыв — в пещере темно, я помогу скрутить упыря. А следующей ночью решим, что делать с бруксой. Мне кажется, что именно неизвестный вампир-маг сумел подчинить моего сородича. Идите домой, отоспитесь, как следует. От каттакана я вас оберегу, но... Очень прошу, не впускайте других людей. Каждый пришедший на хутор незнакомец может оказаться врагом.

— К старости ты стал подозрителен, — броллайхэн не упустил случая поддеть упыря. —

Семь с лишним тысяч лет жизни среди двуногих, любого добропорядочного вампира вгонят в слабоумие.

— Не понимаю, почему ваше безмозглое племя умудряется превратить в дешевый балаган даже самое серьезное предприятие? — парировал упырь, и его немедленно поддержал Гвай:

— Не спорю, я всегда говорил, что мир нужно спасать с улыбкой на лице, но иногда следует придерживать ретивое. Проклятая брукса не выходит у меня из головы.

— Вас обоих, — Эйнар посмотрел на Гвайнарда и Рэльгонна, — словно в огуречном рассоле полгода вымачивали, если по лицам судить! Неужели не понимаете — ничего особенного не происходит! Все как в сказке — придем в логово чудовища, наскоро пообломаем ему рога, заткнем пасть собственными онучами, прихватим сокровищ, сколько сможем унести — и домой! Пиво пьянствовать и девок портить! Герои мы или кто?

— Насчет девок — не знаю, — усмехнулся упырь. — А ты, если не заткнешься, будешь «попорчен» самолично мною. Тебя давно вампиры не кусали?

— Давно.

— Все, господа, разговор окончен, — провозгласил Рэльгонн, не желая углубляться в бесцельные пререкания с Эйнаром. — До завтра.

Упырь расправил крылья-паруса, снялся с ветки, тяжело скользнул над самой травой и начал подниматься к небу. Асгерд помахала вслед ладонью.

— Возвращаемся, — коротко сказал Гвай. — Только поглядывайте по сторонам, мало ли...

Небольшое приключение поджидало бравых Ночных стражей возле самого хутора. Едва за деревьями показались громоздкие бревенчатые постройки, не устававший быть киммериец, углядел в кустах дикой малины неясное шевеление. Не барсук, не лиса и вообще не зверь — Конану почудилось, что он видит оживший заплесневелый пенек. Пень двигался, едва слышно гукал и вовсю жрал малину. Согласимся, что никакие уважающие себя пни не станут бродить ночью по лесу, а тем более собирать ягоды.

Варвар, окликнув Эйнара, с ужасающим треском вломился в кусты, но пенек оказался весьма шустрым — метнулся прочь, явно желая затеряться в подлеске, а когда Конан схватил его за самую верхушку, издал такой громогласный визг, что киммериец едва не разжал ладонь.

— В чем дело? — Гвай, поднявшийся на крыльце застыл, глядя как варвар тащит в обеих руках нечто маленькое, вопящее и яростно отбивающееся. — Конан, что это такое? Выброси, зачем нам лесная кошка? Мышей ловить?

— Это не кошка! — прохрипел киммериец, и сразу был укушен за палец. — Демоны зеленые, это... Кусается, гаденыш!

Асгерд дожидалась приятелей в главной комнате дома и уже разлила по стаканчикам снадобье, возвращающее человеку нормальное зрение. Не перестававший удерживать невиданную добычу Конан, левой рукой схватил чарку, выпил, и вновь был тянут за запястье. Теперь уже до крови.

— Тварюга поганая! — взревел киммериец, и встрихнул пойманый пенек с такой силой, что тот обмяк и повис в руке, словно мешок. — Гвай, посмотри!

— Иштар Добросердечная... — Гвайнард с размаху плюхнулся на лавку, созерцая маленькое, в четыре ладони, существо, которое Конан крепко держал за шиворот. — Вот не ждали, не чаяли! Данхан! Батюшки, настоящий данхан! Их же не бывает!

— Не бывает, ждите! — досадливо бросил Конан. — Едва руку не откусил, мерзавец!

Малыш напоминал очень небольшого человечка, даже меньше знаменитого карлика немедийской королевы, считавшегося самым невысоким человеком на свете — всего один локоть и двенадцать пальцев. Седая бородища до пупа, маленькие, глубоко запавшие злобные глазки ярко-зеленого цвета, одежда сплетена из соломы, в густых волосах застрияли веточки и травинки, на кривых ножках деревянные башмачки.

— Лешак, — немедленно определила Асгерд. — Ничего себе, сюрприз! Ты откуда взялся, уродец?

Лешак молчал, сжав малюсенькие кулачки.

— Конан, поставь его на стол, — неожиданно резко потребовал Эйнар. — Не тряси! Гвай прав — это натуральный данхан, лесной карлик. Считается, что эта небольшая раса полностью вымерла, однако несколько семей данхан и сейчас живут в Аэльтунне. Интересно, почему он забрался так далеко от дома?

Данхан, утвердившись на ногах, поедал глазками людей и яростно фыркал на Конана. Гвай, Асгерд и варвар отвечали лешаку столь же изумленным взглядами. На их глазах ожила очередная легенда, повествующая о племени пакостных лесных карликов. Они мол, способны заблудить и завести человека в трясины или непроходимые чащи, они таскают у путников еду, они страшат людей дурными воплями и способны натравить волка... Словом, ничего хорошего от лешака ждать не приходится.

— Упырь говорить моя ходи сюда, — наконец, соизволил высказаться данхан. — Моя не хотеть. У? Моя все равно придти. Провожать дом плохой упырь. У?

— Это не бритуйский и не аквилонский языки, — сказал Конан, хотя это было вполне очевидно. — Ты хоть по-человечески разговаривать умеешь?

— Моя все умей, харя. У?

— Понял! — хлопнул рукой по столу Гвай. — Это наш провожатый. Тот самый, о котором говорил Рэльгонн. Давайте его отпустим, не хочется ссориться с лешим и его зубастыми покровителями.

Асгерд, положи на крыльце кусочек хлеба и ломть окорока — пускай поест.

Данхан слез на пол по ножке стола и заковылял к двери. Обернулся на пороге, сотряс воздух градом вполне понятных людям изощренных ругательств и исчез в темноте.

— Заповедник гоблинов, — опешивший Конан вернулся к своему исходному мнению о Ронинской провинции. — Не удивлюсь, если завтра это чучело приведет нас прямиком в пасть упыря... Кто как хочет, а я немного перекушу и на боковую.

— Спим здесь, по дому не расходимся, — сказал Гвайнард. — Один сторожит. Эйнар, ты все равно можешь сутками не спать, да и способности броллайхэн не чета нашим. Поэтому охранять будешь ты. Конан, налей-ка ягодного вина. Надо слегка расслабиться.

— Почему крайним всегда оказывается Эйнар? — уныло спросил сам себя броллайхэн. — Ничего, вот сковорюсь со всеми нелюдями Ронина и устрою охоту на охотников! Представляете полторы сотни лесных карликов, штурмующих этот дом? А сверху налетают зубастые упыри? А в ворота ломится ронинский Триголов? С восседающей на спине бруксой? Увлекательная, скажу я вам картина — скопище самой нечистой из всех нечистых сил Хайбории...

— Закрыл бы ты хлебало...

Эйнар философски вздохнул и потянулся к кувшину с вином. Одна маленькая радость в жизни затравленного людьми броллайхэна все-таки осталась.

Половина победы — в простоте!

Гвай, придерживаясь этой неоспоримой догмы, категорически запретил брать с собой любые ненужные вещи — зачем волочь на горбу снаряжение, которое никак не пригодится? А что пригодится?

Очень просто: сплетенная из гибких стальных нитей крепчайшая сеть, несколько мотков веревок, снабженных на концах крючьями наподобие рыболовных, особые фонарики, которые можно закрепить на груди. Оружие, само собой. Асгерд из двух своих клинов выбрала не посеребренный, а обыкновенный — каттакан нечистой силой не является, значит, серебро упырю не страшно. Эйнар вообще меч не взял, заявив, что обойдется магией и кривым туранским ножом. Гвайнард, кроме меча, прихватил необычный арбалет — его собственное изобретение. Внутри полой деревянной рукояти находились двадцать пять тонких и тяжелых металлических стрел, после выстрела тетива сама натягивалась пружинным механизмом, а стрела выталкивалась на ложе — из такого самострела можно палить непрерывно, пока болты не закончатся.

Конан остался при своем обычном вооружении: клинок за спиной, кинжал на поясе, подаренный райдорцами на празднике Солнцестояния замечательный охотничий нож — за голенищем сапога. Более чем достаточно.

Решили идти пешком — верховые лошади только добавят забот...

Однако, Малыша-тяжеловоза Асгерд и полусонный броллайхэн вывели из конюшни и быстро взнудзали. Гвай загадочно сказал, что Малыш примет самое непосредственное участие в деле, но как именно командир ватаги собрался использовать громоздкую конягу, Конану пока осталось неизвестным.

— Где наш проводник? — вопросил Гвайнард, остановившись у ворот хутора. — Конан, запомни на будущее: если вдруг зачешутся руки и ты снова захочешь поймать какого-нибудь необычного лесного жителя, сначала спроси меня или Эйнара. Угораздило же тебя вчера вечером...

— Данхан ужасно обидчивы, — согласился Эйнар. — И терпеть не могут людей. Вы уничтожали лесовиков пятьсот лет и почти добились своего — доселе не могу уяснить, как выжили последние семьи карликов?. Спасибо альбам, спрятали данхан от хищного людского взгляда у себя, в скрытом городе. Еще полторы тысячи лет назад на полуночи материка обитало пятнадцать —двадцать тысяч данхан — кхарийцев они мало интересовали. Но после хайборийского нашествия карлики вымирали целыми кланами. Точнее, не вымирали, а истреблялись новыми хозяевами земель Бритунии, Немедии и Пограничья. Не удивляюсь, что данхан искренне ненавидят человеческую расу.

— Мне от их ненависти ни холодно, ни жарко, — самоуверенно заявил Конан, машинально подсовывая Малышу прихваченную из дома морковку. Тяжеловоз брал угощение с ладони огромными мягкими губами и глубокомысленно жевал. — Сами знаете, большинство людей не принимает и не понимает чужого, а если чужак беззащитен, его проще убить, чем принять или понять. Попробовали бы хайборийцы истребить гномов!

Армии подземных бородачей непобедимы, а захватить их подгорные жилища никому и никогда не удастся. Данхан, конечно, жалко, но... Убью гаденыша!

— У?

Прилетевшая неизвестно откуда тяжелая шишка чувствительно ударила киммерийца по лбу. От второго снаряда варвар тоже не успел увернуться — шишка царапнула по щеке.

— Эй, хватит! — вскричал Эйнар, рассмотрев прятавшегося в дупле старой ели данхан.
— Спускайся, никто тебя не тронет!

На всякий случай броллайхэн добавил еще несколько слов на некоем жутком наречии, изобиловавшем цокающими и свистящими звуками. Эйнар знает язык лесных карликов? Впрочем, чему только не научишься за долгие столетия жизни!

Волосатая тварь ловко сползла по бугристому стволу на землю, переваливаясь, подошла к Ночным стражам, ничуть не обращая внимания на взбешенного Конана (росточком данхан едва достигал колена длинного киммерийца), оглядела безмятежного тяжеловоза и повернулась к Эйнару — не-человеку карлик доверял больше.

— Моя ехать спина большая тварь, — надменно сообщил данхан. — У?

— У! — не стал спорить Эйнар. — Посадим его на Малыша? Иначе лешак за нами не угонится.

Лесовик расположился на широкой холке тяжеловоза, вцепился пальчиками в густую гриву и пискнул:

— Прямо! Дык?

— У! — опять согласился броллайхэн, а остальные не сдержали улыбок. Исключительно содержательная беседа.

С тем и отправились. Данхан изредка командовал: «лево», «право», «стой». Все, включая Конана, заметили, что лешак выбирает наиболее короткую и удобную дорогу, старательно обходя болотины, овраги или бурелом. Проводник знал окружающие Ронин чащобы наизусть, лучше любого следопыта иди охотника.

— Тут! — отрапортовал данхан, когда отряд поднялся на треть высоты полуночного склона указанной Рэльгонном сопки. — Ваша стоять, большая тварь стоять. Моя покажи нора. Идти сейчас. Дык?

Последние слова относились к Эйнару. Броллайхэн пожал плечами, снял лешачка с холки тяжеловоза и скрылся вместе с проводником в зарослях крапивы.

Да, местечко весьма приметное. На одной горе будто бы выросла вторая — невообразимо огромный, засохший кройхан.

Можно подумать, что юный росток этого дерева встречал самый первый рассвет, в миг сотворения мира. Потемневший, ставший почти черным ствол, у подножия распускался змеиным сплетением корней, протянувшихся на сотни шагов. Ветви нависали над людьми чудовищной лапой невиданного дракона — зрелище сказочное, но слишком мрачное. Вокруг кройхана обычные деревья не росли, только папоротники, крапива и пушистый хвош — слишком разветвлены корни погибшего титана, сосна или лиственница за почву не зацепятся...

— Рэльгонн прав, там пещера, — Зйнар вынырнул из крапивного леса. — Вход широкий, только много паутины и засохших веток. Данхан пробрался внутрь до половины пути, сказал, будто пещера разделена на три части — коридор, большой зал прямо под стволом дерева и за ним еще одна, маленькая пещерка, заложенная камнем. Убежден, упырь живет здесь.

— Так... — Гвай быстро оглянулся. — Солнце подходит к зениту, скоро полдень. Начинаем работать, нет смысла терять время. Эйнар, займись лошадью. Конан, Асгерд, оставайтесь тут, обсудим диспозицию.

Диспозиция оказалась и простой, и благоразумной.

Пещера находится на полуночном склоне, солнце загораживают ствол кройхана и острые вершины сопки. Вплоть до подножия холма — открытое, но тенистое пространство. Каттакана следует доставить под прямые лучи светила, он умрет довольно быстро.

Сонный упырь опутывается сетью, которую зацепляют крючьями, привязанными к длинным веревкам, а пущенный в галоп Малыш вытаскивает вампира к лесу, на солнечную прогалину. Ничего сложного.

Остается только грамотно реализовать данный план и не пострадать самим.

Эйнар надел на тяжеловоза широкий кожаный ошейник-ярмо с железными петлями и теперь привязывал к ним концы веревок. Асгерд разворачивала металлическую сеть. Конан, чувствуя себя неприкаянным, расспрашивал Гвай:

— Что я должен делать? В точности?

— Если упырь начнет просыпаться, руби. По голове или по рукам. Тебе отводится роль той самой «грубой силы» которую мы применяем довольно редко. Встанешь слева от меня, чтобы не попасть под арбалетные стрелы. Сначала упыря надо ослепить, выбить глаза — этим я и займусь. Если станет совсем плохо, и ты почувствуешь прямую опасность для жизни — отступать без приказа. Мне трупы не нужны, всегда старался работать без потерь. Но я уверен, при помощи Рэльгонна мы управимся меньше, чем за квадранс. Понял?

— Понял, — кивнул варвар. — А кто погонит вниз Малыша?

— Боссонскому тяжеловозу можно не отдавать приказы. Кони этой породы сами отлично соображают, что к чему. — Гвай обернулся к подошедшем Эйнару и Асгерд. — Готовы? Эйнар, сообщи Рэльгонну, что мы начинаем!

... Броллайхэн тащил четыре мотка веревок с крючьями, Гвай шел впереди, чуть сзади и по бокам двигались киммериец и нордхеймская охотница. Пещера раскрыла зев неожиданно. Меж корнями огромного дерева стал виден черный проход высотой в полный человеческий рост. Рядом, на камушке, восседал данхан и невозмутимо потягивал черничную настойку из тыквенной баклажки — на седой бороде виднелись темные синеватые капли.

— Там, — карлик указал ладошкой в глубину пещеры. — Ваша идти, моя сторожить. У?

— Согласен, мы пойдем, — невесело улыбнулся Гвай. — Эйнар?

— Месьор Рэль прибудет немедленно, как только я подам ему мысленный сигнал, — бодренко известил броллайхэн. — Хотите житьечно? Не получится, это моя и только моя привилегия! Чего встали? Вперед!

* * *

Скорее всего, в не особо отдаленном прошлом, пещеру занимал лесной хозяин — на высохшей глине остались смазанные отпечатки медвежьей пятерни. И жил здесь не простой медведь, а серый: слишком большая лапа.

На проросших через свод острых корнях заметны обрывки темной седой шерсти.

Владыка леса или сам убрался подобру-поздорову после зимовки, или его выжил новый постоялец – звериного запаха не ощущается.

Данхан не согнал. Коридор, плавно загибающийся влево, оказался длиной около тридцати шагов. Когда Ночные стражи осторожно приблизились к самой пещере, образованной куполом корней кройхана, стало темно.

Спасали прихваченные Гваэм фонарики – свет фитиля многократно усиливался установленным внутри вогнутым зеркальцем, а сам фонарик крепился к груди ремешком. И светло, и руки не заняты.

— Интересно, что мы увидим? – прошептал киммериец, обращаясь к Асгерд. — Упырь, как и положено, спит в гробу? А под потолком гирляндами висят сущеные младенцы? И кувшины с кровью вдоль стен?

Асгерд покрутила у виска указательным пальцем левой руки. Правая была занята хитро уложенной сетью.

— Подумай, откуда каттакан возьмет гроб? — тоже шепотом ответила она. — Кроме того, в гробу спать тесно...

— Тише вы, — беззвучно ругнулся Гвайнард. — Потом языки разомнете! Не хватало только разбудить упыря раньше времени!

— Он не должен проснуться от ваших разговоров, господа. Говорите нормальным голосом.

Рэльгонн возник из ничего, из воздуха, вынырнул из пустоты. Только что упыря не было, а сейчас он стоит перед охотниками. Костюм прежний, могильно —черный. И Рэльгонн снова выглядит почти как человек — от ночного облика летучего монстра и следа не осталось.

— Хвала богам, — с видимым облегчением сказал Гвай. — Думал, ты не придешь.

— Я всегда выполняю данные обещания, — с обиженной интонацией в голосе ответил каттакан. — Ничего не поделаешь, пришлось пожертвовать отведенным для отдыха временем. Однако, и вы ночью не спали, так что удовольствие взаимное. Давайте осмотримся. Наша цель буквально в нескольких шагах, я ощущаю его сны...

Рэльгонн запустил к потолку пещеры уже знакомый ватаге золотистый шарик и с детской непосредственностью прошелся по твердой, слегка присыпанной песком, глине. Задержался возле груды костей в углу.

— Ага, вот и остатки пиршеств моего дикого собрата, — вздохнул упырь. — Отчего вы стоите на пороге, подойдите. Пока здесь безопасно, а все магические ловушки я уже обезвредил.

— И ловушки были? — поразился Конан. — Магические? Ты же говорил, будто дикарь ничего не соображает! Он неразумен!

— И что из того? — вздернул острые плечи Рэльгонн. — Колдовские способности в нашем роду передаются по наследству. Для каттакана защитная магия столь же естественна, как для вас дыхание или, извиняюсь перед дамой, опорожнение кишечника. Кролик тоже неразумен, однако он дышит, ест и умеет быстро бегать. При чем тут разум?

— Солидный запас, — почесал в затылке Гвай, оглядывая завал из костей. — Можно хороший забор построить, только обыватели не оценят.

— Юмор висельника, — буркнула Асгерд. — Глядите, в основном здесь кости животных — лось, олень, челюсть горного козла, коровий рог... Я ожидала найти нечто совсем другое.

— Это?

Гвай быстро нагнулся и перебросил Асгерд большой круглый предмет. Она поймала его левой рукой, хладнокровно осмотрела и кинула обратно в кучу. Тонкие кости свода белого человеческого черепа хрустнули.

— Есть еще ребра, десяток-другой берцовых и плечевых косточек, и множество позвонков, — сказал Гвайнард. — Если очень постараться, то наберем троих или четырех целых людей. Остается попросить у каттакана вернуть живую плоть и надеть ее на скелеты.

— Трое или четверо... — эхом повторил Рэльгонн. — А погибших и похищенных в Ронине насчитывается около полусотни. Лишнее подтверждение наших догадок о бруксе — каттакан, несомненно, нападал на человека, но гораздо реже, чем мы предполагали. Заметьте, кости довольно старые, им не менее полугода.

— И доставлены они сюда вовсе не упырем, — с видом записного пророка объявил Эйнар. — Если доселе не сообразили, объясняю. Каттакан недавно сменил убежище — Рэль, ты сам рассказывал, что несколько дней назад спугнул упыря и он перебрался в эту пещеру. Теперь обратите внимание на отметины зубов — они наличествуют почти на каждом мосле. Ничего похожего на челюсти каттаканов, скорее наоборот! Поняли ошибку? Это кладбище принадлежит не упырю, а серому медведю, прежнему владельцу берлоги. Лесной хозяин человечинкой отнюдь не брезгует...

— Оказывается, ты не только пиво жрать горазд, а иногда и головой думать умеешь, — похвалил броллайхэн Гвайнард. — Что же это получается, а?

— Получается, что надо получше осмотреть убежище каттакана, — Конан указал на неровную каменную кладку в углу пещеры, которую медведь не сумел бы возвести при самом страстном желании. — Не уразумею, у нас охота или обычная прогулка? Я бы, на месте упыря, давным-давно вылез наружу и задал непрошеным гостям хорошенъскую трепку!

— Обычно, в середине светового дня мы спим исключительно крепко, — напомнил Рэльгонн. — В этом состоит одна из редких слабостей каттакана — надо прятаться так, чтобы никто не нашел... Я присматриваю за ним, никаких признаков беспокойства!

— Раньше начнем — раньше закончим, — провозгласил Гвай. — План прежний. Конан, Эйнар, уберите завал!

— Как обычно, черная работа достается новенъким и самым молодым, — безнадежно вздохнул броллайхэн. — Конан у нас в отряде всего пятый день, а мне по виду и двадцати зим не сравнялось... Давай киммериец, потаскаем булыжники. Только бросай их в сторону, чтобы выход не загораживать!

Оказалось, что разобрать кладку отнюдь не просто — камни скреплялись непонятной липкой гадостью, вроде тягучей полупрозрачной слюны.

— Это и есть слюна, — растолковал упырь. — Дикари используют ее для строительства логова. Ого, кажется, потянуло знакомыми запахами!

Из расширявшегося на глазах проема явственно несло свеженькой мервечиной. Когда Конан и броллайхэн окончательно убрали камни, Эйнара опять начало тошнить — в дальней части пещеры не просто смердело, а буквально воняло к небесам.

... Когда впоследствии варвара расспрашивали о его похождениях вместе с Гвайнардом и отрядом бритунийских Ночных стражей, Конан предпочитал умалчивать о том, что именно было обнаружено в берлоге ронинского упыря. Не хотел вспоминать. Говорил только о семи человеческих телах и останках самых разных животных. Уборкой своего дома дикий каттакан себя не утруждал, а потому выглядело логово до крайности тошнотворно.

— Фу, какая гнусная картина! — Рэльгонн первым зашел в пещерку и сразу подобрал полы длинного балахона. Боялся испачкаться. — Вот к чему приводит отсутствие разума! Асгерд, если вы действительно ожидали найти здесь «нечто совсем другое», а не банальные кости оленей — милости прошу заглянуть в уютную спальню нашего общего друга. Однако, не уверен, что вам тут понравится.

Более стойкий Конан решился и последовал за Рэльгонном. Немедленно подоспел и Гвай.

— Вот он! — будто и не заметив царящего в обиталище каттакана смрадного ужаса, воскликнул Гвайнард и указал наверх. — Точно, дыхнет! Как нам его оттуда достать?

На толстом отростке древесного корня, извивавшемся под потолком, безмятежно висел дикий упырь. Тварь очень походила на ночную личину Рэльгонна. Аккуратно сложенные крылья, закрывающие голову. Когтистые задние лапы, туловище в складках, морщинах и бугорках. Кожа не пергаментно-белая, как у повелителя Рудны, а серо-голубая. Симпатяга.

— Сбросить его вниз несложно, — поджав и без того тонкие губы, сказал Рэльгонн, — и тогда дикарь начнет просыпаться. Хватайте сети и вытаскивайте его на свет...

— Это может показаться жестоким, — заикнулся Гвай, — но я предпочту немедленно ослепить упыря.

Рэльгонн только махнул длиннопалой ладонью, будто хотел сказать: «Делайте, что хотите, только давайте закончим побыстрее»! Конан начал понимать его чувства — каково бы пришлось человеку, вынужденному убить сородича с помощью явившихся из чужого мира монстров?

Вытянув руки к потолку, Рэльгонн что-то коротко шепнул, земля под ногами слегка качнулась, а дикий упырь вдруг с размаху грохнулся в самое месиво полуразложившейся мерзости. Шевельнул крылом, раскрыл пасть, словно зевая.

И немедля началась деловая суэта.

— Асгерд, сеть! Конан, подцепи его крючками и вытащи в большую пещеру! — команды Гвая были понятными, короткими и спокойными. — Эйнар, катись наружу — пригляди за Малышом, только под ногами путаешься! Месьор Рэль, отойдите, вы мешаете!

Броллайхэн бегом рванул к выходу.

Все более активно брыкающегося упыря выволокли из логова, Гвай наступил ему на крыло и всадил по арбалетной стреле в каждую глазницу. Каттакан тоненько заверещал, распялив зубастый рот. Спустя несколько мгновений его опутали металлической сеткой.

— Почему лошадь не тянет?! — заорал Гвай. — Эйнара своими руками придушу!

— Если не тянет, значит, возникли сложности, — тревожно проговорил Конан, поглядывая на дергающегося каттакана. — Потащили сами! Время уходит!

— Я прощаюсь до ночи, — скороговоркой проронил Рэльгонн. — Дальше без меня справитесь. Счастливо оставаться.

Рудненский владетель запахнулся в плащ и исчез: переместился в альбийскую крепость.

Конан, Гвай и Асгерд уже волокли почти проснувшегося упыря к выходу из пещеры. Ошарашенный внезапным пробуждением и сильнейшей болью каттакан отбивался довольно вяло и свои магические умения пока не применял.

Яркий дневной свет, крапива, склон холма. Асгерд, споткнувшись, упала, но командир отряда вместе с варваром упрямо тащили тяжеленного упыря к подножию, на солнце. Тварь орала все сильнее и тоныше — поняла, что жить осталось недолго. Еще немного и...

Синеватая кожа дикого каттакана под прямыми лучами светила потемнела,

запузырилась и начала исходить сизоватым дымком. Ожоги страшнейшие — на плечах и на черепе сгоревшая плоть обнажила грязно — желтые кости.

Неприятная смерть...

Упырь выл жалобно, поскуливая и взвизгивая. Кончилось все внезапно — он последний раз дернулся в безнадежной, отчаянной попытке вырваться, и сразу затих. Тело медленно дрогало.

— Хоть в чем-то сказки не врали, — завороженно сказал Конан, глядя на останки упыря. — Никогда ничего подобного не видел!

— И молись всем богам, чтобы не видеть в будущем, — пробурчал Гвай и огляделся. — Меня сейчас больше интересует другое: куда пропали Эйнар, Асгерд и Малыш?

— Я здесь, — Асгерд, хромая, пробиралась к поляне. — Ногу подвернула. Эйнара не видела, а с Малышом вообще непонятно что случилось. Ошейник порван, валяется на земле. Он попросту сбежал!

— Быть такого не может! — ахнул Гвай. — Во что угодно могу поверить, только не в бегство боссонского тяжеловоза!

— Малыш никуда не сбежал, не клевещите, — раздался мрачнейший голос броллайхэн, появившегося из-за деревьев. — Коня убили.

— Убили?! — хором переспросили Ночные стражи. Конан сначала решил, что Эйнар крайне неудачно пошутил, однако на глазах беззаботного броллайхэн стояли слезы. — Каким образом? Где??

— Тело лежит в сотне шагов отсюда. — Эйнар подошел к дымящемуся скелету упыря, уселся на валявшийся рядом замшелый камень и схватился руками за голову. — Я успел заметить нападавшего. Женщина, человек... Лицо в подробностях не разглядел, она мигом скрылась. Я почувствовал ледяное дуновение — мерзавка использовала черную магию! Черная магия — в полдень! Понятно вам?

— Так, — Гвай тяжело задышал и стиснул рукоять клинка. — Вот теперь я разозлился всерьез... Веди, показывай!

Глава пятая в которой Гвайнард догадывается о сущности вампира-мага, потом случаются большой пожар и маленький бунт, а Ночные стражи неожиданно становятся свидетелями весьма необычной церемонии.

— Нет слов, достойнейшие месьоры... Это невероятно, непостижимо! Вам хватило всего двух дней, чтобы найти и уничтожить упыря! Если вы беспокоитесь по поводу оплаты, то совершенно напрасно — уверяю вас, я никогда не бросаю слов на ветер. Обещанную награду получите немедля. Золотом, слитками или векселем?

— Вельможный, о награде пока говорить преждевременно...

— Почему? Вы убили тварь, принесли доказательства. Я тотчас распоряжусь! Господин каштелян!..

— Я же сказал, сударь — преждевременно. Нам необходимо поговорить с глазу на глаз, светлейший эрл.

— Если вы просите, господа... Месьор Алистер, почтенные старосты, выйдите из кабинета. Дождитесь нас в тронной зале, вечером устроим пир в честь Ночных стражей! Кстати, почему в замок не явились ваши соратники? Надеюсь, они... не пострадали?

Вельможный эрл Алаш Ронин зря беспокоился. Никто из отряда Гвайнарда не был ранен, если не считать случайно оступившуюся Асгерд. Впрочем, она почти не хромала и на боль в стопе не жаловалась. Упоминать о гибели Малыша пред лицом светлейшего пока было рановато. Поначалу следовало рассказать о подробностях охоты на каттакана.

В Ронинскую крепость отправились только Конан и Гвай. После убийства дикого упыря и краткого расследования гибели тяжеловоза-боссонца вся компания вернулась на хутор, собралась в дорогу и уже во второй половине дня прибыла в главный поселок княжества. Один Эйнар ехать отказался, сообщив, что направится в соседнюю деревню, искать владельца Журавлинного хутора с семейством — кметов следовало допросить с пристрастием. Может быть, их рассказ даст некоторые зацепки для поисков бруксы.

Асгерд остались в таверне «Свинья и котел», разбираться с вещами и вылавливать последние сплетни — нечего ей ноги ломать на козлиной тропке, ведущей в замок! Киммериец и Гвай сами отлично справляются.

Эрл Алаш принял охотников незамедлительно, пускай в кабинете вельможного и собрались старосты деревенских общин — обсуждали виды на урожай, нововведенные герцогом налоги и, конечно, перемывали косточки упырю. Когда варвар с невозмутимой торжественностью вынул из холщового мешка прихваченный в качестве трофея обгоревший череп каттакана, и водрузил на стол его светлости, почтенные старцы затихли. Алаш Ронин молча взял мертвую голову упыря, провел пальцем по тройному ряду зубов на нижней челюсти (въедливый Гвай по дороге с хутора насчитал по восемьдесят два конических зуба в каждом ряду), осторожно положил череп обратно и только руками развел. Сказал:

— Осеню поеду в Немедийскую столицу, отвезу голову ученым мужам Бельверуса. Никто ведь не верит, что каттаканы существуют на самом деле! Митра Блистательный, наконец-то мы избавлены от этой напасти! Не знаю, как и благодарить вас, господа...

Тогда Гвай впервые дал понять, что благодарить рановато. Дело сделано лишь наполовину.

— Что-то случилось? — вопросил Ронин, когда двери кабинета закрылись и эрл остался наедине с Дерниками. — Не вижу радости на ваших лицах, месьоры. Ведь каттакан погиб?

— Погиб, конечно, — холодно подтвердил Гвай. — А радоваться пока нечему. Вельможный, каттакан виновен лишь в ничтожно малой части убийств, что происходили за последнее время в твоих владениях.

— Простите? — наклонился над столом эрл Алаш. — Я, наверное, плохо расслышал? Кто, кроме упыря может с такой невероятной жестокостью расправляться с людьми, пить кровь и утаскивать жертвы в свое логовище? Мое фамильное проклятие? Невозможно! Триголов, охотится лишь за мной самим, и затем будет нападать на мою супругу и моих детей. Другие люди ронинского пса не волнуют, он просто пугает их до полусмерти, но никогда не трогает...

— Светлейший, тебе когда-нибудь рассказывали о бруксах? Вампирах —магах? Людях, несущих на себе черное проклятие с самого рождения?

— Н-нет, — запнувшись, ответил эрл. — Краем уха слышал невнятные сказки, но не более.

— Проклятие может быть наведено колдуном, или возникнуть само по себе. Как именно? Изначально проклятым может оказаться ребенок, рожденный при кровосмесительном браке, зачатый от воплощенного демона-инкуба и женщины-человека, произведенный на свет ведьмой, знающейся с нечистой силой... Тогда незримый злой дух начинает постепенно овладевать личностью и однажды замещает собой человеческую сущность.

Гвай кратко и доходчиво объяснил светлейшему все, что недавно рассказывал Конану. Брукса, носферат, кяур — с этими, прежде непонятными, наименованиями киммериец почти свыкся. Как и со многими другими.

Что такое кальконикс? Верно, небольшая тварь похожая на россомаху, живое существо, обладающее слабенькими магическими способностями и пьющее кровь диких животных. По большому счету, тоже вампир. А кто такие бальбериты? Ничего особенного: здоровенные кровососущие насекомые с зачатками разума — сохранились с таких незапамятных времен, что незнамо сколько отживший на свете Эйнар не знает, когда и как они появились в Средней сфере. Броллайхэн утверждал, что бальберитов наверняка создал знаменитый бог Полуночи, Рота-Всадник, большой любитель поглумиться над тварным миром.

А еще встречаются гном, магрика, парх и так далее, почти до бесконечности. Гвайнард полагал, что в Хайбории обитает не менее семидесяти видов живых и демонических тварей, предпочитающих теплую кровь всем другим блюдам. И у каждого вампира есть собственное наименование, свои привычки и особенности поведения, отличные от других повадки и правила охоты, о которых обязан помнить любой Ночной страж.

— Ничего не скажу, обрадовали, — вельможный, выслушав предводителя Дерников, вновь приобрел горестно-испуганный вид. — Значит, брукса? Вампир-человек, с помощью магии подчинивший каттакана?

— Именно. Тварь решила, что если простецы накрепко уверуют в виновность каттакана,

она останется вне подозрений. Предполагаю, что Брукса направляла действия упыря, показывала ему, где можно разжиться легкой добычей, а затем, после нападения каттакана, атаковала сама. Все спишется на неразумного лесного вампира. Именно брукса убила нашего коня... От злости, что мы лишаем ее такого замечательного, пусть и невольного, союзника. А когда увидела месьора Эйнара — сбежала. Эйнар владеет магией, связываться с ним опасно даже для бруксы.

— Я компенсирую вам стоимость лошади, — очень невпопад сказал Алаш Ронин, чем вызвал у Гвая приступ тихой ярости:

— Я не прошу денег, вельможный! — сквозь зубы процедил Гвай. — Малыша будет трудно заменить — мы обучали его два года, конь был таким же бойцом отряда, как и все прочие... Я требую помощи! Если ты решил, что, наняв Дербников и месьора Рэля, сможешь остаться в стороне — значит, глубоко ошибался. Теперь мы все, от дворян до неграмотных кметов, обязаны начать поиски. Все и каждый, понимаешь? Иначе, через два-три года единственным твоим подданным будет числиться ронинский пес. Это не простая брукса — человек одержим редкостно кровожадным демоном, которому постоянно требуются новые и новые жертвы. Демоном, который не боится творить заклинания Бездны под полуденным солнцем, когда почти любая черная магия исчезает... Перед нами враг, куда более опасный, чем сотня каттаканов!

— Я выполню все, что попросят Ночные стражи, — с внезапной твердостью сказал эрл Ронин.

— Любой ваш приказ, касающийся поимки бруксы, будет законом для меня и моих подданных. Слово дворянина. Говорите.

— Немедленно доставить в замок деревенских шаманов и знахарей, — тотчас распорядился Гвай. — Собрать всех, до единого. Далее. Выяснить, кто из чужеземцев приехал в Ронинские владения после третьей весенней луны, когда начались убийства, и кто остался здесь жить. Ставлю тысячу ауреев к одному — мы охотимся не на местного жителя. Дружине настрого приказать задерживать любых подозрительных незнакомцев, и мужчин и женщин. Остальное я расскажу завтра.

— Я непременно выполню все рекомендации, — примирительным тоном ответил светлейший. — Можете на меня положиться. Идите.

— Еще два важных совета, — Гвайнард обернулся с порога кабинета. — Отмени намеченный пир. Нечего сейчас праздновать... И никому не говори о том, что сейчас услышал. Вообще никому. Ни собственному жрецу, ни Каштеляну, ни командиру стражи. Ясно?

— Более чем. И... Спасибо вам, господа.

* * *

Полночные посиделки с Рэльгонном, по складывающейся традиции, устроили на сеновале постоянного двора. Во-первых, никто не подслушает, во —вторых, здесь прохладно — лето стоит знойное, ночами жарко, а в доме и вовсе не продохнуть.

Гвай категорически запретил говорить простым ронинцам про убийство каттакана.

Нападения упыря наверняка будут продолжаться, а для Ночных стражей нет ничего страшнее испорченной репутации. Как же так: сказали, будто тварь истреблена, а зубастая чуда снова перекусала полдеревни! Нехорошо-о...

— На поимку бруксы у нас не более двух суток, — втолковывал Гвайнард. — Старейшины поселков видели череп каттакана, они обязательно расскажут домашним и друзьям, послезавтра вся округа будет в курсе нашего сомнительного подвига. А вскоре появятся новые жертвы. Народ здесь простой — не посмотрят на былые заслуги, обмажут медом и посадят на муравейник. Чтоб другие не обманывали! Готов выслушать мнения и соображения.

— Никаких соображений, — уныло отозвался Эйнар, приехавший в поселок к закату. — Мы почти ничего не знаем. Хозяева Журавлинего хутора подтвердили, что их работники погибли утром, на дворе. Старик проснулся от короткого вскрика и сразу пошел взглянуть, что случилось. Зацепка прежняя: дед утверждает, будто краем глаза заметил женский силуэт у кромки леса, но решил, что привиделось. А я эту тварь видел на расстоянии десяти шагов! Эх, лицо не рассмотрел!

... История Эйнара звучала чистейшим вымыслом и потому броллайхэн поверили все, сразу и безоговорочно. Когда варвар и Гвай возились с каттаканом в пещере, Эйнар бросился к тяжеловозу — если конь сам не догадался о намерениях хозяев, его следует подтолкнуть. Грузный, но быстрый боссонец моментом выволок бы упыря на солнце.

Вначале Эйнар удивился отсутствию Малыша, обязанного стоять на месте, и только увидев разорванное кожаное ярмо-ошейник и капли крови на траве, уяснил: произошло нечто непредвиденное и очень скверное. Пользуясь чутьем духа природы, побежал искать.

И нашел.

Мертвый тяжеловоз лежал за деревьями, а над трупом коня возвышалась неизвестная девица в сине-черном туранском облачении и платке, закрывающем нижнюю часть лица. Только глаза были видны — Эйнар утверждал, что среди бела дня они отливали багровым. Заметив броллайхэн, опасная незнакомка с царственным спокойствием отошла в сторону, ударила по Эйнару ослепляющим заклинанием, которое он едва успел отвести, построила самый настоящий портал в виде пылающего темным огнем кольца и была такова. Запустить ей вдогонку свое заклинание Эйнар не успел. Потом броллайхэн сказал, что заклятье упырицы весьма чувствительно его задело — ненадолго оглушило.

Оглушить воплощенного духа природы?.. Тут, знаете ли, нужно владеть сильнейшей черной магией!

Мертвого тяжеловоза Конан видел своими глазами. Разгневанная действиями охотников, брукса расположила могучую шею лошади когтями, выщипала глаза и почти оторвала голову. Данхан тоже был найден убитым, неподалеку от пещеры... Гвай разъяренно орал, что самолично отправит гнусного демона в Черную Бездну и никакие силы, что сверхъестественные, что человеческие, ему не помешают!

Таких вывертов он не спустит никому: одно дело, убивать людей, и совсем другое — выместить злобу на беззащитном животном и маленьком лесном карлике!

Когда предводитель немного успокоился и обдумал случившееся, встали несколько животрепещущих вопросов. Откуда в Ронине, находящемся в сотнях лиг от Аграпура, объявилась женщина в туранском платье? Почему она может использовать черную магию в полдень? Как она следила за Ночными стражами? Почему испугалась напасть на самих охотников?

На последний вопрос дал ответ Рэльгонн, вновь усевшийся на потолочную балку сеновала:

— Ничего удивительного, друзья мои. Эйнар и ваш покорнейший слуга владеем сильным, заложенным от природы, волшебством. А действия бруксы направляет демон, которым она одержима — он диктует ей заклинания, которые человек не всегда понимает, может перепутать или ошибиться. Днем черная магия так или иначе слабеет, со мной и броллайхэн брукса не смогла бы управиться. Предпочла более простой путь — показала, что знает о наших намерениях. И столь варварским манером предупредила: уходите с дороги, или ждите смерти.

— Любопытно, а женщина осознает, что она вампир? — поинтересовался Конан. — Помнит о своих проделках?

— К сожалению, да, — вздохнул Эйнар. — Насколько можно судить по поведению бруксы, ее человеческая сущность получает удовлетворение от убийств — она вызвала своего демона днем, в крайне неподходящее время, только бы нам насолить! Тварюга ощутила сладость власти над смертными, которую дает ей магия. Наслаждается силой и безнаказанностью. Она никогда не остановится. Опьянение властью — опасная болезнь. И неизлечимая.

— Вполне излечимая, — бросила Асгерд и погладила рукоять клинка. — Лекарством от нее владеет каждый из нас. Требуется лишь отыскать больного. Полечим.

— Подведем итоги, — скрипучим и огорченным голосом сказал Рэльгонн. — Что мы знаем? Бруксой является женщина, вероятно, молодая. Живет неподалеку, в Ронине — вряд ли какая-нибудь наложница императора Илдиза, владеющая черным колдовством, будет специально строить порталы из Аграпура на Полночь Бритунии, чтобы вволю попить кровушки. Звучит абсурдно... Кстати, Эйнар, если ты находился рядом с порталом, то мог заметить, что находилось по другую его сторону! Вспомни! В огненном кольце наверняка было видно место, куда ушла брукса! Предметы обстановки, пейзаж, возможно, другие люди?

— Точно, как же я сразу не сообразил?.. — броллайхэн, нахмурившись, коснулся пальцами лба. — Проклятая стерва швырнула в меня заклятье слепоты, едва отился, но я точно видел каменную кладку за порталом... Какое-то темное помещение. Камни большие, плохо обтесанные — гранит или базальт.

— Каменная кладка? — вскинулся Гвай. Замер на пару мгновений, словно осознавал поразившую его мысль. — Демоны зеленые, все сходится!

— Что — «сходится»? — дружным хором спросили Конан и Асгерд. Рудненский упырь молчал, дождался объяснений.

Гвайнард замолчал и обвел взглядом соратников. В его глазах вспыхнул азартный огонек. Или командир отряда догадался, как найти бруксу, или наблюдательный Конан плохо разбирался в людях...

— Кажется, я знаю, где вампир зарыт, — чуть срывающимся голосом произнес Гвай. — Однако, пока не получу веских доказательств, говорить не стану — ошибка будет стоить слишком дорого каждому из нас. Рэльгонн, пойдем на двор, подышим свежим воздухом.

— Какая таинственность, с ума сойти, — проворчала Асгерд, когда упырь и Гвайнард вышли из сарая. — Почему бы не сказать по-человечески? Он перестал нам доверять? Больше надеется на каттакана, чем на старых друзей?

— Чепуху говоришь, — отмахнулся Эйнар. — Не ревнуй Гвая к упырям — не такой он человек, чтобы секретничать попусту.

— Знаю. Не обращай внимания, это я от усталости. И все-таки, что придумал наш бравый командир?

— Со временем все узнаем, — здраво предположил Конан. — Давайте отдыхать. Похоже, у Гвайнарда с Рэльгонном будет долгий разговор.

Киммериец ошибся. Предводитель лихой ватаги появился очень скоро, залез наверх, молча укутался в тонкий плащ и закрыл глаза. Не хочет рассказывать — и не надо, его никто не принуждает.

Засыпая, Конан вспомнил последние слова Гвайнарда: «Ошибка будет стоить слишком дорого каждому из нас».

Варвар уже перешел грань сна и яви, когда в голове белым факелом вспыхнула единственно правильная догадка, однако навалившийся темной грозовой тучей сон, переборол здравую мысль, каковая сразу позабылась.

Конан не почувствовал, как под утро снова явился Рэльгонн — возник из небытия рядом с мягкой лежанкой Ночных стражей. О чем Гвай шептался с упырем, не слышал никто.

Хозяин Рудны задержался почти до рассвета — требовалось обсудить множество подробностей грядущей облавы на бруксу.

* * *

Утреннее настроение Гвайнарда изрядно подивило всю компанию. Доблестный охотник беззаботно насвистывал, шутил, улыбался и заказал хозяину «Свиньи и котла» роскошный обед. Потом за свой счет выставил десяток кружек эля заглянувшим в таверну ронинцам, не исключая здоровья Арта, которого побил в самый первый день. Арт, преодолев робость, немедля принял напрашиваться в отряд — дома ему, понимаете, скучно, то ли дело ходить вместе с Дербниками! И денежно, и приключений вдоволь. Еле отговорили, застрашав леденящими кровь байками из жизни Ночных стражей — наполовину придуманными, наполовину истинными.

У Асгерд и Эйнара глаза на лоб полезли, когда Гвай во всеуслышание объявил, что теперь в Ронине можно жить спокойно — кончилось, мол, упыриное время. Никто отныне о вампире и не услышит!

— Спятил? — шикнула Асгерд, толкнув Гвай локтем. — Вчера ты говорил прямо противоположное! Слухи не распространять, язык за зубами, и, вообще, брукса почти неуловима... Ты как хочешь, а я сидеть на муравейнике не собираюсь!

— Брукса вполне уловима, — Гвай ободряюще похлопал девушку по плечу. — К вечеру будьте готовы. Я побежал в замок — надо обязательно переговорить с вельможным Господину Алашу Ронину тоже предстоит нелегкий денек. И малоприятная ночь. Ничего, выдержит, главное уберечь молодого эрла от трехголовой псины...

— Мне с тобой пойти? — спросил Конан.

— Не надо, отдохай. С ронинскими знахарями и шаманами сам поговорю. Сделаю умное лицо, выслушаю, и отпущу с миром. Эта братия шарлатанов нам не потребуется — сами упырицу одолеем.

Напевая малоприличную песенку о короле и пастушке, встретившихся на знойном лугу,

Гвай вышел с постоянного двора и легко зашагал к замку. Асгерд, проводив его взглядом, скорбно вздохнула:

— Давненько не видела нашего отца-командира в эдаком легкомысленном расположении духа. Не к добру это, попомните мои слова.

— Разве? — вздернул брови Конан. — Человек нашел разгадку тайны ронинского упыря, вот и радуется!

— Гвай веселится так непринужденно, только когда задумает некую особенно изощренную гадость, — сказал Эйнар. — Не завидую бруксе. Зубастая тварь проняла Гвайнарда до самых печенок, бросила ему вызов, чего делать совершенно не следовало! Теперь он жаждет оправдать свое прозвище — Один Удар. Остается этот удар тщательно подготовить. Спорю на свою награду за нынешний поход — к ночи все будет кончено.

— Сглазить не боишься, пустомеля? — оборвала оптимистично настроенного броллайхэн нордхеймская воительница. — Дело будет непростое. Предпочитаю держаться в стороне от черной магии — обычных чудовищ не боюсь, но вот колдовство мне не по нутру. Думаешь, брукса сама кинется в наши объятия? Имею повод в том сомневаться. Кроме того, подобное исцеляется подобным — против черного колдовства надо использовать такое же колдовство. А никто из нас магией Бездны не владеет.

— Хоть Тот-Амона нанимай, — кивнул варвар. — Настоящий знаток. Говорят, с самим Сетом Змееногом знается.

У киммерийца были свои догадки насчет бруксы, но Конан предпочел оставить их при себе. Чересчур невероятной казалась мысль. Хотя, всякое бывает — мир, как неоднократно замечалось, многогранен и сложен. Но каким, интересно, образом Гвай собирается уничтожить одержимую демоном упырицу?

Асгерд верно заметила — самым действенным оружием против черной магии является именно черная магия! А в окружающей реальности пока не видать ни подходящего колдуна, ни знакомого демона, которого можно было бы дружески попросить о помощи.

Рэльгонн и Эйнар не в счет. Дух природы и каттакан используют волшебство, близкое к магии Равновесия — оно не черное и не белое. Защитить соратников эти двое сумеют неплохо, однако уничтожить носителя моши Черной Бездны для Эйнара и рудненского упыря будет крайне тяжело, почти невозможно.

Отговорившись скучой и желанием развеяться, Конан щелкнул пряжкой перевязи меча (ходить без оружия в пределах Ронина варвар зарекся после ночной встречи с Триголовом) и отправился на прогулку.

Поселок жил своей немудрящей жизнью — шумел маленький рынок, лавки бочаров, ткачей и шорников открыты, местные с почтением раскланиваются с Ночным стражем: весть о том, что упырю наконец-то снесли башку, расползлась по Ронину с невероятной быстротой.

Конан заглянул в караулку, стоявшую около ворот деревни — потертые дружинники вельможного эрла вовсю обсуждали недавние события и сразу набросились на киммерийца с вопросами.

Где жил упырь, как выглядел, как его убили, не покусал ли кого из Стражей?.. Варвар рассказал, что мог, пытаясь не раскрывать маленьких тайн ремесла.

— А у нас сплошные бедствия, — пожалобился Конану молодой десятник. — Дружинных по ночам стоять на воротах никакими зуботычинами не заставишь — псину ихней светлости до дрожи в коленях пугаются. Старые люди говорят, будто Триголов в

прежние лета только по трясинам бегал, к людскому жилью не подходил. Теперь, гад, каждую ночь по деревне шастает, будто тянет его сюда что-то! Видел тут его намедни — зубастый, страсть!

— Пес простых людей не трогает, — напомнил Конан. — Он, видать, вельможным эрлом закусить хочет.

— Откуда знать, что у демона на уме? — философски заметил десятник. — Сегодня не тронул, а завтра проголодается и так тронет, что потом костей не найдешь, на жальник отнести. Скверные дела, господин охотник.

Конан призадумался. Действительно, странно — проклятие Ронинов почти два века разгуливало на болотах, а теперь вдруг решило поближе познакомиться с жизнью подданных эрла Алаша! Откуда такое неестественное любопытство?

— Давно псины в деревню зачастила? — спросил киммериец.

— Как весна кончилась. Что ни вечер — люди ставни и двери наглухо запирают. Правда, Триголов в упрыгих повадках не замечен, что демону похвально. В дома не ломится, скотину не портит. Просто бегает по улицам, да на замок вельможного глазеет. А наверх забраться никак, — такое чудище никак непозволительно. Если зверюга господина Алаша под открытым небом поймает — тут светлейшему, конечно же, каюк... Под крышу псины не залазит, нельзя.

Варвар выделил в сбивчивой речи десятника ключевые слова: фамильное проклятие эрла постоянно приходит в деревню с конца весны. Надо думать, учуяло конкурента — внезапно объявившуюся в Ронине постороннюю нечисть. Это снова подтвердило смутные подозрения, вертевшиеся в голове киммерийца. Так, интересно...

Договорить не позволили. В караулку вломился дружиный в ржавом шишаке и обтрепанной стеганке, попросил у десятника дозволения обратиться к Ночному стражу, и протянул Конану сложенный вчетверо пергаментный лист.

— Передать приказано, сударь!

— Кем приказано? — киммериец взял депешу и внезапно ощутил, как пальцы кольнуло холодом.

— Так, девка одна... Приезжая, не наша. Сказала господам охотникам вручить.

— Девка?! — Конана подбросило. — Где она? Какова из себя?

— Сказал же, приезжая. Раньше не видел. Ушла давно. Я ее возле рынка встретил. За услугу целый аурей дала!

Дружиный произнес последние слова с надеждой, что и Дербник тоже расщедрится на награду.

Конан развернул пергамент и присвистнул. Ничего не скажешь, одержимая упрышица является большой любительницей шутовских эффектов. Никакого чувства вкуса!

Огромными буквами, свежей кровью, на листе было выведено единственное слово: «Убирайтесь».

* * *

— Быстроенько всем помыться, почиститься, надеть чистые рубахи! Асгерд, переоденься

в платье, иначе жрецы тебя не поймут — женщина в штанах нарушает исконное отеческое благочиние!

Асгерд и Эйнар непонимающе переглянулись, Конан закашлялся и едва не облился пивом. Похоже, Гвай слегка перетрудился. С чего вдруг предводитель затеял никчемный маскарад? И зачем Ночной страже понадобились какие-то жрецы?

— Вельможный сегодня женится, — выдал Гвайнард очередную поразительную новость. — Принял решение сразу после беседы со мной. Не исключено, что Алаш Ронин грядущую ночь не переживет, и мне пришлось настоять, чтобы эрл оставил наследницу. Невеста, графиня Ольборг, удивилась такому невообразимому нарушению древних обычаев, но согласилась — ничего не поделаешь, все повергнуты в трепет выходками бруксы! Церемония назначена на седьмой полуденный колокол. Нас пригласили в качестве гостей и охраны одновременно. Митрианская часовня находится под самой скалой, на окраине деревни. Конан, побрейся, а то зарос до самых глаз!

— Мне кажется, — очень осторожно проговорила Асгерд, — что устраивать личную жизнь светлейшего несколько не ко времени. Других забот полон рот. Надо упырицу искать, благо нас она уже нашла!

Девушка указала на валявшуюся перед ней депешу. Гвай взял лист, прочитал, и бросил обратно.

— Пугает... Значит, сама боится! Откуда письмо?

Конан рассказал. Якобы, девицу в турецком облачении дружинник видел около рынка. Не задержал, конечно.

— Попробуй, задержи такую... — фыркнула Асгерд. — От листика, между прочим, магией попахивает. Берешь в руку, становится холодно.

— Ну, с такой магией мы справимся запросто, — Гвай забрал пергамент, скомкал и швырнул в открытый очаг. — Видите, ничего особ... Проклятье!..

Вначале листик зарделся язычками зеленого пламени, а потом началось нечто невообразимое. Круглый, выложенный бульжниками очаг, разнесло в мелкую и крупную пыль — свистнули каменные осколки, вспыхнувший розовый огненный шар расплескал вокруг тысячи искр. Тугая волна горячего воздуха опрокинула стол, за которым устроились охотники — это спасло жизнь всей честной компании: толстые доски столешницы приняли на себя удар раскаленного камня и углей.

К потолку поднялся столб ярко-желтого пламени, вспыхнула солома на полу. Хозяина «Свиньи и котла» убило на месте вкупе с двумя служками. Еще десяток посетителей оказались ранены, те, кто пострадал меньше других, в панике бросились к выходу.

В свою бытность королевским корсаром Зингары, Конан несколько раз горел на корабле и отлично знал, что с места пожара надо как можно быстрее уносить ноги, иначе погибнешь. Ревущее пламя очень быстро отделило Ночных стражей от двери, и варвар, не долго думая, высадил деревянной скамейкой раму узкого окна. Первой в проем отправили Асгерд, потом кубарем вывалился Эйнар, за ним — Гвай. Киммериец, уже начиная задыхаться, едва протиснулся в окно и отбежал подальше. Постоялый двор вовсю полыхал.

— Лошадей из конюшни вывести! — рявкнул Гвайнард. — Конан, за мной! Вытащим вещи с сеновала! Боги, мы же всю деревню спалим! Никогда себе этого не прошу!

Варвар тоже был уверен, что Ронину пришел вполне закономерный карачун — длинное здание «Свиньи и котла» построено в самой середине поселка, примыкает к близлежащим дворам, искры начнут падать на высущенные солнцем соломенные крыши деревянных домов,

которые незамедлительно вспыхнут... К вечеру деревня превратится в огромное пепелище. Воды здесь маловато, рядом нет речки или озера, придется использовать колодцы, которые отнюдь не являются неисчерпаемыми. Удружила брукса, ничего не скажешь! И Гвай хорош — не догадался, что письмо может быть с подковыркой!

Конан, тащивший мешки со скарбом Ночных стражей, едва не разорался в голос, увидев бездельничавшего Эйнара. Броллайхэн, предоставив Асгерд заботу о лошадях, (стены конюшни уже начинали тлеть, а сама таверна превратилась в гигантский факел) попросту стоял посреди двора, не обращая внимания на жар и жгучие искры. Задрал голову к небу, губы шевелятся, будто молитву читает.

— Чего остановился? — взвыл Конан, но Эйнар в сторону киммерийца и не посмотрел. Варвар сплюнул, и поволок вещи на улицу. К постоялому двору уже сбегались жители Ронина, помогать в тушении пожара.

Солнечный свет померк — киммериец был уверен, что светило заслоняет столб дыма, поднимающийся от пожарища. И только когда за шиворот попали крупные холодные капли, Конан взглянул наверх.

— Невероятно... — выдавил Конан. — Гвай, что это такое?

— Дождь, — коротко ответил запыхавшийся Гвайнард. — Работа Эйнара. Духи природы способны наводить бурю, разгонять облака и все такое прочее... Магия броллайхэн. Очень нужное умение! Особенно сегодня.

Черно-серая пухлая туча образовалась внезапно, из редких белоснежных облачков. Воздух распорола слепящая молния, ударив во флагшток, красовавшийся над замком эрлов; громыхнуло так, что Конан с трудом устоял на ногах. Варвару нравились грозы — было в этом явлении нечто величественное и прекрасное, но сейчас гроза, обычно продолжающаяся довольно долго, будто спрессовалась в краткое время, уложив проблески сотен молний и жутчайший ливень, более походивший на водопад.

Сплошная стена дождевых капель. Глинистый проезд, ведущий к воротам Ронина, обратился в вязкое болото. Водяные струи больно ударяли по плечам и голове — Конану пришлось закрыть лицо ладонью. От слитного рева дождя и грома закладывало уши. Сильно воняло гарью, но запах постепенно исчезал — дым уносило холодным ветром.

Буря прекратилась столь же неожиданно, как и началась. Небо прояснилось, выглянуло солнце, а несколько десятков сбежавшихся к таверне ронинцев и маленький отряд Ночных стражей оказались перед грудой обгоревших, дымящихся бревен. Эйнар, увы, опоздал — единственный постоялый двор поселения Ронин сгорел дотла, хотя большая часть хозяйственных пристроек уцелела. Надрывно мычали коровы, почувствовавшие беду — их не успели вывести из хлева.

Конан провел ладонью по мокрым волосам. Сказал, дернув Гвайнарда, за насквозь пропитанный водой рукав рубахи:

— Вот и помылись. Ты, кажется, хотел, чтобы мы прибыли на свадьбу вельможного эрла чистенькими? Даешь время хорошенко побриться?

— Ты неисправим, — Гвай попытался вытереть ладонью лицо. — А насчет бороду сбрить?.. Попозже. Не исключено, что сейчас нас побьют. Ногами, в лицо, и, не снимая, сапог. Видишь того парня? У которого одежда в крови? Даю руку на отсечение, упырица приготовила нам сюрприз!..

— ...Сами подумайте, какой упырь вылезет из укрытия посреди ясного дня? Поглядите на небо! Это солнце или луна?

— Ты, парень, людям зубы не заговаривай! Сам сходи и погляди! Чуда на наших глазах двоих мужиков зажрала, четверых поранила! Кто хвалился, будто упыря завалил? Теперь наново убивай кровопищу! Иначе из Ронина не отпустим, пока вас всех тварь не слопает!

— Верно! Правильно говоришь! А еще лучше, взять всех четверых, да возле болот на ночь к столбам привязать — если не упырь, так хоть Триголов полакомится! Расплодили нечисти, шагу ступить нельзя!

— Оказывается, мы еще и виноваты, — презрительно, но довольно тихо, бросила Асгерд, наблюдая, как Гвай безуспешно пытается утихомирить взбудораженную толпу.

Конан втихомолку примерялся к мечу — знал, что с оправой перепуганных людей шутки плохи. Разумность агрессивно настроенного человеческого собрания в десять раз ниже разумности самого глупого человека из толпы. Если они бросятся на Стражей или возмутятся за камни и колья, охотников сомнут и растерзают. Такой смерти киммериец не желал ни для себя, ни для друзей. Противно! И ничуть не по геройски.

Кроме внезапного пожара в «Свинье и котле», погубившего минимум троих человек, упырица осчастливила жителей Ронина личным визитом на рыночную площадь, где ее уже видели в середине дня. Во время тихой паники, вызванной пожаром и колдовской грозой, тварь, ничуть не стесняясь, разорвала глотки двум торговцам меховой рухлядью и достала когтями еще нескольких мирных обывателей — кого ранила легко, кого потяжелее.

Невообразимая наглость. Гвай потерял дар речи, услышав, каким способом демон показал, кто теперь в Ронине хозяин! Если так будет продолжаться, то вскоре упырь начнет гоняться за людьми по улицам, а кровавые пиршества учинять пряником в храме Митры...

Человеческая ярость вылилась, как это всегда и бывает, на тех, кто искренне хотел помочь. Охотников незамедлительно обвинили во всех бедах: упырь, трехглавый пес, пожар, прошлогодний недород, холодная зима и мертвый теленок, родившийся намедни у любимой коровы деревенского старейшины, несомненно, были делом рук злокозненных Ночных стражей. Рассуждая здраво, получалось, что Гвайнард сотоварищи хуже любого упыря, а коли так — повесить на воротах!

Толпа распалялась все больше и больше. Ясно, что к вечеру ронинцы одумаются, начнут лить горькие слезы и совершенно искренне жалеть о сделанном, побегут с повинной к вельможному эрлу, а сам эрл для острастки вздернет парочку буйнов, учинивших самосуд... Только Конану и компании светлейший уже ничем не поможет. Такой оборот дел никого из отряда не устраивал.

Когда над головой свистнул первый камень, варвар понял, что пора немедленно отступать. Скорее добраться до лошадей, а там как судьба и удача повернутся!..

Алаш Ронин успел вовремя. Тридцать конных кольчужников с арбалетами не столь великая сила, как может показаться на первый взгляд, но никому из подданных эрла не хотелось первым отведать самострельного болта, это больно и обидно. Тут и до смертоубийства недалеко, а власть — есть власть! Когда три десятка дружинных встали перед толпой полукольцом и натянули тетивы арбалетов, ронинцы слегка утихомирились.

— Бунта не допущу! — оказывается, молодой худосочный эрл мог изобразить голосом громовые раскаты, не хуже любого короля, распекающего нерадивых придворных. — А ну, всем разойтись! Быстр-ра!

Не послушались. Слишком горячи были головы. Кто-то бездумно запустил булыжиной в самого Алаша, камень попал в лошадь находившегося рядом дружины, а незадачливый кмет сразу оказался нашпигован стрелами, ровно еж иголками. Не попавшие в цель снаряды ранили нескольких человек. Толпа попятилась.

— Быстро разойтись! — вновь проорал вельможный. — Сотник! Зачинщиков бунта — повесить! Немедля!

Тут и началось повальное бегство. Простецы отлично знали, что все потомки семейства ронинских эрлов круты на руку — сначала вздернут, потом будут разбираться. Улица опустела в один момент.

— Ради кого стараемся? — Эйнар утер влажным рукавом пот со лба. — Ради тех грязных ублюдков? А, Гвай?

— Во вторую очередь ради них, — ответил командир. — А в первую — для собственного удовольствия.

— Не вижу никакого удовольствия в мокрых от страха штанах...

— Вижу, вы повздорили с моими подданными? — усмехнулся эрл и спрыгнул с седла. — Ничего, бывает. Народ у нас отходчивый. Пошумят — покричат, а назавтра пивом будут поить. А если серьезно, то благодарите моего каштеляна, месьора Алистера — первым углядел пожар и сразу отправил вниз дружины, порядок поддерживать. Я только ради интереса поехал. И надо же, прямиком на мятеж нарвался. Сроду ничего подобного в Ронине не случалось, хотя княжеству скоро пять столетий исполнится! «Свинью и котел» жалко... Придется за свои деньги обратно выстраивать — никак нельзя, чтоб деревня без таверны осталась, и не такой бунт получим. Поедемте, господа охотники, на Нижний двор, там поживете до времени.

«Нижним двором» здесь именовали два десятка построек, притулившихся под скалой — конюшни, казармы дружины, кузня, склады и прочее. В замке, ютившемся на крохотном пятаке плоской вершины скального выхода, разместить эти необходимые службы было невозможно. Посему, предки светлейшего эрла благоразумно обнесли тыном отвоеванный у леса и болота участок земли, устроив там нечто вроде аквилонского военного лагеря. С учетом недоброжелательных настроений обитателей Ронина, Нижний двор теперь был наиболее безопасным пристанищем для Ночных стражей.

— Прежние приказы не отменяются, — беззаботно сказал Гвай, когда отряд расположился в просторной чистой комнате управы каштеляна. — На кого вы похожи, други? Смотреть жутко!

— Жутко — так не смотри, — Астгерд копалась в своем мешке в поисках серебряного зеркала. Нашла, глянула, и сама рассмеялась: — Помыться, безусловно, следует. Ни дать, ни взять, четверка демонов — немудрено, что местные окрысились!

Конан не спорил — все четверо покрыты сажей с ног до головы, осевший на волосы пепел сперва намок, потом высох, обратившись неприглядными колтунами. Гваю хорошо, он стриженый, а как прикажете Астгерд разбираться со своими длинными волосами?

— Баня натоплена, вода согрета! — в дверь сунулся мальчишка из кашеляновой обслуги. — А для госпожи отдельную бочку в портомойне поставили... Еще чего прикажете, господа?

— Катись, — Конан благодушно отмахнулся. — Одна беда, после ливня торба с вещами насквозь промокла. Эйнар, ты разве не мог направить дождь только на дом? Обязательно было всю округу в трясину превращать?

— В следующий раз попробуй грозу вызвать самолично, без броллайхэн, — устало огрызнулся Эйнар. — Не-ет, это гнусное захолустье я на всю жизнь запомню! Сначала пытаются сожрать, потом сжечь, и для полного счастья едва не размазывают валунами! Гвай, если к завтрашнему утру мы не закончим дело с ронинским упырем, я с вами рас прощаюсь. Уеду в Офир или Аргос, стану добропорядочным ростовщиком...

— С тобой меньше всего вяжется слово «добропорядочный», — хмыкнул Гвайнард. — А насчет упыря... Ночку придется поработать. Обещаю, с рассветом наша хлопотливая упырица навсегда исчезнет из здешнего мира. Подробности услышите после женитьбы вельможного.

— И что ему вдруг приспичило? — озадачился Конан. — Ведь еще три седмицы ждать хотели! Неужели так невтерпеж? Или боится оставить владения без наследной хозяйки?

— Боится, очень боится, — серьезно ответил Гвай. — Поэтому и решился. Если Алаш вдруг погибнет, Ронин перейдет к двоюродному дядюшке, месьору Алистеру из Бехова, прервется старшая ветвь семьи.

— Ничего страшного я лично в этом не вижу, — заметила Асгерд. — Каэтелян не восходит по прямой линии к пррападеду эрла и не несет на себе знаменитого проклятия Ронинов. Следовательно, Триголову больше не о чем будет беспокоиться, псина сможет благополучно вернуться в Черную Бездну с сознанием честно выполненного долга.

Семья Ронинов истреблена, престол княжества занял родственник матери Алаша, никак с проклятием не связанный. Завидую старишке — получит недурственное наследство, а потом...

Асгерд осеклась на полуслове. Подняла испытующий взгляд на Гвайнарда.

— А я ведь догадалась... Сама, без подсказок. Все дело в наследстве? Месьор Алистер каким-то образом устроил кутерьму с вампиrom, чтобы под шумок скинуть младшего родственника с трона эрлов Ронина? И загрести огромное состояние? Но как? Как ему удалось подчинить бруксу? Откуда он ее взял?

— Учи, я тебе ничего не говорил, — загадочно улыбнулся Гвай. — Объяснения отложим до вечера. Пошли купаться!

* * *

Церемония оказалась скромной до неприличия. Молодая красавица —графиня, Лара из Ольборга, казалась несколько подавленной — никак не ожидала, что столь важный момент ее жизни будет обставлен с нарушением всех мыслимых традиций.

По древним уложениям митрианского культа, свадьбы назначаются на раннее утро, перед восходом, чтобы сочетающаяся навек пара встретила новорожденное солнце — Лучезарный благословляет новую семью первыми лучами. Вечерняя свадьба, наоборот, дозволяется только в самых крайних случаях: плохая примета, уходящее светило теряет божественную силу.

Но и этого мало. В пышной Немедии дворянские свадьбы обставляются со всей возможной торжественностью, прибывает множество гостей, десятки близких и дальних родственников, герцоги, а иногда и принцы крови! Празднства делятся несколько дней, а то и седмиц — охоты, балы, светские приемы, кхитайский фейерверк...

Наверное, графиня Лара сейчас горько жалела, что польстилась на несметные богатства Ронинов. Мало того, что после церемонии она, как законная супруга эрла Алаша, станет носительницей древнего проклятия, так еще и придется заживо похоронить себя в глуши Полуночной Британии, где нечисти больше, чем людей. Но если уж решилась — иди до конца. Возможно, получится уговорить мужа уехать из владения в Пайрогию и жить в столице, подальше от кошмарного Триголова, вампиров и немытых кметов.

Конан счел, что невеста держится вполне достойно — бледна, однако невозмутима. И плевать ей на то, что среди гостей церемонии только двое благородных: госпожа Реллина, уважаемая немедийская вдова, да седой родственник Алаша, месьор Алистер. Все прочие — мужичье. Ну и пусть! Завтра она покажет, кто в Ронине хозяйка!

Асгерд, по настоятельной просьбе Гвайнарда облачившаяся в длинное зеленое платье с бисерной вышивкой не сводила глаз с каштеляна. Алистер вел себя куда беспокойнее графини — кусал губы, нервно сжимал кулаки и бросал по сторонам настороженные взгляды. Еще бы, такой огромный куш уплывает из рук! Теперь он может рассчитывать на наследство лишь в случае гибели обоих супругов. А если Гвайнард с отрядом уничтожат его главное оружие, бруксу, вампира —мага, придется изыскивать новый способ расправы... Асгерд решила, что если дойдет до драки, она зарубит старого интригана своей рукой!

Но когда Гвай начнет облаву на упырицу? Он доселе не решился рассказать подробности запланированной авантюры. Ждет чего-то. Асгерд тоже была терпелива, однако терпение постепенно иссякало.

Старенький бородатый жрец в раззолоченной хламиде вел церемонию, читал выдержки из благочестивых трактатов святого Эпимитриуса, когда было необходимо, цыкал на трех храмовых служек, обязанных распевать моления к Солнцезарному. Конан вместе с Асгерд стояли, как и приказал Гвай, у входа в храм, небольшая свита эрла (десятиники дружины да четверо уважаемых купцов) сгрудились вокруг алтаря, сам Гвайнард и Эйнар заняли место позади молодых.

— ...Во имя Митры, всемилостивейшего, добрейшего и незримого! — наконец провозгласил жрец дребезжащим тонким голосом. — Сим, при свидетелях и гостях, объявляю, что вельможный эрл Алаш Ронин и Лара, урожденная графиня Ольборг из Немедии, с этого момента, перед богами, людьми и законом королевства Бритуйского, считаются мужем и женой до окончания жизненного круга!

Алаш быстро поцеловал супругу, светлейшую госпожу Ронин, поклонился жрецу и подал жене руку. По традиции новобрачные обязаны покинуть храм последними, бросив в чашу с Неугасимым пламенем по горсточке золотого песка. Все прочие тихо направились к выходу.

«Сейчас что-то произойдет, — подумал Конан, привыкший доверять интуиции. — Должно...»

Асгерд, судя по сосредоточенному лицу, тоже подозревала, что без неприятностей не обойдется. Когда порог храма миновал престарелый и бледный как полотно месьор Алистер, она тенью скользнула за каштеляном.

Десятиники дружины выстроились на широком крыльце. Алистер и толстая госпожа Реллина остановились здесь же, дожидаясь вельможных супругов. Эйнар и Гвай замерли у

дверей, исполняя роль телохранителей.

Заходящее солнце окрасило деревянный храм в розово-оранжевый цвет живого огня.

Алаш и Лара церемонно вышли на крыльцо.

Гвайнард быстро шагнул вперед. Громкий металлический щелчок. Тонкие пальчики немедийской графини оказались скованы изящными серебряными кандалами — полоска благородного металла с выемками для пальцев и хитрым замочком. Эйнар мгновенным движением набросил на голову жены светлейшего эрла черный мешок. Рванувшаяся к воспитаннице госпожа Реллина, была оглушена месьором Алистером. Каштелян ударил ей по затылку припрятанной в рукаве короткой свинцовой дубинкой.

— Вот и все, — раздался бодрый голос Гвайнарда. — Обошлись без кровопролития. Конан, не стой столбом, помоги!

Глава шестая

на которой заканчивается история с ронинским упырем, однако, Ночные стражи не остаются без дела...

— Так, Гвай, или ты расскажешь, каким образом устроил заговор против бруксы, или мы тебе не друзья! — Сие категорическое заявление Асгерд прозвучало в резиденции ронинского каштеляна, месьора Алистера из Бохова, жившего не в замке, а в большом удобном доме, построенном на Нижнем дворе. Все заинтересованные стороны должны были вскоре собраться здесь, дабы окончательно решить судьбу графини Ольборг. В данный момент, просторный кабинет каштеляна единолично захватили Ночные стражи, дожидавшиеся прибытия светлейшего эрла Ронина, его ближних и упыря из Рудны, сыгравшего исключительно важную роль в этом сложном деле.

...Неожиданная развязка привела большинство гостей свадебной церемонии в состояние молчаливого изумления, граничащего с душевным потрясением. Только Гвай, Эйнар, да посвященные в заговор господин Алистер вкупе с полудюжиной особо доверенных десятников дружины, остались невозмутимы.

Когда и как Гвайнард сообщил Эйнару, что предметом охоты является невеста вельможного, никто не знал, а сам броллайхэн заявил, что ему было приказано только лишь следить за действиями командира отряда и обездвижить человека, на которого Гвай наденет серебряные кандалы, схватывающие пальцы. Он, мол, сам не ожидал, что бруксой окажется молодая графиня, он только выполнял приказ!

Разумеется, Эйнару никто не поверил. Лжет безо всякого стеснения!

Панически-испуганная кутерьма, последовавшая за свадьбой Алаша Ронина, подлежит отдельному описанию. Более всего поразились уважаемые седобородые купцы и двое старейшин, приглашенных на церемонию в качестве свидетелей. Как такое могло случиться?! Невесту (жену!) вельможного заключают в оковы немедля по выходу из храма, потом месьоры охотники опутывают немедийскую графиню и полонравную владетельницу княжества тонким шнуром с вплетением серебряных нитей и волокут в подвал каштелянова дома! Ужас!

Надо отдать должное эрлу, не спасовал перед трудностями. Вельможный, оберегаемый вдвое большим против обычного числом телохранителей, немедля пригласил гостей для объяснений. До сих пор объясняется, хотя минуло полтора колокола и начало темнеть.

А вот прелестная Лара Ольборг (вернее, уже Лара Ронин...) отдыхает в глубоком подполе, пряником под ногами Дербников, отмечающих за кружечкой брусничной настойки, победу над упырицей.

Однако, как и почему состоялась эта победа? Получить ответ на данный вопрос желали все: Конан Канах, Асгерд их Нордхейма и Эйнар-броллайхэн, который тоже не был посвящен в детали этой истории — справедливости ради надо сказать, что Эйнар действительно исполнял приказ и сам крайне удивился, опознав в супруге эрла кровожадную бруксу...

— Дорогие мои, вам надо было немного подумать, сопоставить некоторые факты и самостоятельно найти верный ответ, — посмеивался Гвай, прикладываясь к кружке с

пахнущей лесом и солнцем настойкой. — Ничего сложного! Конан, помнишь, я говорил, что работа Ночной стражи лишь на одну десятую часть состоит из банального мечемахания? Остальное время мы тратим на работу мысли. Давай, подумаем вместе. Когда начались нападения упыря?

— В последние дни весны, — уверен ответил киммериец. — И дальше что?

— Ронин почти не посещается чужеземцами, очень уж далеко от цивилизованных мест. До ближайшего крупного города — замок Райдорских герцогов мы в расчет не берем! — не меньше ста пятидесяти лиг. Шесть-семь конных переходов. Местные предпочитают возить меха, древесину, мед и прочие товары в Райдор или Чарнину, чтобы там продать. Сюда купцы не приезжают вообще или приезжают очень редко. Обычные путешественники, желающие развлечься и посмотреть новые земли? Тоже не подходит. Никто в ронинскую глушь не поедет, скучно. А мы, третьего дня, выяснили, что вампир-маг наверняка приезжий. Остается лишь найти человека, который появился в Ронине совсем недавно. Ответ напрашивается сам собой. Графиня Ольборг прибыла в Ронин, к жениху, в третью весеннюю луну.

— Это не доказательство, — перебила внимательно слушавшая Асгерд. — Мы здесь тоже недавно, всего несколько дней. Представим, что сначала ронинцев тиранил дикий каттакан, а затем, по нашему появлению, Конан, я или Эйнар выгнали соперника и сами принялись высасывать кровушку из подданных светлейшего. Кто тебе сказал, что Конан не вампир?

— Конан — мужчина, причем весьма приметный, — Гвай развел руки, словно пытался показать, что киммериец выглядит по сравнению с другими людьми более высокорослым и широкоплечим. — Вдобавок, киммериец постоянно был у нас на виду... Забудем эту чепуху и рассудим здраво: кто из ронинских женщин будет ради маскировки носить туранское платье с чадрой, закрывающее лицо? Не ошибусь, если скажу, что жены и дочери здешних кметов даже не подозревают о существовании государства под названием Туран. И уж точно не станут наряжаться в противовес традициям Полуночной Бритунии. Следовательно, брукса знает обычай подданных императора Илдиза — это должна быть женщина, выросшая в цивилизованных краях, где любой чужеземец не воспринимается в качестве чего-то особенно экзотичного. Поняли?

— Согласна, — кивнула Асгерд. — И все равно ты меня не убедил. Для того, чтобы уговорить Алаша Ронина на захват его супруги прямиком на пороге храма Митры, требовались очень веские подтверждения виновности немедийки. Откуда ты их добыл?

— Их добыл я! Надеюсь, мои заслуги оценят по достоинству. Здравствуйте.

В углу кабинета месьора Алистера возникла знакомая тень. Солнце зашло, а значит, наступило время каттаканов. В гости пришел Рэльгонн — ученый муж, верный сподвижник Дербников, хранитель земель Полуночи и зубастый рудненский упырь.

— Привет! Выпьешь? — Конан, успевший привыкнуть к неожиданным визитам каттакана, потянулся к кувшину. — А мы бруксу поймали!

— Осведомлен. Я пристально наблюдал за недавними событиями из Рудны и очень за вас порадовался.

Рэльгонн добавил в крепкую настойку воды и уселся рядышком, не сбросив, однако, капюшон — могли войти другие люди и поднять панику. Явление нового упыря поданные светлейшего не перенесут.

Отхлебнув из кружки, каттакан рассмеялся.

— Как выразился один старинный аквилонский поэт, «бурлит вино и реет флаг

войны»... Война окончена, господа. Осталось нанести окончательные штрихи и тогда мы сможем перевести дух.

Гвайнард, твои друзья требуют объяснений? Это справедливо. Ты умеешь быстро соображать, вовремя действовать и подыскивать нужных союзников, а вот растолковать ход собственных мыслей у тебя получается плохо. Разреши, я сам расскажу?

— Разрешаю, — смилиостивился Гвай. — Ты знаешь о бруксе не меньше моего.

— Немного больше, — без ложной скромности ответил Рэльгонн. — Итак, первые догадки у нашего уважаемого месьора Гвайнарда появились сразу после прибытия на Журавлинный хутор. Обстоятельства гибели двоих поденщиков со всей ясностью говорили: в смерти людей дикий каттакан не виновен. Тогда кто? Зададимся вопросом: какая разновидность демонических вампиров способна нападать днем? Верно, брукса или похожий на нее кяур.

— Кметы запросто подпустили к себе упырицу, не пытались бежать и не оказали сопротивления, — перебил каттакана Эйнар. — Значит, она выглядела человеком.

— И с виду не представляла никакой угрозы, — кивнул Рэльгонн. — Чтобы догадаться о сущности убийцы много ума не нужно. Вчера, когда мы уничтожили моего околдованных сородича, появились новые доказательства — брукса весьма неосторожно попалась на глаза Эйнару и совсем уж опрометчиво позволила ему увидеть портал. Гвайнард, таким образом, получил еще несколько косвенных доказательств. Оставалось их проверить, о чем меня и попросил ваш отец-командир прошлой ночью. Впрочем, об этом позже...

— Про косвенные доказательства можно подробнее? — потребовала Асгерд. — До последнего момента я подозревала месьора Алистера, управителя и возможного наследника Ронина.

— Нет ничего проще, — каттакан положил руки на стол и соединил кончики длинных пальцев. — Загадка не оригинальная. Изначально известно, что бруксой является женщина, а не мужчина. Понятно, что она совсем недавно приехала в Ронин, знакома с удобной модой стран Восхода, позволяющей скрывать лицо, и живет в каменном здании. Эйнар, ты же видел в кольце портала каменную кладку, верно? Спросим у себя: где находится ближайшее строение из камня? Учтем, что простецы возводят только деревянные жилища — это удобнее, теплее и дешевле.

— Замок вельможного эрла! — воскликнул Конан. — Крепость построена из серого гранита! Я так и знал!

— Знал, но не сказал, — проворчал каттакан. — А Гвай немедленно поделился со мной своими соображениями. Он понимал, что если подозрения необоснованы, то на ваши головы низвергнется гнев светлейшего, и решил не посвящать вас в подробности...

«Ошибка будет стоить слишком дорого каждому из нас» — вновь возникла в голове киммерийца случайная оговорка Гвайнарда. — Оно и понятно: Алаш, пусть и выглядит совершеннейшим сопляком, за эдакое покушение на честь возлюбленной, снес бы нам головы без единой слезинки! Ничего себе, обвинить благородную девицу, графскую дочку, в демоническом одержимстве и пристрастии к человеческой крови!»

— Были и другие подозрительные моменты, — продолжал Рэльгонн. — Юная графиня прибыла в Ронин только в сопровождении воспитательницы, госпожи Реллины. Не хватило денег на приличную свиту, слуг-камеристок — горничных? Сомневаюсь. Однако, если полагать Лару из Ольборга бруксой, это объяснимо — старая карга, вероятнее всего, знает о необычных увлечениях подопечной. И по возможности оберегает воспитанницу от

неприятностей. Действовать без верной сообщницы бруксе довольно трудно.

— Надо будет хорошенько допросить старуху, — заметил варвар.

— Этим занимается эрл, — сказал Гвай. — Когда Алаш придет сюда, узнаем результаты. Говори дальше Рэльгонн, не стесняйся.

Упырь снова приложился к кружке, неприятно стукнувшей по его великолепным зубам, и сверкнул глазами из-под капюшона.

— Как вы знаете, представители моей расы могут перемещаться на большие расстояния без всяких порталов и другого мудреного волшебства — умение заложено изначально. Я согласился выполнить оба поручения месьора Гвайнарда — втихомолку обследовать замок Ронин от подвалов до чердака, а заодно слетать в Немедию, в графство Ольборг. Дело заняло большую часть прошлой ночи, но результаты того стоили.

— Небось, в замке оказалось пострашней, чем в логове каттакана —дикаря?. — проворчал Конан, доселе находившийся под впечатлением от смрадной упыриной берлоги.

— Ничуть. Очаровательная Лара хоть и упырица, но отнюдь не дура. Понимала, что на глазах жениха ей следует быть внимательной и осторожной. Я появился в замке, отвел глаза охране, чтобы не подняли крик, и прогулялся по личным покоям графини. Сама Лара отсутствовала, наверное, отправилась на охоту, а госпожу Реллину пришлось ненадолго усыпить мысленным внушением. Разумеется, ничего ужасного я не обнаружил — комнаты немедийки отнюдь не походили на сказочные склепы упырей. Спит она в кровати, а не в гробу, в обычное время кушает вполне человеческую пищу и читает занимательные трактаты древних мудрецов... Человек как человек. Однако, настойчиво покопавшись, я нашел тайник, в котором хранились крайне любопытные предметы, принадлежащие не самой Ларе Ольборг, а ее старой попечительнице. Говорят, будто читать чужую переписку предосудительно, но в данном случае я оправдываюсь острой необходимостью. Я нашел полтора десятка писем и несколько магических предметов, способных защитить человека от нечистой силы — изумруд с пузырьком воздуха внутри, высущенные цветы золотого лотоса, серебряные обереги...

— Госпожа Реллина сама боялась подопечной? — спросила Асгерд.

— Скорее наоборот, — горько вздохнул Рэльгонн. — Пыталась ей помочь. Хотела спасти. Изумруд на серебряной цепочке носят люди, исцеленные от одержимости — камень не подпускает к человеку демона, который однажды может вернуться. А запах золотого лотоса отпугивает обитателей Черной Бездны. Не это главное — наиболее интересной была переписка!

— И кому же писала Реллина? — поинтересовался Эйнар.

— Признаться, сперва я глазам своим не поверил. В шкатулке хранились депеши от самых знаменитых иуважаемых магов Хайбории! От Пелиаса, Тсота-Ланти, Менхотепа, от гиперборейской колдуны Лоухи, Тот-Амона, Озимандии из Темры... И практически каждое письмо повторяет предыдущее: извините, помочь ничем не можем, это не в наших силах, — случай бесспорно, интересный, но безнадежный... Лишь Тот-Амон ответил, что можно попробовать, однако за успех он не ручается! Это были ответы на отчаянные призывы о помощи, которые старуха рассыпала по всем странам Заката!

— Таким образом, Рэльгонн получил в доказательство документы, которые можно положить на стол Алашу Ронину, — дополнил Гвай. — Оставалось понять, от чего именно надо спасать дочь госпожи Реллины...

— Дочь? Как дочь? — наперебой затараторили охотники. Новости, прямо скажем,

удивительные! — Реллина — родная мать Лары из Ольборга?

— Да, родная мать, — уверенно сказал каттакан. — Это я выяснил уже в Немедии, в замке Ольборг. О рудненских упырях там и слыхом не слыхивали, но вот про бруксусу слухи ползали уже несколько лет... Пришлось устроить целый спектакль, с магией, превращениями и различными ужасами. Я отловил владельца замка в спальне, в самый неподходящий момент — боюсь, теперь граф навсегда останется несостоительным мужчиной... Ладно, оставим неинтересные подробности. Я так застрашал графа Ольборга, что он с перепугу выложил всю подноготную этой неприглядной истории. Проклятие, которое несет на себе Лара, не является следствием обиды черного мага или ведьминской порчи. Оно врожденное, а не благоприобретенное.

— Благоприобретенное! — повторила Асгерд. — Какое ж тут благо?..

— Никакого. Соль в том, что граф Ольборг очень любил свою мать. Батюшка погиб во время Аквилонской войны, воспитывался он женщинами, а родительницу просто богохульствовал. Когда наследник подрос, вышло так, что он согрешил с собственной матерью. И она вновь забеременела.

— Фф-у! — поморщился киммериец и едва не сплюнул прямиком на пол. — Ничего себе! Это же в сотню раз хуже, чем спать с мужиком!

— В данном случае, хоть детей не будет, — Рэльгонн фыркнул. — А здесь ребенок при рождении ограбил полновесное проклятие — мать и отец пошли против непреложных законов мироздания. Боги от младенца отвернулись. Природа не терпит пустоты — исчезает божественное, приходит демоническое. Тварь из Черной Бездны настолько крепко завладела душой Лары, что теперь не выпустит! Когда девочка достигла определенного возраста и начала становиться женщиной, началось самое страшное — демон начал подталкивать ее на убийства и принялся учить магии. Тогда Лара не сознавала, что ее редкостные знания нашептаны чужаком, бесплотным монстром. Однажды она попробовала живую кровь — понравилось. Лару мало заботило, что ее тело во время охоты изменялось, появлялись сдвоенные клыки, когти... Она полагала, что это естественно.

— Значит, упырица несколько лет безобразничала в Немедии? — спросил Конан.

— Не то слово! Четыре минувших года она посвятила совершенствованию своего... гм... искусства. Сперва осторожничала, убивала по пять-шесть человек в год, затем снежный ком начал нарастать. Прошлой зимой граф уяснил, что дело зашло слишком далеко, пускай секрет Лары знали только он и старая графиня. Жители Ольборга начали уезжать из опасных мест, графство стало эдаким пугалом для всех добродорядочных обывателей, поданные выражали недовольство.

— Вспомнил! — воскликнул Эйнар. — Я слышал о вампире из Ольборга! Года полтора назад встретил в Пайрогии одного приятеля, тоже Дербника, промышлявшего в Немедии. Он и рассказал о бруксе, якобы живущей около Соленых озер! И что было дальше?

— Дальше? Граф Ольборг понял, что следует немедля избавиться от столь опасного отпрыска. Но как? Убить? Лара этого не позволит, да и жалко родную дочурку. Заключить в темницу? Тоже не подойдет. Выход нашли быстро. Людям непосвященным юная графиня казалась милой девушкой, слава о ее красоте достигла самой Бритунии, а тут вовремя подвернулся прекрасный жених, эрл Алаш Ронин. В его пользу говорили отдаленность владения и огромное богатство — Реллина полагала, что, использовав деньги эрла, можно будет нанять знающего мага, который снимет проклятие. Отсюда и переписка, найденная мною в тайнике. К счастью, мы подоспели вовремя — я воображаю, с каким размахом

начала бы действовать упырица, окажись в ее руках деньги и власть. Ронинские владения обезлюдили бы через несколько лет... Спасти ее невозможно, такие проклятия даются навсегда. Причем навсегда в самом полном смысле — после телесной смерти она превратится из бруксы в носферата и продолжит убивать. Ларой завладел очень сильный демон, против которого человек бессилен!

— Тогда каким способом мы ее убьем? — осведомилась Асгерд. — Сейчас брукса обездвижена, опутана серебром и не может колдовать, но стоит потерять внимательность и она вырвется на свободу! Сжечь? Пламя очищает...

— Разумное предложение, однако, увы, совершенно невыполнимое, — покачал головой Рэльгонн. — Демон защитит Лару от обычного огня, такие случаи описаны. Ее не утопишь, не сожжешь и не зарежешь...

— Что же, теперь упырицу надо вечно держать на серебряной цепи в подвале? — огорчился Конан. — Рано ли поздно она освободится и начнет мстить! Не хочется закончить свою жизнь в желудке бруксы...

— Я тоже долго размышлял над этой проблемой и не пришел к определенному решению, — в голосе самоуверенного каттакана впервые на памяти Ночных стражей звучало недовольство самим собой. — Я доселе не знаю, как брукса подчинила моего сородича — на нас не действует магия Хайборийского мира, мы чересчур другие, иные, созданы незнакомыми вам богами... Есть только одно предположение, крайне неприятное: Черная Бездна, вселенная первозданного хаоса и обитель первородного зла, едина для всех миров — для Хайбории, для моего полузабытого дома, для тысяч иных планов бытия... Зло для всех одно, а вот добро — разное. Не будем углубляться в философию и высокие материи, поговорим об этом в другой раз.

— Что будем делать с бруксой? — настойчиво повторил Конан. — Я не верю, что ее невозможно убить! Из любого, самого тяжелого, положения всегда найдется выход!

— Этот выход, причем очень остроумный, подсказал Гвайнард, — ревнивым тоном ответил упырь. — Как думаете, зачем понадобилось прекрасно разыгранное представление с женитьбой Алаша Ронина?

— Именно об этом я и собиралась спросить, — заинтересованно проговорила Асгерд. — Свадьба вельможного, который уже знал от Гвая, кто такая Лара Ольборг, доселе остается наиболее непонятным моментом всей этой истории! Как он мог пойти на такое?

— В интересах дела, — подал голос Гвай. — Сегодня утром я пришел в замок и сам устроил небольшой спектакль. При молодой графине и месьоре Алистере заявил, что мы близки к разгадке, что подозреваем женщину, предположительно туранку, а затем потребовал устроить немедленные поиски по всему княжеству. Напугал Алаша и остальных сообщением, что, возможно, брукса собирается уничтожить все семейство Ронинов, и ее появление связано с фамильным проклятием эрла — Триголов охотится на вельможного только на болотах и в лесу, а вампир может забраться в замок... Короче, страшал как мог, светлейший самую малость в обморок не хлопнулся от таких ужасов! А потом я увел эрла в кабинет, где мы заперлись и долго разговаривали. Я его не щадил — выложил все, как есть. Ронин все-таки оказался мужиком с характером, да и слово дал меня слушаться. Согласился со всеми предложениями. Не знаю, что именно он наплел молодой графине. Думаю, убедил немедленно провести брачную церемонию самым веским доводом — если вдруг его убьют, то состояние и корона эрлов достанутся дядюшке, а не возлюбленной невесте. Лара клюнула — зачем ждать три седмицы, когда деньги и власть сами идут в руки, а Ночные стражи из-за

ее же оплошности напали на след?

— Поэтому она и устроила пожар вкупе с нападением на торговцев, — понимающе сказал Конан. — Желала от нас избавиться. Напасть побоялась — все-таки с нами был Эйнар. Верно рассчитала, что если народ взбунтуется против Ночной стражи, так и не поймавшей упыря, нас попросту разорвут... Хитрая, стерва!

— Мы говорим про свадьбу, — напомнила Асгерд.

— Свадьба потребовалась для того, чтобы Лара стала полноправным членом семьи Ронинов, — сказал Гвай. — И в довесок к собственному проклятию, получила бы проклятие в виде трехголовой собачки. Теперь псина будет охотиться и на Лару Ронин.

— Понял! — Конан ударили кулаком по столу и расхохотался. — Грандиозно! Натравили одного демона на другого! Гвайнард, ты просто гений!

— Полностью разделяю мнение нашего жизнерадостного киммерийца, — покивал упырь. — Задумка сколь оригинальная, столь и единственная. Нынешней ночью мы понаблюдаем, как схлестнутся два представителя одной, чужеродной для жизни, силы. Один монстр жаждет остаться в этом мире, дабы по мере возможностей вредить человеку, а другой обязан его уничтожить!

— А как это будет выглядеть в действии? — нахмурившись, спросила Асгерд. — Вдруг пес не придет? Или не захочет связываться с бруксой?

— Триголов предназначен только для охоты на представителей семейства Ронинов, — сказал Рэльгонн. — И ни для чего более. Это лишь тупой исполнитель, воплощенное в собачье тело заклинание-демон, перед которым стоит единственная задача: убивать. Ему неинтересно, кем является жена эрла Ронина — бруксой, аквилонской королевой, прачкой или публичной девкой. Он выполнит свою задачу. А мы Триголову в этом по мере сил поспособствуем.

— Месьор Рэль? — голос Алаша Ронина донесся от двери. — Не ждал вас увидеть, но все равно — я рад... Хотя, сегодня у меня мало поводов радоваться.

— Оставьте, светлейший, — каттакан надвинул капюшон поглубже. — Переживете, забудете, а рано или поздно найдете замечательную добрую девушку, которая принесет вам счастье и выводок ясноглазых детишек. Если один раз не повезло, это отнюдь не повод для скорби.

Рэльгонн сделал паузу и, наконец, поднялся с табурета.

— Месьоры, вы готовы? Кажется, скоро полночь, пора приступать. Идемте, взглянем на нашу пленницу...

* * *

Ронинские трясины ночью выглядят загадочно и даже величественно. Уходящая за горизонт, плоская как стол равнина освещена голубоватым лунным светом, изредка вспыхивают и тотчас меркнут болотные огоньки — синие, зеленые, белые. Вырастающие из редких островков камни-менгиры загораются на верхушках венцами холодного пламени, над жухлой травой колышется тонкое покрывало тумана, поднимающегося от воды. Царство призраков.

— Главное — ничего не бояться! — говорил Рэльгонн, когда отряд выехал из ворот деревни. Ворота, кстати, пришлось открывать самим — охрана вновь предпочла пересидеть ночь дома, под замком. — Мы не собираемся нападать на Триголова и он тоже не будет причинять нам вред. Просто отъедем подальше и понаблюдаем, что произойдет.

— На всякий случай я зарядил арбалет серебряными стрелами, — Гвай сжимал в руке свой замечательный самострел, полностью готовый к бою. — Говорят, ронинский пес боится серебра.

— Обязан бояться, — подтвердил упырь. — Как и всякая нечистая сила. Только не вздумай палить в собаку без повода! Нынешней ночью Триголов временно становится нашим союзником... Где же он? П полночь отбили, самое время для разгула нечисти!

На болотах никакого движения не замечалось. Охотники уже отъехали на полулигу от деревни, двигаясь по извижающейся меж непроходимых топей дороге.

— Остановимся здесь и подождем, — предложил каттакан, натягивая поводья лошади. — Очень уж местечко живописное!

Да, живописное. Конану, любившему все красивое, здесь почти нравилось. Дорога как раз проходила по большому острову с торчащим посреди менгиrom — огромный камень клыком вырастал из зыбкой почвы, высеченные на граните древние руны, значения которых не понимал и умудренный долгими столетиями жизни упырь, светятся синим огнем, ноги по колено утопают в густом туманном мареве...

Если прислушаться, то различишь странные звуки ночного болота — чавканье ила, тонкий хохот каких-то неизвестных тварей, отдаленное ворчание болотных ящеров, собравшихся на охоту. Варвару показалось, будто он очутился в другом мире — прекрасном, однако жутковатом.

Лошади заметно беспокоились — чувствовали опасность. Раздраженно перетаптывались на месте, повизгивали, а соловый жеребец Гвайнарда ухитрился чувствительно тяпнуть хозяина зубами за плечо.

Пришлось вмешаться Эйнару — броллайхэн сложил трубочкой ладонь у рта, затейливо посвистел и скакуны успокоились.

— Полезные твари, эти духи природы, — сказал Гвай, наблюдая за Эйнаром. — Одна беда, слишком впечатлительные. Сейчас он начнет жалеть несчастную графиню и требовать, чтобы мы ее отпустили.

— А мне не самом деле жалко Лару, как человека! — ответил на то броллайхэн, и покосился на большой мешок, лежащий поперек седла лошади Рэльгонна, лично охранявшего бруксу. — Она ведь не виновата в грехах родителей!

— И Алаш Ронин не виноват, что его пращур был развратником и насильником, — парировал Гвай. — Однако, псины будут преследовать самого эрла, его семью и потомков еще несколько столетий. Грехи отцов падают на детей.

— Господа философы, может быть вам стоит заткнуться и проверить, как поживает упырица? — Асгерд решительно пресекла бесцельный спор. — Давайте оставим ее здесь и поедем домой. Холодно... И жутко.

Рэльгонн вместе с Конаном сняли графиню с лошади и положили на землю у подножия менгира. Упырь сбросил с головы Лары черную ткань.

Супругу эрла Ронина связали весьма тщательно: руки и ноги скованы кандалами, тело опутано шнуром. Во рту — серебряный бруск с веревочкой, завязанной на затылке. Смотрит, впрочем, яростно, без страха.

— Снимем веревку и браслеты с ног, — распорядился каттакан. — Гвайнард, будь любезен, разреши мне поговорить с ней. Только осторожнее вынимай серебро изо рта — останешься без пальцев, откусит!

— Хочешь поговорить — говори, но снимать кандалы я не позволю!

— Почему? Запястья и пальцы останутся скованными, колдовать она не сможет!

— Сказал же — не позволю! — проворчал Гвай, развязывая шнурок и выхватывая серебряный прямоугольник из губ бруксы. — Сбежит. И что потом прикажешь делать? Гоняться за ней по всему континенту?

Рэльгонн присел рядом с госпожой графиней и проникновенно взорвался на нее своими золотистыми мерцающими очами.

— Ну, милочка, давайте недолго побеседуем. Надеюсь, вы понимаете, что вас ждет?

Лара на упыря и не посмотрела.

— Не хотите разговаривать? Обидно. Тогда я буду говорить за двоих. Поймите, мы оказываем вам неоценимую услугу — ваша душа уйдет на Серые равнины, где вас не будут преследовать никакие демоны! В Царстве Отдохновения вы освободитесь от проклятия, которое приносит и вам, и всем остальным сплошные неприятности. Очень жаль, что вам досталась такая вот злосчастная судьба.

— Что ты можешь об это знать?.. — проронила графиня.

— Очень многое, моя дорогая. Я знал людей, которые решительно сопротивлялись тварям Черной Безды, пытавшимся овладеть их душами. Вы поступили наоборот. Вам понравилось быть всемогущей. Демон даровал вам призрак власти, и вы упивались ею. Ошибка в том, что настоящая власть отнюдь не заключается в праве распоряжаться чужими жизнями.

— Вы меня убьете?

— Ни в коем случае, даже пальцем не тронем! Просто оставим здесь, а дальше...

Брукса резко повернулась к каттакану. Привлекательное женское лицо изменилось в одно мгновение — черты лица обострились, глаза стали миндалевидным и узкими, зрачки полыхнули багровым. Лара оскалилась, показав сдвоенные клыки.

Она вызвала на помощь своего демона, немедленно овладевшего телом.

— Отпусти нас, — голос стал мужским и хриплым. — Мы уйдем и больше никогда не вернемся в эти земли. Я могу даровать тебе все, о чем попросишь!

— А у меня все есть, — Рэльгонн ничуть не испугался. Выдержке упыря из Рудны можно было позавидовать. — Да и что такого особенного может предложить мне существо, порожденное Нижней Сферой?

— Хочешь вернуться домой? В свой мир? Немедленно?

— Не такой ценой, — ответил каттакан. — Кроме того, я имею повод сомневаться в твоей искренности. Соглашения с тварями из Черной Безды чреваты губительными последствиями... Домой придется возвращаться тебе, а не мне.

Асгерд неожиданно вскрикнула и метнулась к Конану, больно схватив его за предплечье. Гвай и Эйнар попятались. Если бы не заклинание броллайхэн, лошади давно бы убежали — скакуны дрожали всем телом, с губ падала pena.

На краю островка стоял трехглавый ронинский пес, с интересом наблюдавший за происходящим во все шесть зеленых глаз. Пасти выдыхали темно-красное пламя — прямо дракон какой-то, а не собака!

— Извините... — вид незаметно появившегося безобразного пса пронял даже

выдержанного каттакана. Рэльгонн начал осторожно отступать в противоположную сторону.
— Не хотел помешать, честное слово... Наверное, нам следует оставить собачку наедине с графиней?

Последний вопрос относился к компании охотников. Гвай первым вскочил в седло, подавая пример остальным. Связываться с проклятием Ронинов никому не хотелось.

Огромная псина медленно двинулась к менгиру. Встала над одержимой немедийкой, обнюхала и вдруг отскочила, взвизгнув всеми тремя глотками и поджав хвост. Зверюга явно почудила неладное.

— Неужели Триголов спасет перед трудностями? — сказал Рэльгонн, отъехав на полсотни шагов. — Остановимся, понаблюдаем.

— Может, не надо? — робко попросила Асгерд. — Меня подобные зрелища не привлекают.

— Меня тоже, — поддержал девушку Конан. — Очень уж несимпатичный этот зверь...

— Хотите — поезжайте! — раздраженно бросил упырь. — Я обязан знать, что упырица умерла! Потом все расскажу.

Разумеется, никто не уехал. Долг Ночных стражей обязывал оставаться на месте событий до последнего.

Пес, порыкивая, ходил кругами, подскакивал к добыче, ударял лапой и отпрыгивал обратно. Болотный демон не понимал, с чем именно столкнулся. Перед ним был человек, которого следовало убить, но кроме человека зверь видел... Нечто. Возможно, своего собрата, порожденного Изначальной Тьмой. И собрата отнюдь не доброжелательного!

Наконец, терпение пса иссякло. Он замер, подняв переднюю лапу. Средняя голова, будто подавая сигнал, коротко тявкнула. Зверь прыгнул, подмяв жертву под себя и начал рвать клыками. Вот тут и начался сущий кошмар — оба демона вступили в смертельную схватку. Никто из охотников так и не разобрал, откуда появились струи жидкого зеленоватого огня, почему высокий менгир вдруг с грохотом развалился на части, каким образом вскипела вода в окружавших островок полыньях...

Яростный рев пса накладывался на тонкий визг бруксы, шипело колдовское пламя, кольцом расположившееся вокруг места поединка, выли струи пара, но Триголов не отступал. Проклятие Ронинов должно исполниться!

Нечто, поселившееся в человеческом теле, покидало мир живых. Над болотами разнесся последний взрыв надрывного хохота, перемешанного со стенаниями и плачем. И все затихло.

— Кажется, проклятие исполнилось, хотя... — начал Рэльгонн, но сразу осекся. Мимо пробежал ронинский пес — обожженный, прихрамывающий, на правой голове оторвано ухо. Мерзко пахнуло жженой костью. На всадников собака внимания не обратила. Разбежалась, прыгнула, и с тяжким хлюпом исчезла в трясине — только круги по воде...

— Светлейшему эрлу несколько ночей можно спокойно разгуливать по своим владениям, — не преминул съязвить Эйнар. — Думаю, псине теперь будет не до охоты. Взглянем на то, что осталось от нашей прелестной бруксы?

— Утром, — отмахнулся Гвай. — Когда земля остынет... Знаете, какая мысль меня вдруг посетила? Оказывается, Вселенское Зло не столь хитроумно и каверзно, как принято считать. Повелителями Черной Бездны допущена невероятная, почти немыслимая ошибка — не учли, что Тьма может сама уничтожить своего отпрysка. Мы попросту сыграли на их противоречиях. И сыграли блистательно!

Утром на островке не нашли ничего, кроме оплавленных обломков рухнувшего менгира, капель серебра, в которые превратились оковы и остатков почерневшего человеческого скелета — рассыпающиеся в пыль кости разбросало в округе двадцати шагов.

Гвайнард не поленился, собрал все, что можно было найти, и швырнул части остова в ту самую промоину, куда нырнул ронинский пес. На закуску, так сказать.

— Предлагаю напиться, — подал здравую идею Эйнар. — Сколько можно возиться с этой пакостью? Мы честно заслужили пару дней отдыха!

— А еще надо заглянуть к эрлу Алашу, забрать награду, — напомнила Асгерд. — Он вроде бы собирался заплатить втрое против условленного?

— Тебе не кажется, что это будет невежливо и бессердечно? — Гвай отряхнул ладони от пепла и нагнулся к полынье, вымыть руки. — Требовать у человека деньги за убийство его собственной жены? Давайте обойдемся двумя тысячами ауреев, которые уже заплачены!

— Нет уж! Никогда! Даже не думай об этом! — дружно взбунтовались доблестные охотники. — Сказано втрое, значит втрое!

— Эх, скареды, — вздохнул Гвай. — Никакого сочувствия. Ладно, схожу... Гляньте, кто это едет?

На дороге, ведущей к Ронину, появился всадник, в котором Конан опознал молодого десятника, с которым разговаривал вчера днем в караулке у ворот.

— Доброго утру, господа, — сказал дружиный, остановив коня. Подозрительно осмотрел следы пожарища. — Страсти-то, какие творятся — слыхали, говорят супругу вельможного ночью Триголова зажрал!

— Неужели правда? — невинно вздернула брови Асгерд.

— Истинная. Я это к чему? За вами эрл вместе с каштеляном послали. Сказали передать, будто из Райдора гонец явился.

— И дальше что? — насторожился Эйнар.

— Герцог требует под свои очи... В Райдоре, мол, беда.

— Упырь? — безнадежным тоном осведомился Гвай.

— Хуже, господа мои. Совсем страшный зверь появился, здоровый, будто медведь, клычищи — во какие! — Десятник отмерил вытянутыми ладонями не меньше полутора локтей. Добавил, сконфуженно: — Название чуды, извиняйте, не припомню. Ученое больно. По донесению, двоих насмерть съела...

— Только не это, — простонал Эйнар. — Опять!

— Поехали собираться, — Конан выглядел насквозь невозмутимым. — Надо, так надо. Больше в Ронине нас ничто не держит.

Гвайнард с удивлением взорвался на киммерийца.

— А ты, как погляжу, вошел во вкус, — изрек предводитель ватаги. — Ладно, двинулись. Эйнар, умоляю, не делай такое горестное лицо — идти в Ночную стражу тебя никто не заставлял!